Автономная некоммерческая организация высшего образования
«Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского»

На правах рукописи

Бааль Наталья Борисовна

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИЗМУ В ИНТЕРЕСАХ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Специальность 5.5.2. «Политические институты, процессы и технологии».

ДИССЕРТАЦИЯ

на соискание ученой степени доктора политических наук

Научный консультант:
доктор политических наук, профессор
Волох Владимир Александрович

Москва, 2026

Оглавление

Введение.....4

Глава 1. Научно-теоретические основы формирования государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму как фактора обеспечения безопасности страны.....33

1.1. Место и роль государственной политики противодействия экстремизму в системе обеспечения безопасности страны.....33

1.2. Зарождение и развитие экстремизма, представляющего опасность для безопасности страны: теоретические проблемы в политической науке.....41

1.3. Правовые основы противодействия экстремистской деятельности и борьбы с экстремизмом.....54

Глава 2. Анализ специфики государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности государства.....67

2.1. Опасность проявления экстремизма для государства в условиях современных социально-политических трансформаций на глобальном и региональном уровнях.....67

2.2. Специфика экстремизма в Российской Федерации: направления, сферы, динамика.....85

2.3. Экстремистские течения и организации как угроза безопасности Российской Федерации: направления, сферы, динамика.....100

Глава 3. Актуальные аспекты государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму.....125

3.1. Зарубежный опыт и перспективы борьбы с феноменом экстремизма, актуальные политико-правовые аспекты противодействия экстремизму в России.....125

3.2. Социокультурный уровень преодоления экстремизма в обществе.....133

3.3. Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности.....147

Глава 4. Рекомендации органам государственной власти по противодействию экстремизму в интересах обеспечения безопасности России.....161

4.1. Проблемы и перспективы совершенствования нормативно-правовой базы противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности страны.....161

4.2. Фактор политической социализации общества как фундамент механизма обеспечения национальной безопасности в интересах обеспечения безопасности страны.....170

4.3. Государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму как угрозы безопасности государства.....181

Заключение.....227

Список использованных источников и литературы.....258

Приложение…….....……304

Введение

Актуальность диссертационного исследования. В настоящее время экстремизм давно перестал быть внутренней проблемой отдельных стран. Анализ состояния политической обстановки современности свидетельствует, что государства не отказались от применения военной силы при реализации национальных интересов, включая специальную военную операцию на Украине, которая является жизненно важным условием существования России как цивилизации.

На примере близкой России по менталитету Украины мы увидели, как культивирование экстремистской деятельности из-за рубежа, в условиях отсутствия эффективной государственной политики по противодействию этой деструктивной тенденции, привело Украину к государственному перевороту и внутреннему вооруженному конфликту, начавшемуся в 2014 г. и переросшему к 2022 г. в полномасштабные боевые действия с сопредельными государствами.

В XXI в. экстремистская деятельность стала представлять не только внутреннюю угрозу обществу, но и превратилась в один из способов ведения боевых действий на территории противника в рамках так называемой гибридной войны.

Содержание вооруженного противоборства поддерживается дипломатической, экономической, идеологической, информационно-психологической, разведывательно-диверсионной и экстремисткой деятельностью. Поэтому экстремисткой деятельности должна противостоять специфическая государственная политика, основанная на достижениях теории государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности страны. Данная политика является частью государственной политики и гармонично интегрирует в себя другие элементы политики, а также аспекты безопасности данных политик. Таким образом, целесообразно выделить отдельно для исследования

«государственную политику Российской Федерации в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности страны» (далее – государственная политика). Проблемы исследования данной политики влекут за собой необходимость уточнения федерального законодательства в области противодействия экстремизму.

Экстремистские тенденции в обществе способны разобщать граждан, провоцировать внутренние конфликты и подрывать доверие к государственным институтам. Если эти тенденции не сдерживать, они могут вылиться в масштабные беспорядки или даже вооруженные мятежи, которые потребуют отвлечения значительных сил и средств армии на их подавление, как это было, например, в случае чеченского сепаратизма 1990-х гг. Таким образом, борьба с экстремизмом напрямую связана с укреплением обороноспособности: нейтрализуя внутренние угрозы, государство сохраняет целостность и управляемость, что позволяет сосредоточить усилия на внешней защите.

Вопрос природы экстремизма и методов государственной политики, способных обеспечить безопасность, стабильность и эффективное противодействие различным проявлениям данного явления в современном российском политическом пространстве, является крайне актуальным в условиях модернизации российского государства и выстраивания специальных структур, гражданского многонационального общества, поскольку именно в обстановке социальных перемен, подобных перманентным реформам в современной России, растет являющийся питательной почвой политического радикализма слой людей, не интегрированных в новый социальный порядок, резко увеличивается число экстремистских групп с характерными для них чертами воинствующей ограниченности, жесткой авторитарностью мышления, нетерпимостью ко всему чужому. Данный фактор может привести к вооруженному мятежу, что подтверждается историческими событиями, включая «Корниловский мятеж» в 1917 г., «Пригожинский мятеж» в 2023 г.

За прошедшие десятилетия XXI в. значительно расширилась информационная, стратегическая, идеологическая и ресурсная взаимосвязанность экстремистских объединений в отдельных странах и в международном масштабе. Особое место в этом процессе занимает территория России и бывших союзных республик, а также стран Восточной Европы, на пространствах которых активизировалась деятельность националистических и религиозных организаций. Ярким примером отечественной политической истории начала 90-х гг. XX столетия на Северном Кавказе является создание и функционирование на территории Чеченской республики криминального террористического режима чеченских сепаратистов. Пользуясь поддержкой лидеров международного терроризма, политические руководители Ичкерии–Чечни в период с 1991 по 1999 гг. проводили политику отделения субъекта от Российской Федерации посредством совершения террористических актов. Используя их для достижения политических целей, террористы в ряде регионов России ввели в практику захват заложников и показательные казни людей. В этот период была сформирована армия вооруженных боевиков, подготовленных к проведению крупномасштабных террористических операций. Военная доктрина Российской Федерации, утвержденная Президентом Российской Федерации 25 декабря 2014 г. № Пр-2976[1], определяет деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленную на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации как внутреннюю военную опасность.

За последнее время существенно изменились и коммуникационные каналы проникновения экстремизма в социальную среду. В XXI в. экстремистская идеология получила новые каналы проникновения в общество через Интернет. Радикальные группы активно используют социальные сети, форумы и мессенджеры для вербовки граждан или распространения

[1] Далее – «Военная доктрина».

пропаганды. Неформальные связи облегчают вербовку по принципу «свой-чужой», когда радикально настроенные слои общества привлекают своих коллег, знакомых, всех тех, кто им доверяет. Такие сети могут пересекать территориальные границы, например, через международные связи или Интернет-форумы, объединяющие радикально настроенных в разных странах. Таким образом, это серьезная угроза, поскольку она позволяет экстремистской идеологии скрытно укореняться и распространяться. В связи с этим представляется весьма актуальной теоретическая разработка комплекса проблем, связанных со спецификой экстремизма, глубиной его воздействия на основные компоненты российской социально-политической системы и возможностью достоверно спрогнозировать направления влияния, а также формы проявления экстремизма на различных ее уровнях. Решение этих проблем позволит реализовать сугубо практические задачи обеспечения национальной безопасности страны. Также представляемая научная работа направлена на решение научной проблемы отсутствия комплексного подхода к формированию и реализации государственной политики противодействия экстремизму в системе обеспечения безопасности Российской Федерации.

Общественная опасность экстремизма заключается в провоцировании органов государственной власти к ответному насилию, дестабилизации демократических структур общества и поощрении практики нарушения конституционных прав и свобод граждан. По данным уголовной статистики установлено, что в течение 2016–2025 гг. к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности привлечено 4343 человека: террористического характера – 3188 (73,4%), экстремистской направленности – 1155 (26,6 %).

Молодежь представляет собой основную группу риска вовлечения в экстремистскую деятельность. По статистике, до 80 % участников экстремистских формирований – это молодые люди в возрасте до 30 лет. Принятый в 2020 году ФЗ «О молодежной политике в

Российской Федерации»[1] закрепил, что «молодежь» – это лица в возрасте от 14 до 35 лет включительно. В приводимой в диссертации статистике ГИАЦ МВД России молодежь представлена лишь возрастной категорией с 18 до 29 лет.

Возрастная принадлежность лиц, совершивших в анализируемом периоде преступления террористического характера и экстремистской направленности, характеризуется следующими показателями (статистика ГИАЦ МВД России):

- несовершеннолетние (возраст – 14–17 лет) – 168 (3,9 %);
- молодёжь (возраст – 18–29 лет) – 2399 (55,2 %);
- лица в возрасте 30–49 лет – 1565 (36 %);
- лица старше 50 лет – 211 (4,9 %).

Распределение по возрастным категориям лиц, совершивших преступления террористического характера, выглядит следующим образом:

- несовершеннолетние (возраст – 14–17 лет) – 117 (3,7 %);
- молодёжь (возраст – 18–29 лет) – 1884 (59,1 %);
- лица в возрасте 30–49 лет – 1096 (34,3 %);
- лица старше 50 лет – 91 (2,9 %).

Лица, совершившие в анализируемом периоде преступления экстремистской направленности, распределились по возрастным категориям следующим образом:

- несовершеннолетние (возраст – 14–17 лет) – 51 (4,4 %);
- молодёжь (возраст – 18–29 лет) – 515 (44,6 %);
- лица в возрасте 30–49 лет – 469 (40,6 %);
- лица старше 50 лет – 120 (10,4 %)[2].

---

[1] Федеральный закон "О молодежной политике в Российской Федерации" от 30.12.2020 г. № 489-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/obob/. – Текст : электронный.

[2] Данные ГИАЦ МВД России.

Проблема экстремизма в молодежной среде представляет собой одну из ключевых проблем для современного российского общества и государства. Независимо от «идейной окраски», последствия экстремистской деятельности носят деструктивный и дестабилизирующий характер во всех ее проявлениях. Существенным является и тот факт, что опасность экстремизма обусловлена не только прямой угрозой общественному порядку, но и свойственной ему склонностью к эскалации в более тяжкие преступления, такие как терроризм и организация массовых беспорядков.

Анализ современных условий и факторов позволяет сделать вывод, что западными странами в отношении России проводится политика непрямых действий, целью которой является подрыв страны изнутри в различных сферах ее жизнедеятельности. Выполнение этих комплексных мер осуществляется на фоне проведения специальной военной операции на Украине, сохраняющихся социально-экономических трудностей, обусловленных санкционным давлением, межнациональными противоречиями, провоцирующими появление внутренних военных угроз.

Актуальность работы также обусловлена:

- ростом экстремистских угроз в современных условиях на фоне активизации информационно-психологических операций;

- фрагментарностью существующих механизмов противодействия экстремизму, что создает угрозу внутренней устойчивости государства и национальной безопасности;

- отсутствием четко структурированной теоретической модели, связывающей государственную антиэкстремистскую политику с обеспечением безопасности страны;

- недостаточной проработкой роли идеологии, патриотического воспитания и правовой культуры в системе профилактики деструктивных идеологий и поведения в молодежной среде;

- необходимостью научного обоснования новых подходов и предложений, которые могут быть реализованы в системе школьного и вузовского образования.

Степень научной разработанности. Понятие «экстремизм» тесно связано с самыми сложными и драматичными сторонами жизни общества и не имело широкого распространения в отечественной науке вплоть до 1980-х годов, хотя, например, опасность распространения неонацизма и неофашизма в социуме различных стран стала очевидной на несколько десятилетий раньше. Сегодня экстремизм находится в центре внимания различных отечественных и зарубежных научных школ. Поэтому данная проблема представляет собой сложный предмет комплексного междисциплинарного научного исследования, которое охватывает все сферы безопасности страны, государственной политики, социологии, военной истории, правоведения, государственного и военного управления. Изучение литературы в рамках рассматриваемой научной сферы позволило нам сгруппировать научные труды и другие источники, имеющие непосредственное отношение к исследуемой проблеме, по ряду направлений, что способствовало всестороннему рассмотрению предмета диссертационного исследования.

К первой группе относятся исследования, посвященные сущности экстремизма в контексте политической, правовой, экономической и социокультурной жизни современного общества. Это труды Р. Арона, Д. Белла, П. Бурдье, М. Вебера, Р. Дарендорфа, Д. Истона, В. Лакера, Б.Н. Бессонова, Лабунца М.И., В.Ю. Верещагина, А.А. Галкина, А.С. Грачева, Э.А. Паина, Г.С. Филатова, Н.В. Устрялова и др. Также работы, посвященные исследованию предметного поля экстремизма (конфликтологический, этнонациональный и этноконфессиональный аспекты) в России и других странах. Это работы Абдулатипова Р.Г., Акаева В.Х., Алексеева С.А., Арухова З.С., Аствацатуровой М.А.[1] и др.

---

[1] Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000; Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999; Бурдье П. Социальное пространство:

Вторую группу источников составили научные работы, на которые мы опирались в исследованиях по противодействию угрозам безопасности страны внутреннего характера (его механизм, органы, силы и средства, национальные интересы и приоритеты в этой области). Существенный вклад в исследование общих проблем обеспечения безопасности России, ее государственной политики, а также ее организационных аспектов и угроз внесли О.А. Бельков, А.В. Возженников, И.С. Даниленко, Е.А. Дербин, А.П. Дмитриев, Н.Н. Ефимов, А.А. Кокошин, С.В. Кортунов, А.А. Прохожев, А.Х. Шаваев и другие авторы[1].

поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб. Алетейя, 2005; Вебер М. Образ общества. М., 1994; Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5; Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997.Т. II; Лакер В. Долгий путь к свободе. Россия и гласность. М.: Прогресс, 1990; Бессонов Б.Н. Философия, политика и современность // Философские науки, 1989, № 10; Верещагин В.Ю., Лабунец М.И. Политический экстремизм в контексте модернизации современной российской государственности // Философия права, 2002, № 2 (6); Галкин А.А. Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. М. 2003; Грачев А.С. Политический экстремизм – М.: Мысль, 1986; Паин Э.А. Имперский национализм: возникновение, эволюция и политические перспективы в России // Общественные науки и современность. 2015. № 2; Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984; Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. Харбин. 1933; Абдулатипов Р.Г. Судьбы ислама в России. История и перспективы. М.: Мысль, 2002; Акаев В.Х. Экстремизм и терроризм в молодежной среде: противодействие средствами мобилизации этнокультурных ценностей: сборник научных материалов в помощь учителям школ Чеченской Республики. Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М. Д. Миллионщикова, Чеченский институт повышения квалификации работников образования. – Махачкала, Алеф, 2020; Алексеев С.А., Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Гаязов Э.Б. Молодежный экстремизм в России и за рубежом-возможности решения проблемы // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 17; Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе: Очерки теории и практики. Махачкала, 1999; Аствацатурова М.А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в СевероКавказском регионе. ИЭА РАН, 2010.

[1] Бельков О.А., Даниленко И.С., Дмитриев А.П. Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы). М.: ВАГШ, 1994; Возженников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: Дис. … докт. полит. Наук.М., 2002; Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2014; Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: ЛЕНАНД, 2014; Кортунов С.В. Становление политики безопасности: формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: «Наука», 2003; Общая теория национальной безопасности // Под ред. А. А. Прохожева / М.: Изд-во РАГС, 2005. 344 с.; Шаваев А.Х. Национальная безопасность как система. М.: ВАГШ ВС РФ, 2003.

К **третьей группе** относятся публикации, посвященные исследованию экстремизма в молодежной среде. Это исследования Волкова Ю.Г., Гришина Е.А., Ильинского И.М., Зубок Ю.А., Иваненкова С.П., Лисовского В.Т., Лукова В.А., Ручкина Б.А., Чупрова В.И. и др.

Проблемы протестного поведения систематизированы в исследованиях Косарецкой С.В., Маркова Н.Ю., Петрова Т.А., Яшина И.В. Классификация экстремистских формирований политической направленности в молодежной среде (Гущин В.А., Канаян В.А., Килясханов Х.Ш., Козлов А.А., Улупова Г.А.[1] и др.).

Четвертая группа источников включает исследования вопросов безопасности и направлений ее обеспечения в России. Прежде всего, объектом целого ряда работ стала внутренняя политическая стабильность в ее различных измерениях и показателях.

Среди них фундаментальное значение имеют работы В.В. Локосова, А.В. Макеева, А.И. Соловьева[2]. А также исследования источников угроз военной безопасности многих стран, противоборство трендов формирования многополярного и однополярного миропорядка. Исследованию данных процессов и в целом современной системы международных отношений посвящены работы В.И. Анненкова, Е.П. Бажанова, В.М. Барынькина, А.Д. Богатурова, А.Д. Воскресенского, А.Г. Дугина, А.Г. Задохина,

---

[1] Канаян В.А., Козлов А.А., Гущин В.А., Бугаков И.С. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга. Теория, практика, методы профилактики экстремизма. Санкт-Петербург. Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, 2008; Ручкин Б.А. Молодежь и общество: уроки истории. М., 2016; Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001; Улупова Г.А.Терроризм как социальный феномен: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 09.00.11 / Твер. гос. ун-т. - Тверь, 2003.

[2] Локосов В.В. Трансформация национальной государственности как глобальный вызов. – М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006; Макеев А.В. Основы политики национальной безопасности: структурогенез и механизм реализации: Дис. …докт. полит. наук – М., 1999; Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. 2003. № 1 (электронный ресурс).

В.В. Штоля[1]. В них исследуются процессы политической системы, взаимодействие центров трансформации знаний международных институтов.

В настоящее время политология и другие гуманитарные науки продолжают изучение расширяющегося спектра угроз безопасности. Среди них анализируется опасность терроризма, политического экстремизма, этноконфессиональных конфликтов, неконтролируемых миграционных процессов.

В отдельное направление оформляется исследование «гибридных войн» – технологий разрушения факторов жизнеспособности государства. Также заслуживают внимания работы по «ненасильственным» методам дестабилизации внутриполитической обстановки, прежде всего – исследования Дж. Шарпа, Р. Хелви, Г.Г. Почепцова, С.Г. Кара-Мурзы, Г.О. Павловского[2] по технологиям проведения «цветных» революций.

Большее внимание стало уделяться анализу внутренней дестабилизации как инструмента межгосударственного противоборства, ослабления и изматывания их участников. Проведение акций политической

---

[1] Анненков В.И., Сурма ИВ. Карпов В.В., Моисеев А.В. «Сетецентрическое управление»: современная парадигма развития систем управления в вооруженных силах ведущих держав мира. Национальная безопасность / nota bene, 2014(2); Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в 3-х томах. – М., 2001; Барынькин В.М. Сущность военной опасности, ее источники для России // Национальная безопасность: актуальные проблемы. М: ВАГШ, 2000; Богатуров А. Д., Косолапов И.Л. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М., 2002; Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в современных международных отношениях. – «Сравнительная политика», 2012. Т.3. № 2; Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000; Задохин А.Г. Международные отношения на Балканах (вторая половина XX века): национализм и конфликты. – М., 2002; Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.

[2] Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство. 2005; Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. East Boston, MA: The Albert Einste in Institution, 2004; Кара-Мурза С.Г,ТелегинС. АлександровА. Мурашкин М. Экспортреволюции. Саакашвили, Ющенко. М.: Алгоритм, 2005; Павловский Г.О. Власть и оппозиция. М.: Европа, 2005; Почепцов Г.Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. М.: Европа, 2005; Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005.

дестабилизации опирается на положения информационно-психологического противоборства. Его сущность и способы, а также пути противодействия информационным угрозам государственной безопасности России подверглись исследованиям ученых: Г.В. Емельянова, А.В. Манойло, И.Н. Панарина, А.А. Стрельцова[1].

Субъектами угроз политической стабильности стали сетевые организации террористической и экстремистской направленности, повстанческие движения. Формы противодействия им детально исследованы зарубежными исследователями Дж. Андреани, Дж. Арквиллой, А. Боускетом, Занини, М. Кенни, Д. Ронфельдтом, М. Сейджманом, Э. Смитом[2].

Пятая группа источников включает национальные нормативные правовые акты и международные договоры Российской Федерации[3], общепризнанные принципы и нормы национального и международного права, которые определяют основы или затрагивают отдельные вопросы правового регулирования в обеспечении безопасности Российской Федерации и борьбы с экстремизмом.

---

[1] Емельянов Г.В., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения безопасности информационного общества. «Информационное общество». 1999, вып.2; Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003; Панарин И.Н. Система информационного противоборства. Военно-промышленный курьер, 2008, № 41; Стрельцов А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России: Дис. . докт. юр. наук, 2004.

[2] Andreani G. The «War of Terror»: Good Cause, Wrong Concept // Survival, 2004-2005; Bousquet A.The Scientific Way of Warfare: Order and Chaos on the Battlefields of Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 2009; Kenney M. From Pablo to Osama: Counter-terrorism Lessons from the War on Drugs. Survival, 2003; Ronfeldt D., Arquilla J. What next for networks and netware? / Santa-Monica: Rand Corp., 2001; Smith E.A. Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. Washington, D.C.: DOD-CCRP, 2002; Zanini M. The Network of Terror in the Information Age // Globalization and the New Terror: The Asia Pacific Dimension / Elgar, 2004; Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.

[3] См: Федеральный закон от 31 мая 1996 г. № 61-ФЗ «Об обороне»; Военная доктрина РФ (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976); Концепция внешней политики РФ (утв. Президентом РФ 12.02.2013 г.); Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Президентом РФ 2.07.2021 г. № 400); Договор о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.); Устав Организации Договора о коллективной безопасности (г. Кишинев, 7 октября 2002 г.) и др.

Вместе с тем современные российские и зарубежные исследования экстремизма демонстрируют значительный теоретический потенциал в осмыслении его сущности, типологии, причин и форм проявления, однако в большинстве случаев фокусируются преимущественно на общем теоретическом анализе и криминологическом, социологическом или правовом аспектах, лишь в ограниченной степени затрагивая конкретные практические механизмы противодействия экстремизму в современных условиях, особенно политическому экстремизму. При этом существующие работы, как правило, рассматривают экстремизм как одну из внутренних угроз, уделяя приоритетное внимание деятельности правоохранительных органов и специальных служб, тогда как комплексный анализ государственной политики противодействия экстремизму в контексте обеспечения национальной безопасности остается разработанным фрагментарно.

Сложившаяся ситуация обуславливает наличие устойчивого противоречия между, с одной стороны, нормативным закреплением экстремизма в официальных документах Российской Федерации как одной из значимых угроз национальной безопасности и необходимостью формирования целостной государственной политики в данной сфере и, с другой стороны, недостаточной теоретической и методологической проработанностью государственной политики противодействия экстремизму как самостоятельного направления деятельности государства, включающего не только правоохранительные, но и политические, институциональные, социальные, информационно‑коммуникационные и иные меры.

Глубокий анализ онтогенеза и филогенеза экстремизма, его практические особенности и тенденции нелинейной динамики данного явления в современных российских социально-политических условиях нуждаются в комплексном политологическом научном обобщении, результаты которого могут послужить основой формирования стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации.

Современная ситуация обусловливает необходимость более глубокого теоретического осмысления государственной политики противодействия экстремизму. Для этого требуется, прежде всего, определить основные угрозы, связанные с экстремистской деятельностью, установить цели, принципы и приоритеты государственной политики, исследовать действующие институты и механизмы противодействия, а также оценить возможности их дальнейшего развития.

Особого внимания требует учет изменений, происходящих в характере экстремистских проявлений. Их распространение все чаще связано не только с традиционными социальными и политическими конфликтами, но и с цифровой средой, трансформацией коммуникаций, изменением способов политической мобилизации и появлением новых форм идеологического воздействия.

В связи с этим комплексное политологическое исследование экстремизма необходимо связывать с анализом устойчивости политической системы и состояния национальной безопасности. Такой подход позволяет перейти от рассмотрения отдельных проявлений экстремистской активности к выявлению факторов, определяющих ее возникновение, развитие и распространение. Полученные результаты могут использоваться при формировании государственной политики, ориентированной одновременно на предупреждение радикализации, обеспечение политической стабильности и укрепление национальной безопасности Российской Федерации.

Анализ актуальности и степени разработанности диссертационной темы позволил выявить и сформулировать научную проблему, объект и предмет, а также цель и задачи исследования.

Научная проблема исследования состоит в отсутствии комплексного анализа по вопросу несоответствия между закреплением экстремизма в стратегических и нормативно-правовых актах Российской Федерации как одной из ключевых угроз национальной безопасности и недостаточной теоретической и практической разработанностью целостной государственной

политики противодействия экстремизму как многоуровневой системы мер, выходящих за рамки исключительно правоохранительной деятельности.

Указанная научная проблема определила сущность и характер проводимого исследования, а именно обоснование государственной политики противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации.

Анализ феномена экстремизма с позиций политологической науки, основывающийся на многоаспектности предмета исследования, позволяет рассмотреть различные стороны генезиса, развития, профилактики и минимизации указанного явления, а также его места в политической жизни современного российского общества.

Таким образом, диссертационное исследование «Государственная политика Российской Федерации в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности страны» призвано внести вклад в решение актуальной проблемы, имеющей теоретические, методологические, концептуально-методологические и практические аспекты обеспечения безопасности страны.

Объектом исследования выступает феномен безопасности Российской Федерации.

Предмет диссертационного исследования – государственная политика противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации.

Целью диссертационного исследования является разработка комплексного научно обоснованного подхода к формированию и реализации государственной политики противодействия экстремизму как ключевого элемента системы обеспечения безопасности Российской Федерации.

Границы диссертационного исследования охватывают государственную политику в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности в новейшей истории Российской Федерации, в современных условиях и перспективе ее развития на

период до 2035 года. Диссертация ограничена преимущественно исследованием экстремизма в молодежной среде, поскольку именно данная категория в силу объективных причин наиболее подвержена экстремистскому, радикальному влиянию.

Для достижения цели исследования были поставлены и решены следующие частные научные **задачи:**

- осуществить и проанализировать современные подходы к формированию государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах безопасности государства, дать авторское определение;

- изучить отечественную и зарубежную историю противодействия экстремизму как угрозы безопасности страны;

- рассмотреть основные теоретические подходы к феномену экстремизма как прямой угрозе с учетом специфики его формирования, развития и распространения в условиях современной России;

- выявить особенности действующей в Российской Федерации нормативно-правовой базы, регламентирующей государственную политику противодействия экстремистской деятельности в интересах безопасности государства и предложить пути ее совершенствования;

- проанализировать имеющиеся в Российской Федерации экстремистские течения и организации с целью определения степени их опасности для интересов страны;

- исследовать специфические факторы, способствующие распространению в российском обществе экстремистских настроений, определить степень их значимости и предложить возможные методы нейтрализации;

- определить возможности и перспективы политико-правовых аспектов и социокультурных форм противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности страны;

- актуализировать опыт взаимодействия органов обеспечения безопасности и правопорядка по предупреждению экстремистской деятельности, представляющей опасность для страны;

- разработать авторская технология «политической социализации общества» и «социокультурного преодоления» экстремизма как фундаментальных элементов механизма обеспечения национальной безопасности;

- сформировать теоретико-методологическую основу выстраивания политики, направленной на нейтрализацию и профилактику экстремизма;

- предложить конкретные механизмы реализации государственной политики по противодействию экстремизму, включая правовые, организационные, информационные и идеологические инструменты;

- создать диагностические базы для мониторинга экстремистской активности и оценки ее влияния на безопасность государства;

- подготовить проект Концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны».

Положения, выносимые на защиту:

1. Обоснована теоретико-методологическая концепция анализа экстремизма как стратегической угрозы национальной безопасности Российской Федерации.

Дается авторское уточнение понятийного аппарата и специфики экстремизма в современных российских условиях, доказывается его статус стратегической угрозы, создается теоретическая основа для выстраивания политики противодействия.

2. Выявлены и систематизированы исторические и современные факторы распространения экстремистских настроений в российском обществе, включая оценку степени их опасности и методов нейтрализации.

В результате анализа отечественного и зарубежного опыта противодействия экстремизму разработана классификация действующих

экстремистских течений в Российской Федерации по степени опасности, выделены специфические факторы роста.

Представлена авторская технология противодействия экстремизму, включающая «политическую социализацию общества» и «социокультурное преодоление» как фундаментальные механизмы обеспечения национальной безопасности.

Автор предлагает не просто набор мер, а целостную технологию, работающую на опережение через социализацию и изменение культурной среды.

3. Предложен комплекс политико-правовых и социокультурных средств реализации государственной политики противодействия экстремизму. В него включены правовые и организационные меры, информационные и идеологические механизмы, а также диагностические инструменты, предназначенные для наблюдения за динамикой экстремистской активности. Использование данного комплекса позволяет систематизировать накопленный опыт взаимодействия силовых структур, конкретизировать применяемые механизмы противодействия и создать основу для оценки влияния экстремистских проявлений на состояние безопасности.

4. Разработан проект межведомственной концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны», который предлагается использовать в качестве основы стратегического планирования государственной политики Российской Федерации на период до 2035 года.

Таким образом, одним из основных прикладных результатов докторского исследования является проект концепции, ориентированный на использование в сфере государственного управления и стратегического планирования.

Научная новизна работы определяется системным рассмотрением противодействия экстремизму в качестве самостоятельного направления государственной политики, непосредственно связанного с обеспечением безопасности страны.

Этот подход включает несколько оригинальных аспектов наиболее значимым из которых является интеграция политики противодействия экстремизму в национальную безопасность. Проведенное исследование показывает, что экстремизм в современных условиях рассматривается не только как социальная, но и как стратегическая угроза безопасности государству. Предлагается включать антиэкстремистские меры в стратегические документы, регулирующие национальную безопасность страны. Такой подход делает борьбу с экстремизмом одним из основных направлений системы безопасности страны.

Также в работе использован количественный метод анализа официальных статистических данных ФКУ «ГИАЦ МВД России» за период с 2016 по 2025 гг., что позволило провести анализ динамики и структуры исследуемого явления на основе репрезентативных числовых показателей.

В работе вводится и теоретически обосновывается концепт экстремизма как элемента информационно-психологической войны, подрывающего устойчивость правоохранительных и государственных структур изнутри. Автором предлагается новый подход к экстремизму «как к фактору подрывной деятельности». Это отражает современное понимание гибридных угроз.

Уникальность работы проявляется и в том, что автор предлагает многоуровневую систему: стратегический, тактический и оперативный уровни реализации антиэкстремистской политики в силовых структурах. Это отличается от традиционного подхода, ориентированного в основном на профилактику в гражданском обществе.

Одним из результатов исследования является конкретизация психологических, идеологических и организационных мер профилактики экстремизма. Предлагается учитывать специфику их применения как в

гражданском обществе, так и в различных силовых структурах. Существенное место в данном направлении занимают воспитание патриотизма, формирование устойчивости личности к идеологическому воздействию и своевременное выявление социальных и психологических факторов уязвимости.

Отдельное направление исследования связано с изменением характера радикализации под влиянием цифровых платформ. Современная информационная среда создает дополнительные возможности для распространения экстремистских идей, вовлечения новых участников и формирования устойчивых сетевых сообществ. В этой связи сформулированы предложения по совершенствованию мониторинга информационного пространства, выявлению деструктивного контента и развитию механизмов информационного противодействия.

Еще одним результатом является разработка модели координации деятельности силовых структур и гражданских органов власти. Такая координация рассматривается как необходимое условие комплексного противодействия экстремизму. В существующих исследованиях данная проблематика в ряде случаев рассматривается фрагментарно, тогда как предлагаемая модель ориентирована на объединение различных субъектов государственной политики в единую систему профилактики и реагирования.

Исследование также содержит предложения по совершенствованию нормативно-правового регулирования. В частности, обосновывается необходимость дальнейшего развития специальных правовых механизмов, регулирующих противодействие экстремистской деятельности в силовых структурах.

Таким образом, научная новизна исследования состоит не только в постановке отдельных вопросов, но и в их объединении в рамках единого подхода. Экстремизм рассматривается одновременно как социально-политическое явление, фактор риска для национальной безопасности и объект государственного управления. Это позволяет соединить теоретические

положения с конкретными организационно-правовыми решениями, имеющими значение для практической деятельности государственных органов и институтов обеспечения безопасности.

Это делает исследование актуальным как в теоретическом, так и в прикладном аспекте для силовых структур и институтов государственной безопасности.

Все результаты получены автором лично.

Теоретико-методологическая основа исследования определена концептуальными подходами, принципами и отдельными научными разработками политической науки, реализованными ведущими отечественными и зарубежными исследователями и обладающими универсальным значением для полноценного политологического исследования.

Специфика предмета работы определила выбор системного подхода в качестве методологической базы исследования. Его использование позволяет рассматривать феномен экстремизма в качестве целостной системы, атрибуты которой возникают в процессе функционирования государства как целостного социально-политического механизма и среды для возникновения экстремистских проявлений. Для решения поставленных задач был использован структурно-функциональный вариант системного анализа, ориентирующий исследователя на анализ структурных характеристик и выявление специфики функционирования системы в целом.

При проведении данного исследования наряду с общенаучными (сравнение, анализ и синтез, моделирование) использовались также методы политологического познания: неоинституциональный подход, предусматривающий рассмотрение политических институтов через призму формальных норм и неформальных правил внутренней политики государства; компаративистские оценки, основанные на категориях тождества и различия, с целью выявления схожих, идентичных или различающихся характеристик политических институтов или технологий; «кейс-стади» как инструментарий,

предполагающий изучение современного экстремизма в Российской Федерации на примере отдельных случаев, с помощью индукции, по принципу «факт – факт – вывод» с тем, чтобы выявить закономерности и получить необходимое обобщение; политико-прогностический инструментарий при анализе перспектив искоренения негативных экстремистских явлений в обществе.

В ходе работы над заявленной проблематикой автор придерживался принципов объективности и научной доказательности, требующих сопоставления различных суждений и оценок, использования верифицируемых материалов.

На основании проведенного сравнительного анализа предлагается выделить следующее авторское определение:

«Экстремизм – это системное общественно опасное явление, представляющее собой идеологически мотивированную деятельность физических лиц, групп, организаций или иных субъектов, основанную на приверженности радикальным взглядам, нетерпимости к иным мировоззренческим, политическим, национальным, расовым, религиозным или социальным позициям и направленную на насильственное или противоправное изменение конституционного строя, разрушение единства государства, подрыв общественного порядка, разжигание ненависти и вражды, а также на понуждение широкого круга лиц к принятию и распространению данной идеологии, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

Предлагаемое определение, в отличие от законодательного, не является перечневым, а формулирует системообразующие признаки явления, включает идеологический компонент как обязательный элемент и охватывает как традиционные, так и цифровые формы экстремистской деятельности.

Основополагающим нормативным актом является Федеральный закон от 25 июля 2002 года № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», содержащий перечневое определение. Как справедливо

отмечается в научной литературе, «определение экстремизма, исходя из данного закона, является комплексным, так как объединяет большой перечень возможных действий». Вместе с тем ряд исследователей критикует данный подход за отсутствие единого системообразующего признака, снижающего эффективность правоприменения.

В политологической литературе *экстремизм* наделяется признаками, отличающими его от иных форм социального протеста: «это корпоративность и доктринальность, то есть экстремизм есть всегда групповое явление и представляет собой характерное коллективное представление, имеющее своеобразную внутреннюю структуру».

К устойчивым признакам политического экстремизма относятся: политическая направленность деятельности; использование насилия как основного метода; организованный характер; отказ от компромиссов с политическими противниками.

Обновленная Стратегия 2024 года определяет экстремистскую идеологию как совокупность взглядов, пропагандирующих насильственные и иные противоправные действия как основное средство разрешения политических, расовых, национальных, религиозных и социальных конфликтов.

На основе анализа научной литературы, нормативных документов и материалов профилактической практики автор ***выделяет следующие признаки,*** позволяющие идентифицировать лиц, вовлеченных или склонных к вовлечению в экстремистскую деятельность:

1. *Идеологические признаки:*

- демонстративное принятие радикальной идеологии (националистической, религиозно-экстремистской, ультраправой или ультралевой);

- нетерпимость к иным взглядам, вероисповеданиям, национальностям; абсолютизация «своей» точки зрения;

- оправдание насилия как легитимного метода разрешения политических и социальных конфликтов;
- апелляция к идее избранности и исключительности собственной группы;
- отрицание демократических норм и неприятие конституционного строя.

2. *Поведенческие признаки:*

- нездоровый интерес к террористической деятельности, одобрение экстремистских проявлений;
- активное распространение экстремистских материалов в Интернете и социальных сетях;
- участие в несанкционированных акциях с экстремистской символикой;
- демонстрация символики запрещенных организаций;
- попытки приобрести оружие или взрывчатые вещества без законных оснований.

3. *Психологические признаки:*

- агрессивность, фанатизм, готовность к самопожертвованию во имя идеи;
- слепая вера в правоту идеологии, крайняя нетерпимость к иным взглядам;
- склонность к дихотомическому мышлению («свои» / «чужие»);
- самоизоляция от прежнего социального окружения и включение в новую закрытую группу.

4. *Социально-сетевые признаки:*

- членство в закрытых группах, пропагандирующих насилие и ненависть;
- регулярное обращение к запрещенным ресурсам и экстремистским каналам;

- переписка с лицами, причастными к экстремистским организациям;
- требование сохранять в тайне контакты и характер общения.

На основе анализа Стратегии противодействия экстремизму 2024 года и научных исследований выделяется пять категорий экстремистов, различающихся по степени опасности и требующих дифференцированных методов противодействия: 1) религиозные радикалы; 2) националисты и неонацисты; 3) иностранные агенты влияния и деструктивные НКО; 4) молодежные экстремистские объединения; 5) автономно действующие приверженцы.

В диссертационном исследовании показано, что ***экстремизм признан угрозой национальной безопасности Российской Федерации,*** что закреплено на уровне ключевых документов стратегического планирования. Так, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 года № 400, прямо указывает на «экстремизм» и «терроризм» как на основные угрозы государственной и общественной безопасности.

В соответствии с обновленной Стратегией противодействия экстремизму, «экстремизм во всех его проявлениях ведет к нарушению гражданского мира и согласия, основных прав и свобод человека и гражданина, подрывает государственную и общественную безопасность, создает реальную угрозу суверенитету, единству и территориальной целостности Российской Федерации, основам конституционного строя».

К основным факторам, обусловливающим отнесение экстремизма к угрозам национальной безопасности, следует отнести:

- *Дестабилизирующий потенциал*. Экстремистская деятельность нарушает социальную стабильность, межнациональный мир и межконфессиональное согласие, подрывает функционирование государственных институтов.

- *Угроза территориальной целостности*. Сепаратистские и националистические течения экстремизма создают прямую угрозу единству и территориальной целостности государства путем распространения идей деколонизации, регионализма и отделения отдельных территорий.

- *Связь с терроризмом*. Экстремистская деятельность зачастую является переходным этапом к террористической деятельности, поскольку экстремистские идеи обычно допускают «оправданное» применение насилия для достижения поставленных целей.

- *Угроза конституционному строю*. Ряд форм экстремизма направлен непосредственно на насильственное изменение основ конституционного строя, что представляет прямую угрозу государственному суверенитету.

- *Радикализация населения*. Распространение экстремистской идеологии ведет к радикализации отдельных групп населения, прежде всего молодежи, что влечет долгосрочные социальные последствия.

- *Внешнее вмешательство*. Иностранные государства и негосударственные образования используют экстремистские организации как инструмент гибридных войн, финансируя и координируя деструктивную деятельность против России.

Рабочая гипотеза диссертационной работы заключается в том, что при всей сложности и многогранности феномена экстремизма в Российской Федерации, реальной недоработанности нормативно-правовой базы противодействия данному негативному явлению общественно-политической жизни существуют перспективы искоренения экстремизма на основе механизмов позитивного вмешательства гражданского общества и государства.

Эмпирическую базу исследования составляют официальные данные социально-политической статистики, материалы социологических исследований, практика деятельности правоохранительных органов. В качестве конкретного эмпирического материала в диссертации использованы

законы, указы, распоряжения и послания Президента РФ, постановления и распоряжения Правительства РФ, документы Государственной Думы, Совета Федерации, Министерства внутренних дел Российской Федерации и других государственных органов, конституционные и правовые нормы, регулирующие политическую деятельность по обеспечению безопасности; данные социологических и политологических исследований, опросов общественного мнения, исторические факты и аналитические материалы, экспертные оценки и индивидуальные прогнозы независимых исследовательских организаций и фондов, другие отечественные и зарубежные источники, относящиеся к исследуемой теме.

Теоретическая значимость полученных результатов исследования состоит в следующем: впервые разработаны теоретические основы государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности России. Они основываются на комплексном рассмотрении теоретических и практических проблем экстремистской деятельности при формировании системы безопасности государства. Речь идет о новых подходах к государственной политике как к фактору обеспечения безопасности государства. Более детально это выражается:

- во-первых, в разработке концептуальных положений государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации;

- во-вторых, в развитии теоретических положений государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации;

- в-третьих, в обосновании методологических положений государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации;

- в-четвертых, в определении основных направлений развития государственной политики в области противодействия экстремизму в

интересах обеспечения безопасности Российской Федерации и разработке рекомендаций органам управления по ее реализации.

Следовательно, теоретическая значимость диссертации состоит в том, что в отечественной политологической науке она является одной из первых работ, посвященных системному исследованию государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности Российской Федерации. Результаты предпринятого анализа реально способствуют расширению возможностей научно-исследовательского понимания сущности феномена экстремизма как объективного явления российской общественно-политической жизни, а также позволяют более комплексно осмыслить специфику проявлений экстремизма и концептуально-технологические возможности его искоренения.

Практическая значимость диссертационного исследования заключается в том, что проблема обеспечения безопасности России на современном этапе сталкивается с новыми условиями и факторами, что также предполагает необходимость учитывать негативные тенденции развития современных вызовов, влияющих на ее обеспечение.

Выводы и рекомендации, содержащиеся в работе, могут быть использованы на различных уровнях российской политической системы, стать предметом дискуссий и практической апробации в деятельности политических партий и общественных движений. Материалы диссертации могут найти применение при профессиональном обучении, обучении студентов, аспирантов, докторантов российских университетов, в политическом просвещении общества. Практические рекомендации, сформулированные в работе, целесообразно применять в целях дальнейшего совершенствования государственного и общественного механизма противодействия экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности государства, совершенствования российского законодательства в данной области на федеральном и региональном уровнях.

Апробация результатов диссертационного исследования. Диссертация обсуждена на кафедре политических процессов и технологий Автономной некоммерческой организации высшего образования «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского» и рекомендована к защите. По направлениям темы диссертации опубликовано более 80 работ (в т.ч. 4 монографии, 1 научно-практическое пособие и 41 научная статья в журналах, входящих в перечень ВАК Минобрнауки РФ) общим объемом более 400 п.л.

Основные положения диссертационного исследования докладывались автором на международных, всероссийских и межвузовских конференциях, симпозиумах, семинарах, проведенных в Москве, Твери, Нижнем Новгороде, Рузе в 2003-2026 гг.; апробировались при организации и проведении по тематике работы круглых столов и научно-практических мероприятий с участием представителей федеральных, региональных и муниципальных властей.

Результаты диссертационного исследования использовались в деятельности профильных подразделений Академии управления МВД России, Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя, а также в учебном процессе при проведении учебных занятий со слушателями и адъюнктами Академии управления МВД России, где основные выводы и результаты диссертации излагаются в рамках дисциплин «Основы информационной безопасности общества», «Российская Федерация как современное государство и гарант обеспечения миропорядка», «Роль Российской Федерации в качестве участника международных правоотношений в сфере борьбы с преступностью».

Отдельные положения и выводы внедрены в практическую деятельность центра по противодействию экстремизму Главного управления МВД России по Северо-Кавказскому федеральному округу. Предложения по совершенствованию законодательства направлены в модуль «Мониторинг» единой системы информационно-аналитического обеспечения деятельности МВД России (исх. 21-1057 от 26.01. 2026 г.).

Структура диссертации соответствует целям, задачам и логике исследования и состоит из введения, четырех глав, разделенных на тематические параграфы, заключения, списка использованных источников и литературы, примечаний.

Глава 1. Научно-теоретические основы формирования государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму как фактора обеспечения безопасности страны

1.1. Место и роль государственной политики противодействия экстремизму в системе обеспечения безопасности страны

Экстремизм в XXI в. приобрел принципиально новое измерение под влиянием глобализации и цифровизации. По оценке ряда исследователей, «экстремизм в условиях информатизации общества приобрел новую форму своего проявления: основным инструментом его распространения стал Интернет»[1].

Информационно-телекоммуникационные сети используются экстремистскими организациями для привлечения новых членов, организации преступлений, распространения идеологии и финансирования деятельности – и данная угроза систематически нарастает.

Анализ современного состояния государственной политики противодействия экстремизму в Российской Федерации требует комплексного подхода к пониманию места и роли данного направления в общей системе обеспечения национальной безопасности. Принятие в декабре 2024 года новой Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации (Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124)[2]

---

[1] Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализационных трансформаций как угроза национальной безопасности России. / Кавказ – наш общий дом: сб. мат. и док. II международ. науч.-практ. конф. (Ростов н/Д, 23 – 24 сент. 2010 г.) / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д; М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2010; Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. – М.: Горячая линия - Телеком, 2018.

[2] Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 «Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.10.2025).

актуализировало необходимость переосмысления концептуальных основ государственной антиэкстремистской политики с учетом современных вызовов и угроз.

Экстремизм как социально-политическое явление представляет собой сложный объект научного исследования. Его современные проявления существенно отличаются от тех форм, которые были характерны для предыдущих периодов. На их трансформацию влияют изменения геополитической обстановки, развитие информационно-коммуникационных технологий, изменение характера социальных связей и ценностных ориентиров общества. В связи с этим государственная политика противодействия экстремизму должна учитывать не только уже возникшие угрозы, но и условия, способствующие их появлению и распространению.

В системе национальной безопасности государственная политика противодействия экстремизму занимает особое положение. Это обусловлено тем, что ее реализация не ограничивается деятельностью отдельных правоохранительных органов, а предполагает использование комплекса правовых, организационных, информационных, воспитательных и социально-экономических мер. Их общая направленность состоит в защите конституционного строя, общественной стабильности, национального единства и безопасности граждан.

Вместе с тем содержание данной политики постепенно меняется. Если ранее основное внимание уделялось выявлению и пресечению уже совершенных экстремистских действий, то сегодня все большее значение приобретают профилактика, раннее выявление факторов радикализации, информационная безопасность и взаимодействие государства с институтами общества. Поэтому противодействие экстремизму целесообразно рассматривать как часть общей системы стратегического управления национальной безопасностью, а не только как правоохранительную деятельность.

Эта тенденция позволяет говорить о переходе от преимущественно реактивного подхода к более комплексной модели. Ее отличительными чертами становятся превентивность, межведомственная координация, использование информационно-аналитических инструментов и участие общественных институтов в профилактической работе. При этом правовое регулирование сохраняет фундаментальное значение, поскольку именно оно определяет пределы полномочий государства и устанавливает ответственность за экстремистскую деятельность.

Эффективность государственной политики в значительной степени зависит от того, насколько согласованно взаимодействуют различные направления государственной деятельности. Правовые меры сами по себе не способны устранить социальные причины радикализации. Они должны дополняться образовательными и культурными программами, развитием правосознания, укреплением межэтнического и межконфессионального взаимодействия, а также формированием навыков критического восприятия информации.

Таким образом, закономерность формирования современной политики противодействия экстремизму заключается в постепенном расширении ее предмета. Речь идет уже не только о пресечении противоправного поведения, но и о создании социальных условий, при которых экстремистские идеи не получают широкого распространения. Существенную роль здесь играют уровень общественного доверия, состояние гражданских институтов и характер коммуникации между государством и населением.

В рамках настоящего исследования государственная политика противодействия экстремизму рассматривается как особая система согласованных управленческих решений, основанная на правовых нормах, научном анализе социальных процессов и прогнозировании возможных угроз. В таком понимании ее задача состоит не только в нейтрализации конкретных проявлений экстремизма. Не менее важно обеспечить устойчивость общества к идеологиям насилия, нетерпимости и социальной вражды.

Подобный подход позволяет определить конечную цель политики более широко. Она заключается в формировании общества, способного сохранять социальную солидарность, правопорядок и устойчивость даже в условиях внешнего и внутреннего воздействия. Поэтому профилактическое направление должно рассматриваться не как вспомогательное по отношению к силовым мерам, а как самостоятельная составляющая государственной политики.

Особое значение приобретает соотношение безопасности и общественного развития. Предупреждение радикализации населения не может строиться исключительно на контроле и принуждении. Необходимы условия для социальной интеграции, получения образования, реализации гражданской активности и формирования правовой культуры. Чем устойчивее социальные связи и выше уровень доверия к государственным институтам, тем меньше пространство для распространения деструктивных идеологий.

В этом отношении государственная политика противодействия экстремизму непосредственно связана с гуманитарной политикой государства. Образование, культура, информационная политика и воспитательная работа способны воздействовать на те социальные установки, которые в определенных обстоятельствах становятся основой радикализации. Следовательно, эффективность антиэкстремистской политики следует оценивать не только по количеству пресеченных правонарушений, но и по способности государства предупреждать возникновение соответствующих социальных процессов.

С авторской точки зрения, государственная политика противодействия экстремизму представляет собой не только институционально-правовой механизм защиты государства. Она одновременно выступает инструментом формирования социокультурной устойчивости общества. Ее содержание включает воздействие на процессы социальной идентификации, формирование позитивных ценностных ориентиров и создание условий для неприятия насилия и нетерпимости.

При этом принципиальное значение имеют законность, системность, научная обоснованность и участие общества. Их сочетание позволяет избежать одностороннего понимания противодействия экстремизму исключительно как деятельности по контролю и применению санкций. Более результативной представляется модель, в которой правоохранительные меры дополняются профилактикой и социальными механизмами предупреждения радикализации.

Именно поэтому современную государственную политику целесообразно рассматривать как динамическую систему, способную изменяться вслед за трансформацией угроз. Распространение цифровых коммуникаций, изменение способов получения информации и появление новых форм сетевого взаимодействия существенно расширили возможности распространения радикальных идей. Соответственно, традиционные методы профилактики требуют постоянного совершенствования.

Одновременно происходит институционализация политики противодействия экстремизму. Она выражается в развитии нормативной базы, распределении полномочий между различными субъектами, совершенствовании межведомственного взаимодействия и использовании современных методов мониторинга информационной среды. Однако институциональное развитие должно сопровождаться содержательным расширением профилактической работы.

В современных условиях экстремизм может проявляться в политической, религиозной, этнокультурной и информационной сферах. Отдельную проблему представляет использование цифровых технологий для распространения деструктивного контента, вовлечения новых участников и формирования замкнутых информационных сообществ. Это делает необходимым объединение усилий правоохранительных органов, образовательных организаций, органов государственной власти и институтов гражданского общества.

Следовательно, место государственной политики противодействия экстремизму в системе национальной безопасности определяется ее межотраслевым характером. Она находится на пересечении правоохранительной, социальной, информационной, образовательной и культурной политики государства. Такое положение требует согласованности принимаемых решений и исключает возможность эффективного решения проблемы посредством деятельности какого-либо одного государственного института.

Важной тенденцией остается сочетание двух процессов — дальнейшей институционализации противодействия экстремизму и расширения его социально-превентивной составляющей. Первый предполагает совершенствование законодательства и механизмов государственного управления. Второй связан с воздействием на социальные причины радикализации и развитием инструментов профилактики.

В этой связи государственную политику следует оценивать с учетом баланса между необходимостью обеспечения безопасности и задачами общественного развития. Чрезмерная ориентация исключительно на репрессивные инструменты способна ограничить профилактический потенциал политики. Напротив, использование правовых и организационных механизмов одновременно с образовательными, культурными и социальными мерами создает более устойчивую систему противодействия экстремистским проявлениям.

Системный характер этой политики проявляется также в необходимости постоянного анализа общественных настроений. Государство должно иметь возможность своевременно выявлять изменения социальной среды, определять факторы, способствующие радикализации, и корректировать используемые меры. Поэтому научно-аналитическое обеспечение и прогнозирование угроз становятся самостоятельными элементами государственного управления.

В авторском понимании противодействие экстремизму в конечном счете направлено на формирование устойчивой социальной среды. Такая среда предполагает наличие правовой культуры, гражданской ответственности, способности критически воспринимать информацию и готовности к конструктивному взаимодействию между различными социальными группами. При этих условиях экстремистские идеи значительно меньше способны приобретать социальную привлекательность.

Важное место здесь занимает развитие критического мышления и цифровой культуры. Современный гражданин сталкивается со значительным объемом информации, часть которой может содержать манипулятивные, радикальные или деструктивные установки. Поэтому профилактика экстремизма должна включать не только запретительные механизмы, но и обучение граждан самостоятельной оценке информационных сообщений, источников и способов воздействия на общественное мнение.

Таким образом, государственная политика противодействия экстремизму постепенно выходит за пределы традиционной правоохранительной модели. Ее современное содержание определяется необходимостью одновременно защищать общественный порядок и создавать условия для сохранения социальной устойчивости. Это требует объединения правовых, организационных, информационных, образовательных и гуманитарных инструментов.

Предлагаемая в исследовании модель предполагает переход от преимущественно реактивного подхода к профилактико-развивающей системе. Ее смысл состоит не в отказе от контроля и ответственности за экстремистскую деятельность, а в дополнении этих механизмов комплексом мер, направленных на ее предупреждение. В результате противодействие экстремизму становится частью долгосрочной политики обеспечения внутренней устойчивости государства.

Такое понимание позволяет рассматривать безопасность не только как состояние защищенности от уже существующих угроз. Она включает

способность общества сохранять устойчивые социальные связи, воспроизводить общие ценностные ориентиры и конструктивно реагировать на возникающие противоречия. В данном случае государственная политика противодействия экстремизму оказывается непосредственно связана с задачами укрепления национального единства и общественного согласия.

В итоге государственная политика противодействия экстремизму может быть определена как целостная и динамическая система государственного управления, сочетающая правовые, организационные, информационные, социальные и образовательные меры. Ее назначение состоит в защите конституционного строя и общественной безопасности, предупреждении радикализации и создании условий, препятствующих воспроизводству экстремистских установок.

Ее стратегическая направленность заключается в переходе от преимущественного реагирования на уже возникшие угрозы к их предупреждению. При этом профилактика не заменяет правовые и правоохранительные меры, а дополняет их. Именно сочетание этих направлений позволяет сформировать более устойчивую систему противодействия экстремизму, соответствующую современным социальным и информационным условиям.

В таком понимании антиэкстремистская политика выступает одновременно механизмом защиты и фактором общественного развития. Ее результатом должно становиться не только снижение уровня экстремистских проявлений, но и укрепление правосознания, социальной солидарности, позитивной идентичности и доверия между гражданами и государством. Именно это позволяет рассматривать противодействие экстремизму как долговременное направление обеспечения национальной безопасности и внутренней устойчивости страны. При этом принципы ее построения – законность, научная обоснованность, системность, превентивность и гражданское соучастие – должны быть наполнены реальным содержанием, а не носить декларативный характер.

Авторская концепция исходит из того, что противодействие экстремизму – это не только деятельность государства, но и элемент социокультурной политики, направленной на укрепление национальной идентичности и консолидацию общества вокруг позитивных ценностей. В этом смысле борьба с экстремизмом должна стать частью широкой стратегии формирования культурной и духовной безопасности, где основным инструментом является не контроль, а развитие образования, воспитания, диалога, просвещения.

Таким образом, место и роль государственной политики противодействия экстремизму в системе обеспечения безопасности страны заключаются в ее способности не только защищать государство от угроз, но и создавать предпосылки для устойчивого развития, укрепления гражданского согласия и воспроизводства национальной идентичности. В авторском понимании это не просто направление политики безопасности, а фундаментальная основа формирования устойчивого, зрелого и ценностно ориентированного общества, способного противостоять радикализации через силу идеи, права и культуры.

1.2. Зарождение и развитие экстремизма, представляющего опасность для безопасности страны: теоретические проблемы в политической науке

Феномен экстремизма в политической науке рассматривается как одна из наиболее сложных и многоплановых форм политической активности, угрожающих основам национальной безопасности и стабильности государства. Его зарождение связано с процессами социально-политической трансформации, кризисами идентичности, ослаблением интегративных функций институтов власти и деградацией механизмов политического участия. С теоретической точки зрения экстремизм определяется как крайняя форма радикализма, выражающаяся в отрицании существующего

политического порядка, идеологической нетерпимости и стремлении к насильственному изменению общественных отношений. В политологическом дискурсе сложилось несколько основных подходов к его исследованию: структурно-функциональный, конфликтологический, институциональный, когнитивный и социокультурный. Каждый из них раскрывает определенные аспекты феномена - от анализа причин социальной напряженности и политического отчуждения до изучения механизмов идеологической мобилизации и формирования экстремистских мировоззрений.

В условиях современной России развитие экстремизма приобретает особую специфику, обусловленную сочетанием внутренних и внешних факторов: социального неравенства, этноконфессиональных противоречий, влияния глобальных информационных потоков и транснациональных идеологических движений. Экстремизм в российских реалиях проявляется как в радикально-политической, так и в религиозно-националистической формах, что требует системного междисциплинарного анализа. При этом политическая наука подчеркивает, что борьба с экстремизмом невозможна только в рамках силового подхода, поскольку эффективное противодействие должно опираться на комплекс мер, включающих совершенствование правовой базы, развитие политической культуры, укрепление гражданской идентичности и профилактику идеологической радикализации[1].

Исторический опыт противодействия экстремизму в России и за рубежом подтверждает необходимость сочетания правовых, институциональных и гуманитарных инструментов. В отечественной политико-правовой традиции проблематика противодействия радикальным движениям имеет длительную историю. Она связана, в частности, с опытом борьбы с революционным и националистическим террором XIX–XX веков. В зарубежной практике

[1] Максименко Е.И., Никитина Т.А. Вопросы реализации комплексного подхода в противодействии экстремизму: политико-правовой аспект // Постсоветский материк. 2024. № 1 (41).

сформировался более широкий спектр подходов — от преимущественно репрессивных мер до программ дерадикализации, социальной интеграции и развития устойчивых сообществ[1].

Такое понимание имеет принципиальное значение для формирования государственной политики. Исследование причин возникновения и распространения экстремизма позволяет выявить не только непосредственные факторы радикализации, но и более глубокие социальные и политические процессы, создающие условия для ее развития. Поэтому политологический анализ должен быть ориентирован одновременно на объяснение феномена и на поиск механизмов его предупреждения.

Теоретические представления об экстремизме в политической науке постепенно изменялись. Если первоначально он чаще рассматривался как маргинальное явление, связанное с отдельными радикальными группами, то впоследствии исследователи стали уделять больше внимания его системным характеристикам и политической функциональности. В рамках теорий социального конфликта Л. Козера[2] и Р. Дарендорфа[3] радикальные формы поведения могут рассматриваться в связи с неразрешенными социальными противоречиями, дисбалансом властных отношений и неравномерным распределением ресурсов. Такой подход позволяет обратить внимание на конфликтогенные факторы, способные создавать предпосылки для радикализации.

---

[1] Москаленко С.Г., Казимирова Н.Г. Правовая и этико-культурная превенция экстремизма // Философия права. 2015. № 1 (68).

[2] Козер Л. А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л. Г. Ионина. –М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000. –295 с.

Козер Л. А. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте / Пер. с англ. Т. И. Шумилина; Под ред. д. ф. н., проф. И. Б. Орловой. –М.: Норма, 2006. –528 с.

[3] Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5;

Структурно-функциональный анализ, представленный в работах Т. Парсонса[1] и Г. Алмонда[2] дает возможность связать возникновение деструктивных политических явлений с нарушением нормального функционирования институтов. В данном случае особое значение приобретают вопросы легитимности власти, способности политических институтов обеспечивать согласование интересов и поддерживать необходимый уровень социальной интеграции.

Иной ракурс предлагают конструктивистские и когнитивные подходы. В работах Э. Гидденса[3], П. Бергера[4] и Т. Лукмана[5] социальная реальность рассматривается как результат формирования определенных смыслов, норм и идентичностей. Применительно к экстремизму это позволяет исследовать процесс формирования радикальных представлений и их закрепления в сознании отдельных социальных групп.

Для современной России особенно важным становится соединение перечисленных подходов. Экстремистские проявления формируются под воздействием комплекса факторов — социокультурных, политико-экономических и информационных. Одним из значимых механизмов при этом выступает политическая социализация. В тех случаях, когда определенные группы не находят приемлемых каналов политического участия и выражения собственных интересов, возрастает вероятность обращения к радикальным формам самоутверждения.

Дополнительное воздействие оказывает цифровая среда. Интернет создает новые возможности для политической коммуникации, но одновременно облегчает распространение радикального контента и организацию сетевых

---

[1] Парсонс Т. Система современных обществ / пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. –М.: Аспект-Пресс, 1997. –270 с.

[2] Алмонд Г. А. Политическая теория и политическая наука. –1966.

[3] Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. –М.: Академический проект, 2003. –528 с.

[4] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. –М.: Медиум, 1995. –323 с.

[5] Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. –М.: Медиум, 1995. –323 с.

форм мобилизации. Это обстоятельство требует пересмотра некоторых традиционных представлений о политической безопасности и применимости классических моделей анализа к новым типам угроз. Российские исследователи А.В. Возженников[1], А.В. Манойло[2], О.В. Гаман-Голутвин[3] и др., авторы обращают внимание на то, что экстремизм в современных условиях может быть обусловлен не только процессами социального отчуждения, но и внешним воздействием, направленным на дестабилизацию политической системы.

Историческое развитие отечественной политики противодействия экстремизму также свидетельствует об изменении применяемых подходов. Постепенно происходил переход от преимущественно силового реагирования к более комплексной системе, включающей правовые, образовательные и социокультурные меры. В постсоветский период этот процесс сопровождался институциональным развитием системы национальной безопасности, расширением законодательного регулирования и усилением профилактической работы.

Зарубежная практика в свою очередь демонстрирует значимость программ дерадикализации, участия гражданского общества, повышения медиаграмотности и формирования позитивных моделей социальной идентичности. Несмотря на различия между конкретными национальными моделями, общим для многих из них является стремление воздействовать не только на последствия радикализации, но и на условия ее возникновения.

Сопоставление отечественных и зарубежных подходов позволяет сделать вывод о необходимости комплексной стратегии. Правовые и организационные инструменты должны дополняться социальными,

---

[1] Возженников А.В. Национальная безопасность России: вызовы, опасности и угрозы (вопросы теории и практики) // Москва. 2015.

[2] Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. –М.: Горячая линия - Телеком, 2018. –496 с.

[3] Гаман–Голутвина О.В. Политическая наука перед вызовами современной политики // Полис. 2016. № 1.

культурными и информационно-психологическими механизмами. При этом политическая наука выполняет важную методологическую функцию, поскольку именно она позволяет выявлять взаимосвязи между состоянием политической системы, социальными конфликтами и динамикой экстремистских проявлений.

С политико-философской точки зрения экстремизм может быть рассмотрен как одна из радикальных реакций на кризис социальных и политических институтов, изменение ценностных ориентиров и ослабление традиционных механизмов солидарности. В условиях постиндустриального общества процессы индивидуализации и фрагментации социальной среды способны усиливать потребность человека в устойчивой коллективной идентичности.

При определенных обстоятельствах радикальная идеология становится способом восполнения такого дефицита. Она предлагает человеку упрощенную картину мира, четкое разделение на «своих» и «чужих», а также ощущение принадлежности к группе. В этом отношении значительный интерес представляют идеи Х. Арендта[1] о «банальности зла» и работы Ж. Бодрийяра[2] позволяющие исследовать механизмы формирования символической и смысловой среды, в которой радикальные действия получают идеологическое оправдание.

Современная политическая наука рассматривает экстремизм также в связи с устойчивостью политических институтов и характером развития общества. В рамках цивилизационного подхода, представленного, в

[1] Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С. Кастальского и Н. Рудницкой; послесл. Э. Зуроффа –М.: Европа, 2008. –424 с.

[2] Дьяков А. В. «Теоретическое насилие» Жана Бодрийяра // Философия постструктурализма во Франции: монография / А. В. Дьяков. –Москва –Нью-Йорк –Санкт-Петербург: Northern Cross, 2008. –363 с.

частности, в работах С. Хантингтона[1], Н. Данилевского[2], Л.Н. Гумилева[3], внимание сосредоточено на различиях ценностных систем и культурных моделей.

В условиях глобализации эти различия могут приобретать транснациональный характер. Информационные технологии способствуют более быстрому перемещению идей и формированию сетевых объединений, не ограниченных государственными границами. Поэтому экстремизм целесообразно исследовать одновременно как внутренний социально-политический процесс и как явление, способное включаться в более широкие транснациональные конфликты.

Для России данная проблема имеет особую значимость вследствие сложного сочетания процессов модернизации, социальной дифференциации и сохранения традиционных ценностных ориентиров. Быстрое развитие цифровых коммуникаций дополнительно изменяет способы распространения политических идей и формирования групповой идентичности.

Поэтому исследование экстремизма не может ограничиваться изучением правовых или институциональных факторов. Необходимо учитывать ценностные, культурные и коммуникативные процессы, происходящие в обществе. Состояние общественных ценностей, уровень гражданской солидарности и характер взаимодействия между различными социальными группами непосредственно связаны с устойчивостью политической системы.

В результате теоретический анализ экстремизма целесообразно строить на сочетании цивилизационного, социокультурного и институционального подходов. Их объединение позволяет рассматривать данный феномен не как

---

[1] Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. –М.: Прогресс-Традиция, 2004.

[2] Данилевский Н. Я. Россия и Европа. –М.: «Книга», 1991. –576 с.

[3] Гумилев Л.Н. От Руси к России. - М.: Экопрос, 1992. Гумилев Л.Н. «Этногенез и биосфера Земли»: Эксмо; Москва; 2007.

отдельное отклонение от нормального политического процесса, а как сложное явление, связанное с более широкими изменениями общественного развития.

Проведенный анализ позволяет определить экстремизм как многоуровневый феномен, в котором взаимодействуют социальные, политические, культурно-идеологические и психологические факторы. Его возникновение может быть связано с социальным неравенством, кризисом идентичности, ограниченностью легитимных форм политического участия, а также с воздействием внешней и цифровой информационной среды.

Для современной России характерно сочетание нескольких групп факторов. С одной стороны, продолжаются процессы социальной и технологической модернизации, с другой — сохраняется значение традиционных ценностных ориентиров. Возникающие между ними противоречия в отдельных случаях могут становиться дополнительным источником социальной напряженности.

С теоретико-методологической точки зрения экстремизм может рассматриваться как своеобразный индикатор состояния политической системы. Его распространение способно свидетельствовать о наличии конфликтов, недостатках политической коммуникации или проблемах социальной интеграции. Для выявления подобных взаимосвязей необходим комплексный анализ с использованием методов политологии, социологии, психологии, культурологии и правоведения.

Применение системного подхода позволяет определить место экстремистских проявлений в общей структуре политической динамики. Конфликтологический подход помогает установить источники и механизмы эскалации противоречий. Конструктивистская перспектива дает возможность исследовать процесс формирования радикальных идентичностей и образа противника, тогда как цивилизационный подход позволяет учитывать значение культурных и ценностных различий.

Именно междисциплинарное соединение этих подходов создает более полную картину рассматриваемого явления. Оно позволяет перейти от

простого описания экстремистской активности к установлению причинно-следственных связей и разработке прогнозных моделей.

Практический опыт России и других государств показывает, что одних силовых мер для устойчивого решения проблемы недостаточно. Пресечение противоправной деятельности необходимо, однако оно должно сопровождаться профилактической работой, направленной на снижение факторов радикализации. К числу таких мер относятся развитие гражданского общества, повышение политической культуры, укрепление правосознания, совершенствование образования и формирование устойчивых ценностных ориентиров.

Особое значение имеет раннее выявление негативных тенденций. Мониторинг общественных настроений, изучение информационной среды и прогнозирование возможных сценариев развития экстремистской активности позволяют перейти от реагирования на уже сформировавшуюся угрозу к ее предупреждению.

Таким образом, политическая наука выполняет в данной сфере не только объяснительную, но и прогностическую функцию. Результаты политологических исследований могут использоваться при разработке государственной политики, совершенствовании институтов безопасности и выборе наиболее адекватных способов профилактики радикализации.

Отдельного рассмотрения требует влияние цифровых технологий. Интернет существенно изменил характер политической коммуникации, сократил временные и пространственные ограничения распространения информации и создал возможности для формирования сетевых сообществ.

В цифровой среде экстремистские идеи способны распространяться значительно быстрее, чем посредством традиционных каналов коммуникации. Анонимность, децентрализация и возможность непосредственного взаимодействия с широкой аудиторией затрудняют традиционные механизмы контроля и одновременно создают новые возможности для политической мобилизации.

В связи с этим в политической науке развивается направление, связанное с изучением сетевых форм экстремизма и гибридных угроз. Исследования М. Кастельса[1], А.В. Манойло[2] позволяют обратить внимание на изменение характера информационного воздействия и возрастающую роль сетевых коммуникаций.

Современный экстремизм в результате может приобретать транснациональный характер. Информационные сообщества способны существовать независимо от территориальных границ, а идеи и модели поведения распространяются между различными социальными группами. Это обстоятельство требует развития методов анализа цифровой среды и совершенствования механизмов межведомственного взаимодействия.

При этом противодействие экстремистской активности в информационной сфере должно сочетаться с развитием медиаграмотности и критического мышления. Гражданин должен обладать способностью самостоятельно оценивать содержание информационных сообщений, выявлять манипулятивные приемы и отличать аргументированную позицию от радикальной пропаганды.

В отечественной научной мысли постепенно формируется собственная концептуальная база исследования экстремизма. Российские авторы рассматривают данный феномен через призму социальных, этноконфессиональных, политических и информационных процессов.

Важное место занимает исследование состояния ценностного пространства общества. В данном контексте национальная консолидация, гражданская идентичность, историческая память и патриотическое

---

[1] Кастельс М., Алексеева А. Кастельс: Наша жизнь –гибрид виртуального и физического пространства: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012 // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Верченов, Д. В. Ефременко, В. И. Тищенко. –М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед, 2013. –С. 43—55.

[2] Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. –М.: Горячая линия - Телеком, 2018. –496 с.

воспитание рассматриваются как факторы, способные укреплять социальную устойчивость и снижать привлекательность радикальных идеологий.

Методологической основой исследования выступают системность, историзм и междисциплинарность. Их применение позволяет учитывать не только причины возникновения экстремистских настроений, но и условия, при которых они получают возможность распространяться либо, напротив, утрачивают социальную поддержку.

Одной из центральных категорий в таком анализе является устойчивость политической системы. Она характеризует способность государственных и общественных институтов сохранять нормальное функционирование при воздействии внутренних и внешних факторов дестабилизации.

В целом развитие научных представлений об экстремизме свидетельствует о постепенном переходе от описательного анализа к моделям, ориентированным на объяснение, прогнозирование и профилактику. Для государственной политики это имеет непосредственное значение, поскольку позволяет связывать научные выводы с конкретными управленческими решениями.

Исследование процессов возникновения и развития экстремизма показывает, что он чаще проявляется в условиях серьезных политических и социальных трансформаций. Исторический опыт позволяет связать рост радикальных настроений с ситуациями, в которых нарушается взаимодействие между обществом и государством, возникает дефицит доверия или сокращаются возможности легитимного выражения социальных интересов.

Поэтому одной из задач политической науки является выявление социальных и институциональных предпосылок радикализации. Не менее важно определить механизмы политической интеграции, способные обеспечивать участие различных групп в общественно-политической жизни.

Российская специфика определяется в том числе многообразием этнических и конфессиональных групп. В этих условиях государственная политика должна учитывать различные формы социальной идентичности и

одновременно обеспечивать общегражданскую основу общественной консолидации.

Формирование устойчивой гражданской идентичности, развитие патриотического воспитания, поддержание межэтнического и межконфессионального взаимодействия могут рассматриваться как составные элементы профилактической политики. Их значение состоит в создании условий, при которых социальные и культурные различия не становятся источником радикальной поляризации.

Следовательно, экстремизм целесообразно рассматривать одновременно как угрозу безопасности и как индикатор состояния политической системы, качества государственного управления и зрелости гражданского общества. Такой подход позволяет расширить содержание государственной политики противодействия экстремизму и включить в нее не только меры пресечения, но и механизмы предупреждения.

С методологической точки зрения проведенный анализ подтверждает необходимость комплексного исследования экстремизма. Ни один отдельный подход не способен полностью объяснить его происхождение и динамику. Политические причины взаимодействуют с социальными и культурными факторами, а развитие цифровых коммуникаций дополнительно изменяет механизмы распространения радикальных идей.

В связи с этим экстремизм следует изучать как междисциплинарный объект. Политология позволяет исследовать его связь с политической системой и механизмами власти; социология — социальные основания и групповые процессы; психология — механизмы радикализации личности; культурология — значение ценностей и идентичностей; правоведение — нормативные основы противодействия.

Такое объединение научных инструментов создает предпосылки для формирования целостной модели анализа экстремизма как угрозы национальной безопасности. Одновременно оно позволяет определить направления совершенствования государственной политики.

Значение имеет и опыт зарубежных государств. Его изучение показывает, что устойчивые результаты достигаются преимущественно при сочетании правовых мер с профилактическими программами, развитием гражданского общества, повышением политической и информационной культуры населения.

В результате государственная политика противодействия экстремизму должна основываться на постоянном мониторинге социальной и информационной среды, прогнозировании рисков и своевременной корректировке применяемых механизмов. Это особенно важно в условиях быстрого изменения способов коммуникации и появления новых форм политической мобилизации.

Экстремизм в политической науке целесообразно рассматривать как сложный социально-политический феномен, в котором взаимосвязаны идеологические, культурные, социальные, психологические и институциональные факторы. Его возникновение не сводится к одному источнику и не может быть объяснено исключительно деятельностью отдельных радикальных групп.

Для современной России особое значение имеет сочетание процессов социальной и технологической модернизации с необходимостью сохранения общественного единства и устойчивости политической системы. Поэтому противодействие экстремизму должно включать не только правовые и правоохранительные механизмы, но и меры социального, образовательного, культурного и информационного характера.

Политическая наука в этом процессе выполняет несколько взаимосвязанных функций. Она позволяет выявлять причины и закономерности радикализации, оценивать состояние политических институтов, прогнозировать развитие угроз и формировать научную основу для принятия управленческих решений.

Именно поэтому исследование экстремизма имеет значение не только для теории, но и для практики государственного управления. Научно

обоснованный анализ позволяет вырабатывать меры, ориентированные на раннее предупреждение угроз, совершенствование политико-правовых институтов и укрепление общественной устойчивости.

В конечном счете эффективность государственной политики противодействия экстремизму определяется способностью государства сочетать защиту общественного порядка с устранением социальных и политических условий, способствующих радикализации. Такой подход предполагает взаимодействие государственных органов, институтов гражданского общества и научного сообщества.

Развитие данной системы должно сопровождаться совершенствованием нормативной базы, укреплением межведомственного взаимодействия, развитием механизмов мониторинга и прогнозирования, а также расширением профилактической работы. Только при таком сочетании возможно формирование устойчивой системы противодействия экстремистским проявлениям и обеспечение долгосрочной политической стабильности Российской Федерации.

1.3. Правовые основы противодействия экстремистской деятельности и борьбы с экстремизмом

Проблема экстремизма как фактора, способного непосредственно воздействовать на состояние национальной безопасности, занимает заметное место в современной политической науке. Ее исследование связано с определением сущностных признаков экстремизма, установлением причин его возникновения, изучением механизмов распространения соответствующих идей и анализом возможностей государства по их предупреждению.

В классических политико-правовых подходах экстремизм обычно рассматривается как крайняя форма политического радикализма, при которой используются методы, выходящие за пределы легитимной политической

борьбы. Важной особенностью такого поведения является стремление к существенному изменению существующего государственного или общественного порядка посредством насильственных либо иных противоправных способов.

В рамках структурно-функционального подхода экстремизм рассматривается как дисфункция политической системы, возникающая вследствие ослабления институтов власти, кризиса идентичности и деформации системы политических ценностей. Конструктивистские концепции акцентируют внимание на роли идеологического конструирования образа «врага» и формирования радикальных дискурсов, легитимирующих насилие как инструмент политического действия.

На ранних этапах (1990-е – начало 2000-х гг.) противодействие экстремизму носило преимущественно реактивный характер и реализовывалось через уголовно-правовые и силовые меры, направленные на пресечение деятельности экстремистских организаций и ликвидацию их инфраструктуры.

Становление правовой базы противодействия экстремизму в России началось на рубеже XX – XXI вв. Понятно, что экстремизм, каким бы он ни был, политическим, национальным, религиозным, социальным, культурным и т.д., как явление появился существенно раньше. Но, именно в данный период созрели политико-правовые условия для закрепления его как правовой категории, также формирования правовых основ борьбы с ним[1].

Появившись еще в актах органов власти СССР, понятие «экстремизм» стало уверенно входить в юридический лексикон в 90-е гг. XX века. В целом ряде указов Президента РФ того периода экстремизм упоминался в качестве угрозы государственной и общественной безопасности. Первое официальное определение понятия «экстремизм» было сформулировано в Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом,

[1] Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: исторические этапы развития // Вестник Сибирского института управления. 2021. № 2. С. 45-52.

подписанной 15 июня 2001 г.[1] Однако на внутригосударственные процессы в России Шанхайская конвенция и содержащаяся в ней дефиниция не оказали существенного воздействия[2].

Важнейшим этапом в формировании правовой основы противодействия экстремизму стало принятие Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», который закрепил развернутое определение экстремизма, направления и принципы противодействия ему. Именно 2002 год можно считать отправной точкой формирования отечественного антиэкстремистского законодательства. Этот год не был отмечен каким-либо всплеском протестной активности в стране, еще не началась череда «цветных революций» и в зарубежных странах. Идея принятия закона о противодействии экстремизму родилась намного раньше, она вызревала на протяжении всего первого десятилетия становления новой России, когда в полной мере стали ощущаться угрозы сепаратизма, этнонационализма, неофашизма, радикального исламизма, политического авантюризма.

С позиции сегодняшнего дня принятие Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»[3] выглядит как некоторый правовой эксперимент. Никогда в постсоветский период государство не предпринимало попыток системного законодательного вмешательства в стихию политических, национальных, религиозных течений. Не было и зарубежных аналогов - ни в одной из стран западной демократии нет подобного закона[4].

Через пять лет, 24 июля 2007 г., был сделан новый шаг - Федеральным законом № 211-ФЗ был внесен целый ряд изменений как в базовый Закон

---

[1] Далее –Шанхайская конвенция.

[2] Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: исторические этапы развития // Вестник Сибирского института управления. 2021. № 2. С. 45-52.

[3] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. 2002.

[4] Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: исторические этапы развития // Вестник Сибирского института управления. 2021. № 2. С. 45-52.

«О противодействии экстремистской деятельности», так и в другие федеральные законы. Одновременно было существенно скорректировано определение экстремистской деятельности. Представляется, что именно с этого момента можно говорить о формировании в России антиэкстремистского законодательства уже как комплексного правового института[1].

Следующей вехой в истории стало принятие 6 июля 2016 г. Федеральных законов № 374-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О противодействии терроризму» и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности» и № 375-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности». Были существенно ужесточены меры ответственности за проявления терроризма и экстремизма, введены новые ограничения в сфере деятельности религиозных организаций, созданы дополнительные механизмы контроля за средствами массовой коммуникации.

В последующие годы концептуальные документы, такие как Стратегия национальной безопасности Российской Федерации, и Стратегия противодействия экстремизму до 2025 года, обозначили приоритеты перехода от силового к комплексному, превентивному подходу. Он предполагает не только выявление и пресечение экстремистской деятельности, но и устранение ее социальных, культурных и информационных предпосылок.

В рамках данного подхода идеологическое и образовательное направления рассматриваются как самостоятельные элементы профилактики экстремизма. Речь идет прежде всего о формировании гражданской идентичности, способности критически воспринимать информацию и

[1] Там же.

распознавать радикальные установки. Одновременно совершенствуются инструменты наблюдения за информационной средой, выявления деструктивных сетевых сообществ и правового реагирования на соответствующие проявления.

Опыт зарубежных государств показывает, что противодействие экстремизму постепенно выходит за пределы исключительно правоохранительной деятельности. В Германии и Нидерландах получили развитие программы, ориентированные на добровольный выход из экстремистских сообществ и последующую социальную адаптацию. В Великобритании действует стратегия Prevent, предполагающая раннее выявление факторов, способствующих радикализации. Для российской практики интерес представляет не механическое заимствование этих моделей, а использование отдельных организационных принципов при формировании собственной системы профилактики. В частности, речь может идти о взаимодействии государственных органов с научными организациями, религиозными объединениями и институтами гражданского общества.

Российская политика противодействия экстремизму в настоящее время развивается в направлении более комплексной модели. Наряду с правоохранительными мерами все заметнее становятся образовательные, культурные и информационно-коммуникационные инструменты. В результате противодействие экстремизму все в большей степени связывается не только с пресечением конкретных противоправных действий, но и с обеспечением устойчивости общественной и политической системы.

Одновременно меняется и сам характер экстремистской активности. Цифровизация существенно расширила пространство ее распространения. Если ранее экстремистские объединения в значительной степени зависели от устойчивых организационных структур и непосредственных контактов между участниками, то сегодня значительная часть соответствующей активности осуществляется посредством распределенных сетевых коммуникаций. Интернет используется для распространения радикальных идей, поиска и

вовлечения новых сторонников, формирования закрытых сообществ и поддержания коммуникации между их участниками. Анонимность, высокая скорость распространения информации и возможность оперативного изменения способов коммуникации затрудняют применение традиционных методов выявления и предупреждения таких проявлений.

На динамику экстремизма воздействуют и более широкие социально-политические процессы. Среди них можно выделить социальное неравенство, снижение доверия к государственным институтам, миграционные процессы и конфликты идентичности. При этом радикальная активность не всегда принимает форму непосредственного насилия. Существенную роль могут играть информационные кампании, манипулирование общественными настроениями, распространение провокационных материалов, использование сетевых технологий для воздействия на различные социальные группы. В научной литературе совокупность подобных явлений нередко рассматривается через категорию гибридных угроз, поскольку в них сочетаются идеологические, информационные и технологические инструменты воздействия.

Для России особое значение имеют риски, связанные с использованием информационного пространства для политической дестабилизации и распространения экстремистских установок. Дополнительную сложность создает высокая вовлеченность молодежи в цифровую коммуникацию. В этих условиях обеспечение безопасности предполагает сочетание мер киберзащиты, информационной политики и гражданского образования[1].

Одновременно возрастает значение критического восприятия информации, защиты национального информационного пространства и своевременного выявления экстремистского контента.

Таким образом, цифровая трансформация изменила не только технические способы распространения экстремистских идей, но и саму

[1] Швыряев П.С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184-196.

организационную природу соответствующей активности. Экстремизм все чаще приобретает сетевой характер, становится менее привязанным к конкретным территориям и организационным структурам. Это обстоятельство требует обновления существующих подходов к его политологическому анализу и, прежде всего, более внимательного изучения механизмов радикализации в цифровой среде.

Проведенный анализ показывает, что экстремизм представляет собой многокомпонентное явление, причины которого нельзя свести к одному фактору. Его распространение связано одновременно с социальными противоречиями, изменением идентичностей, состоянием политических институтов и трансформацией информационных коммуникаций. Поэтому применение исключительно силовых или правовых средств неизбежно имеет ограниченный эффект. Необходима система профилактики, объединяющая правовые, социальные, образовательные и информационные инструменты.

Для российской политической науки это означает необходимость дальнейшего развития понятийного и методологического аппарата исследования экстремизма. Особое значение приобретает изучение механизмов формирования радикальных установок в цифровой среде, а также взаимосвязи между политической устойчивостью, информационной безопасностью и состоянием гражданской идентичности. В этом направлении концепция политической устойчивости может рассматриваться как один из элементов национальной безопасности, поскольку способность общества противостоять радикализации во многом определяется не только деятельностью государства, но и качеством социальных связей, уровнем доверия и наличием легитимных способов общественного участия[1].

В результате экстремизм целесообразно рассматривать одновременно в двух плоскостях. С одной стороны, он является непосредственной угрозой политической и общественной безопасности. С другой — его распространение

[1] Коркмазов А.В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. №4. С. 208-212.

позволяет выявлять существующие противоречия в развитии политической системы и общества. Такое понимание расширяет предмет политологического исследования: внимание переносится не только на способы пресечения экстремистской деятельности, но и на условия, при которых возникает восприимчивость к радикальным идеям.

Глобализация и цифровая взаимосвязанность дополнительно усиливают транснациональный характер экстремистских процессов. Радикальные идеи и соответствующие информационные практики способны достаточно быстро пересекать государственные границы, адаптироваться к особенностям различных аудиторий и использовать уже существующие сетевые коммуникации[1]. Поэтому национальная политика противодействия экстремизму должна учитывать не только внутренние социально-политические условия, но и изменения внешней информационной среды.

Для России эта задача осложняется многообразием социальных, этнических и культурных групп. Внутренние факторы — социальная дифференциация, информационная фрагментация и уровень доверия к институтам власти — взаимодействуют с внешними информационными воздействиями. В результате профилактика экстремизма требует более широкого подхода, включающего правовое регулирование, образование, развитие гражданской культуры и укрепление механизмов общественного взаимодействия.

Именно поэтому дальнейшее исследование экстремизма представляется целесообразным вести на стыке политической безопасности, информационных коммуникаций, социологии и политической психологии. Такой подход дает возможность изучать не только уже сформировавшиеся радикальные движения, но и более ранние стадии возникновения

---

[1] Факов А.М. Глобальное информационное пространство как фактор насильственного распространения экстремизма // В сборнике: Научные достижения и открытия современной молодежи. Сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2020. С. 115-117.

соответствующих установок. Для государственной политики это особенно важно, поскольку профилактические меры, принятые до перехода радикальных убеждений в устойчивую противоправную деятельность, потенциально позволяют снизить масштаб последующих угроз.

Выводы к 1 главе. Проведенный в первой главе анализ позволяет рассматривать государственную политику противодействия экстремизму как самостоятельное направление обеспечения национальной безопасности, содержание и инструменты которого изменяются вслед за трансформацией общественных отношений, политической коммуникации и информационной среды. Ее нельзя сводить только к деятельности правоохранительных органов. Речь идет о более широком комплексе государственных и общественных мер, направленных на предупреждение радикализации, пресечение экстремистской деятельности и снижение факторов, способствующих ее распространению.

Эффективность такой политики во многом зависит от того, насколько согласованно действуют государственные органы, образовательные и научные организации, институты гражданского общества и иные участники профилактической работы. Существенное значение имеет и состояние самой социальной среды: уровень доверия к государственным институтам, характер межнациональных и межконфессиональных отношений, степень сформированности гражданской идентичности и способность граждан самостоятельно оценивать содержание информационных сообщений.

В этой связи представляется обоснованным переход от преимущественно реактивной модели, ориентированной на пресечение уже возникших проявлений экстремизма, к модели предупреждения соответствующих угроз. Такая модель предполагает выявление социальных, политических, информационных и психологических факторов радикализации до того, как они трансформируются в устойчивые формы экстремистской активности. При этом профилактика не должна противопоставляться правоохранительной деятельности: обе составляющие должны

рассматриваться как взаимодополняющие элементы единой государственной политики.

Авторский подход заключается в понимании государственной политики противодействия экстремизму как составной части общей стратегии обеспечения безопасности, которая одновременно выполняет регулятивную, профилактическую и интеграционную функции. Ее задача состоит не только в защите государства от конкретных угроз, но и в создании таких общественных условий, при которых распространение радикальных установок сталкивается с устойчивыми правовыми, социальными и ценностными ограничениями.

В качестве базовых принципов данной политики целесообразно выделить законность, приоритет предупреждения угроз, научную обоснованность принимаемых решений, учет особенностей социальной среды и согласованность действий различных субъектов профилактики. Важным условием остается соблюдение установленного законом баланса между обеспечением безопасности и реализацией прав и свобод граждан. Именно этот баланс позволяет избежать как недооценки экстремистских угроз, так и чрезмерного расширения ограничительных мер.

Проведенное исследование показывает также, что современный экстремизм нельзя рассматривать исключительно как результат отдельных социальных конфликтов или деятельности конкретных радикальных групп. Его распространение связано с более широкими процессами политической и социальной трансформации. Дефицит легитимных способов участия, снижение доверия к институтам, кризисы идентичности, социальная фрустрация и информационная поляризация способны создавать условия, в которых радикальные идеи получают дополнительную привлекательность.

Особое место в этой системе факторов занимает цифровая среда. Изменение способов коммуникации существенно повлияло на формы распространения экстремистских идей и способы вовлечения новых участников. Сетевые сообщества способны быстро менять структуру, использовать различные информационные площадки и адаптировать

содержание сообщений к особенностям конкретной аудитории. В результате традиционные методы оценки угроз требуют дополнения инструментами анализа цифровой коммуникации и раннего выявления признаков радикализации.

Это обстоятельство обусловливает необходимость дальнейшего развития междисциплинарной методологии исследования экстремизма. Политологический анализ должен дополняться положениями социологии, психологии, права, культурологии и теории массовой коммуникации. Только при таком сочетании возможно более полно установить причины возникновения радикальных установок, определить условия их распространения и оценить эффективность применяемых профилактических мер.

Одновременно сохраняется ряд теоретических проблем. В частности, нуждаются в дальнейшем уточнении критерии разграничения радикализма, экстремизма и терроризма, а также показатели, позволяющие оценивать уровень и динамику соответствующих угроз. Недостаточная определенность категориального аппарата затрудняет сопоставление результатов различных исследований и формирование единой системы оценки рисков. Поэтому развитие методологии противодействия экстремизму предполагает не только совершенствование практических механизмов, но и дальнейшую теоретическую разработку самого понятийного аппарата.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что устойчивость государства по отношению к экстремистским угрозам определяется не только возможностями силовых и правоприменительных структур. Значительную роль играют качество государственных институтов, состояние гражданского общества, характер политической коммуникации и способность общества сохранять внутреннее единство в условиях кризисов и внешнего информационного воздействия. В данном отношении противодействие экстремизму непосредственно связано с более широкой задачей обеспечения политической устойчивости.

Вместе с тем рассмотрение экстремизма исключительно через призму угрозы национальной безопасности сужает исследовательские возможности. Его распространение может рассматриваться и как показатель существующих противоречий в общественном и политическом развитии. Поэтому выявление причин радикализации имеет не меньшее значение, чем последующее пресечение экстремистской деятельности. Такой подход позволяет перейти от оценки уже возникших угроз к исследованию условий их формирования.

Для российской государственной политики это особенно важно в связи с многообразием социальных, этнических, культурных и конфессиональных факторов, влияющих на общественные процессы. Универсальная схема противодействия здесь едва ли может быть эффективной. Необходим учет региональных особенностей, характеристик различных социальных групп и изменений информационной среды. При этом общим основанием государственной политики должны оставаться законность, обеспечение общественной безопасности и поддержание гражданского согласия.

Таким образом, проведенное исследование дает основания определить государственную политику противодействия экстремизму как комплексное направление деятельности государства, сочетающее правовые, организационные, профилактические, информационные, образовательные и социально-культурные меры. Ее результативность зависит от способности государства своевременно адаптировать используемые инструменты к изменяющемуся характеру угроз и одновременно сохранять устойчивые институциональные основы такой политики.

Авторская позиция состоит в том, что дальнейшее развитие этой политики должно идти по пути усиления профилактической составляющей, совершенствования межведомственного взаимодействия и повышения качества научно-аналитического сопровождения принимаемых решений. При этом цифровая трансформация общества требует выделения информационно-коммуникационного направления в качестве одного из самостоятельных элементов государственной политики.

В конечном счете противодействие экстремизму следует связывать не только с устранением непосредственных угроз, но и с поддержанием таких условий общественного развития, при которых радикальные идеологии не получают возможности превращаться в устойчивую социально-политическую практику. В этом смысле обеспечение безопасности предполагает одновременное укрепление правопорядка, институтов гражданского общества, механизмов политического участия и гражданской солидарности.

Итак, результаты первой главы позволяют сделать общий вывод: государственная политика противодействия экстремизму представляет собой динамическую систему, эффективность которой определяется согласованностью правовых и организационных мер с возможностями профилактического, образовательного, социального и информационного воздействия. Ее дальнейшее совершенствование требует учета изменений самого экстремизма, прежде всего его цифровой трансформации, а также развития научных методов прогнозирования и оценки возникающих рисков. Такой подход создает необходимую основу для последующего исследования правовых и организационных механизмов противодействия экстремистской деятельности.

Глава 2. Анализ специфики государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности государства

2.1. Опасность проявления экстремизма для государства в условиях современных социально-политических трансформаций на глобальном и региональном уровнях

Усиливающаяся активность экстремизма в эпоху смены социально-политических парадигм представляет серьезную угрозу национальной безопасности. Причем подобные угрозы многократно возрастают в периоды глобальной нестабильности и региональных конфликтов.

В современном мире, где усиливаются процессы информационной глобализации, миграции и идеологической поляризации, экстремизм становится не только внутренней, но и транснациональной проблемой, подрывающей основы государственной безопасности и национального единства.

Анализ современного состояния показывает, что экстремизм как угроза национальной безопасности характеризуется следующими особенностями: многообразием форм проявления (политический, националистический, религиозный экстремизм и т.д.); активным использованием информационно-телекоммуникационных технологий для пропаганды экстремистской идеологии; интернационализацией экстремистской деятельности; вовлечением в экстремистскую деятельность представителей различных социальных групп, включая несовершеннолетних.

В структуре преступлений экстремистского характера преобладают уголовные дела за возбуждение ненависти или вражды, а равно унижение человеческого достоинства, а также за публичные призывы к осуществлению

экстремистской деятельности. Отмечается, что более половины таких преступных деяний совершено с использованием сети «Интернет»[1].

По данным уголовной статистики возрастная принадлежность лиц, привлеченных в течение 10 лет с 2016 по 2025 гг., к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности установлено, что в указанном периоде за совершение указанных преступлений к уголовной ответственности привлечено 4343 человека: террористического характера – 3188 (73,4%), экстремистской направленности – 1155 (26,6%).

Возрастная принадлежность лиц, совершивших в анализируемом периоде преступления террористического характера и экстремистской направленности, характеризуется следующими показателями[2]:

- несовершеннолетние (возраст – 14-17 лет) – 168 (3,9%);
- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – 2399 (55,2%);
- лица в возрасте 30-49 лет – 1565 (36%);
- лица старше 50 лет – 211 (4,9%).

Распределение по возрастным категориям лиц, совершивших преступления террористического характера, выглядит следующим образом:

- несовершеннолетние (возраст – 14-17 лет) – 117 (3,7%);
- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – 1884 (59,1%);
- лица в возрасте 30-49 лет – 1096 (34,3%);
- лица старше 50 лет – 91 (2,9%).

Лица, совершившие в анализируемом периоде преступления экстремистской направленности, распределились по возрастным категориям следующим образом:

- несовершеннолетние (возраст – 14-17 лет) – 51 (4,4%);

---

[1] Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин о новой Стратегии противодействия экстремизму // Совет Безопасности РФ. 2025. 31 марта. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/ (дата обращения: 12.10.2025).

[2] Данные ГИАЦ МВД России.

- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – 515 (44,6%);

- лица в возрасте 30-49 лет – 469 (40,6%);

- лица старше 50 лет – 120 (10,4%).

Результаты анализа вовлеченности лиц, совершавших преступления террористического характера и экстремистской направленности в 2016-2025 гг., имеют противоположные значения для каждого из видов преступности: на фоне существенного уменьшения числа субъектов преступлений террористического характера отмечается значительный рост количества граждан, привлеченных к ответственности за совершение экстремистских преступлений.

Так, в сравнении с суммарными показателями первой пятилетки (с 2016 по 2020 гг.) общее количество участников преступлений террористического характера за 2021-2025 гг. сократилось с 1952 до 1236 человек, то есть на 36,7%. И напротив, показатели количества лиц, совершивших в 2021-2025 гг. преступления экстремистской направленности, на 99,2% превышают значения периода с 2016 по 2020 гг., то есть количество фигурантов таких преступлений увеличилось практически в 2 раза – с 386 до 769 человек.

Таким образом, на протяжении анализируемого периода всё более отчетливо проявлялась тенденция сокращения числа участников террористических преступных групп при одновременном укрупнении экстремистских объединений.

Динамика показателей двух пятилеток (2016-2020 гг. и 2021-2025 гг.) внутри возрастных категорий лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, в целом соответствует вышеуказанной тенденции, демонстрируя отклонения от общего тренда лишь в категории несовершеннолетних лиц.

Для преступлений террористического характера характерно уменьшение числа привлеченных к ответственности лиц молодого и зрелого возраста:

- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – с 1205 до 679 человек (-43,7%);

- лица в возрасте 30-49 лет – с 665 до 440 человек (-33,8%);

- лица старше 50 лет – с 53 до 38 человек (-28,3%).

При этом, существенно выросло количество лиц несовершеннолетнего возраста (14-17 лет), вовлеченных в террористическую деятельность – с 38 до 79 человек (+107,9%), что вызывает необходимость активизации с ними профилактической деятельности антитеррористической направленности.

В случае анализа контингента лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, проявляется противоположная тенденция: количество несовершеннолетних преступников уменьшилось с 31 до 20 человек (-35,5%), но при этом активно идет радикализация лиц старших поколений:

- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – с 204 до 311 человек (+52,5%);

- лица в возрасте 30-49 лет – с 134 до 335 человек (+150%);

- лица старше 50 лет – с 17 до 103 человек (+505,9%).

Основываясь на результатах проведенного анализа, возможно сделать следующие выводы и определить тенденции вовлеченности населения в террористическую и экстремистскую деятельность:

1. Большинство лиц, совершивших анализируемые преступления, имеют возраст от 14 до 29 лет: террористического характера – 2001 или 62,8% (несовершеннолетние – 117 или 3,7%, молодёжь – 1884 или 59,1%), экстремистской направленности – 566 или 51,7% (несовершеннолетние 65 или 6%, молодёжь – 499 или 45,7%).

2. На фоне существенного уменьшения (на 36,7%) числа субъектов преступлений террористического характера (с 1952 до 1236 человек), отмечается значительный рост (на 99,2%) количества граждан, привлеченных к ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности – с 386 до 769 человек.

3. Анализ динамики показателей двух пятилеток внутри возрастных категорий лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение

преступлений террористического характера и экстремистской направленности за период с 2016 по 2025 гг., в целом соответствуют указанной тенденции, демонстрируя отклонения от общего тренда лишь в категории несовершеннолетних лиц.

Наблюдается существенное уменьшение количества лиц, совершивших преступления террористического характера в 2021-2025 гг., по сравнению с показателями 2016-2020 гг.: молодёжи – на 43,7% (с 1205 до 679 человек), лиц в возрасте 30-49 лет – на 33,8% (с 665 до 440), лиц старше 50 лет – на 28,3% (с 53 до 38). При этом, существенно – на 107,9% выросло число фигурантов несовершеннолетнего возраста (с 38 до 79 человек).

Показатели количества лиц, совершивших в 2020-2025 гг. преступления экстремистской направленности, на 99,2% превышают значения периода с 2016 по 2020 гг., то есть количество фигурантов таких преступлений увеличилось почти в 2 раза – с 386 до 769 человек: молодёжи – на 52,5% (с 204 до 311 человек), лиц в возрасте 30-49 лет – на 150% (с 134 до 335), лиц старше 50 лет – на 505,9% (с 17 до 103). Количество несовершеннолетних субъектов экстремистских преступлений уменьшилось на 35,5% – с 31 до 20 человек[1].

Высокие темпы радикализации молодёжи и лиц старшего возраста требуют существенной активизации профилактической работы по религиозному просвещению населения с привлечением духовенства и лиц, пользующихся авторитетом у населения, в мечетях, спортивных клубах и при проведении культурно-массовых мероприятий.

Проникновение экстремистских идеологий в молодежную среду в настоящий момент приобрело значительные масштабы и чревато опасными последствиями для будущего страны, поскольку подрастающее поколение представляет собой не только ресурс национальной безопасности, но и гарант поступательного развития общества и реализации инноваций во всех сферах жизни.

[1] Данные ГИАЦ МВД России.

Для России и других государств постсоветского пространства опасность экстремизма усугубляется внешнеполитическим давлением и попытками дестабилизировать внутреннюю ситуацию через идеологическое воздействие, киберпространство и поддержку радикальных движений. Специальная военная операция, начатая Россией в 2022 г., стала катализатором новых форм идеологического противостояния: усилилось распространение антироссийских нарративов, активизировались экстремистские группировки, стремящиеся использовать конфликт для мобилизации сторонников и подрыва государственной целостности.

В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что в современных условиях экстремизм обусловлен не только внутренними социальными противоречиями. Он способен использоваться и как средство внешнего воздействия на государство. В связи с этим противодействие экстремистским проявлениям не может ограничиваться исключительно мерами силового характера. Оно предполагает сочетание профилактических, правовых, информационных и идеологических инструментов, позволяющих воздействовать как на непосредственные проявления экстремизма, так и на условия, способствующие его распространению.

Современные социально-политические изменения существенно трансформируют характер экстремистской деятельности. Ее влияние может распространяться далеко за пределы отдельных социальных групп и оказывать воздействие на устойчивость политических институтов и состояние международной безопасности. Среди факторов, создающих условия для распространения радикальных идей, следует выделить социальное расслоение, кризис идентичности, изменение привычных форм общественной коммуникации и широкое использование цифровых технологий. Дополнительным фактором становится информационное противоборство, в рамках которого политические и социальные конфликты получают быстрое распространение в сетевой среде.

Для Российской Федерации особое значение приобретает проблема внешнего воздействия посредством радикальных идеологических установок. В информационном пространстве могут использоваться различные формы поддержки протестных, националистических и иных радикальных настроений, способные воздействовать на общественное мнение и усиливать существующие социальные противоречия. В подобных условиях экстремистская проблематика выходит за рамки исключительно правоохранительной сферы и становится частью более широкого комплекса угроз политической стабильности.

В период проведения специальной военной операции данная проблема приобрела дополнительную остроту. Информационно-психологическое воздействие стало одним из факторов, влияющих на восприятие происходящих событий различными социальными группами. В этих условиях радикальные сообщения и искаженные интерпретации общественно значимых событий могут использоваться для формирования негативного образа государственных институтов, усиления недоверия и вовлечения в конфликтную деятельность, прежде всего представителей молодежной среды.

Таким образом, современная трансформация экстремизма связана не только с изменением форм его проявления, но и с расширением пространства его распространения. Цифровая коммуникация существенно сокращает временной интервал между появлением радикального содержания и его распространением среди значительной аудитории. Поэтому государственная политика противодействия экстремизму должна учитывать информационную составляющую данного явления, одновременно сохраняя правовые гарантии и ориентируясь на профилактику радикализации.

Аналогичные процессы наблюдаются и в других странах от Европы до Ближнего Востока, где экстремизм становится инструментом внешнего вмешательства, отражая глобальную тенденцию к политизации радикализма. В результате экстремизм приобретает черты сетевого, трансграничного феномена, способного быстро адаптироваться к новым технологиям и

социокультурным реалиям. Для противодействия этому требуется формирование целостной государственной стратегии, включающей не только силовые и правовые меры, но и идеологическую, образовательную и культурную работу, направленную на укрепление национальной идентичности, гражданской солидарности и устойчивости общества к деструктивным идеям.

В условиях глубинных трансформаций мировой политической системы, усиления глобальных кризисных тенденций и перехода к многополярному миру проблема экстремизма приобретает новое измерение. Современный экстремизм перестает быть исключительно внутренним вызовом и становится элементом международных стратегий давления, инструментом политического и информационного противоборства. Он проявляется в различных формах: от религиозного и этнонационального радикализма до политико-идеологического экстремизма, распространяемого через цифровые платформы и социальные сети.

Анализ показывает, что более двух третей IT-преступлений экстремистской направленности совершается с использованием сети Интернет, что на 30% больше по сравнению с предыдущими периодами[1].

Информационный экстремизм представляет собой многоуровневое понятие, цель которого - разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды, распространение искусственно созданных слухов[2]. Социальные сети становятся основным каналом распространения экстремистской идеологии, что требует постоянного мониторинга интернет-ресурсов специальными подразделениями органов внутренних дел.

Информационный экстремизм характеризуется следующими особенностями:

---

[1] Информационный экстремизм: проблемы и перспективы противодействия в современных условиях / А.В. Петров [и др.] // Вестник Евразийского института региональных и локальных исследований. 2023. № 4. С. 28-35.

[2] Там же.

- высокая скорость распространения информации и возможность мгновенного охвата большой аудитории;

- анонимность и трудность идентификации источников экстремистского контента;

- использование современных технологий шифрования и анонимизации;

- адаптация к различным форматам и платформам (текст, видео, аудио, мемы);

- таргетированное воздействие на определенные социальные группы;

- трансграничный характер деятельности.

Противодействие информационному экстремизму также требует комплексного подхода, включающего технические, правовые, организационные и профилактические меры. Технические меры включают разработку и внедрение систем автоматического выявления экстремистского контента, блокировку доступа к экстремистским ресурсам, мониторинг социальных сетей.

Правовые меры в рассматриваемой сфере должны быть направлены прежде всего на дальнейшее развитие законодательства, регулирующего ответственность за распространение экстремистских материалов в сети Интернет. Одновременно необходимо уточнять критерии, по которым информационные материалы могут быть отнесены к экстремистским, поскольку от их определенности непосредственно зависит обоснованность правоприменительных решений. Отдельного внимания требует регулирование деятельности интернет-провайдеров и операторов связи в части выявления и ограничения распространения запрещенного контента.

Для России, как и для ряда других государств, существенным фактором риска остается воздействие извне на общественно-политические процессы. Такое воздействие может быть связано с распространением идеологических установок, способных усиливать существующие противоречия, влиять на общественные настроения и стимулировать протестную активность. В период проведения специальной военной операции эта проблема получила

дополнительное развитие. Распространение информационных материалов деструктивного характера, использование киберпространства и попытки представить радикальные действия в качестве допустимой формы политической борьбы показывают, что экстремистская деятельность может включаться в более широкий комплекс средств политического и информационного противоборства.

Последствия подобных процессов не сводятся к отдельным правонарушениям. При определенных обстоятельствах они способны затрагивать вопросы общественной консолидации, гражданской идентичности и доверия к государственным институтам. Поэтому противодействие экстремизму целесообразно рассматривать как задачу, выходящую за пределы деятельности правоохранительных органов. Ее решение требует согласованных действий различных государственных структур, образовательных и научных организаций, а также институтов гражданского общества.

Важное место в этой системе занимает работа с ценностными и мировоззренческими установками граждан. Речь идет не только о пресечении уже сформировавшихся экстремистских проявлений, но и о создании условий, при которых радикальные идеи не получают широкой социальной поддержки. Этому могут способствовать развитие правовой и информационной культуры, повышение способности граждан критически оценивать распространяемые сведения, укрепление гражданской ответственности и создание механизмов общественного противодействия радикализации.

Изменения, происходящие в международной политике, экономике и информационной сфере, дополнительно усложняют характер данной угрозы. Экстремистские идеи сегодня способны распространяться практически независимо от государственных границ, используя цифровые каналы коммуникации и транснациональные информационные сети. Глобализация и цифровизация существенно изменили саму среду распространения радикальных установок: информация быстро переходит из одного

информационного пространства в другое, адаптируется к особенностям различных аудиторий и может использоваться в рамках более широких идеологических и политических конфликтов.

В результате экстремизм следует рассматривать не только как совокупность отдельных противоправных проявлений, но и как явление, способное приобретать трансграничный характер и использовать современные коммуникационные технологии. Это обстоятельство требует соответствующей корректировки государственной политики: наряду с совершенствованием правовых механизмов возрастает значение информационной профилактики, межведомственного взаимодействия и научного анализа новых форм радикализации.

В таких условиях экстремизм становится инструментом не только внутренней радикализации, но и внешнего вмешательства, средством ослабления суверенных государств и навязывания им чуждых политических и культурных моделей.

Для России эта угроза имеет системный характер: активное давление со стороны западных стран, сопровождаемое информационно-психологическими кампаниями, создает благоприятную почву для формирования протестных настроений и распространения радикальных идей среди уязвимых социальных групп, прежде всего молодежи. И опять, специальная военная операция усилила эти процессы, став триггером масштабной идеологической конфронтации, в рамках которой экстремизм используется как элемент гибридной войны, через дезинформацию, кибератаки, пропаганду насилия и подрыв общественного согласия. Аналогичные угрозы наблюдаются и в других государствах, где экстремистские организации активно эксплуатируют кризисные ситуации, этнические и религиозные противоречия. Все это свидетельствует о необходимости системного подхода к противодействию экстремизму, включающего укрепление правовых механизмов, развитие общественно-государственного партнерства, повышение медиаграмотности

населения и формирование идеологического иммунитета к радикальным воздействиям в контексте современной мировой нестабильности.

Современные социально-политические изменения оказывают заметное влияние на характер и формы проявления экстремизма. Изменения политических институтов, ослабление прежних механизмов общественной интеграции, кризис доверия и изменение ценностных ориентиров создают условия, в которых радикальные идеи получают дополнительное распространение. Существенно изменилось и само информационное пространство. Благодаря цифровым технологиям экстремистские материалы могут быстро распространяться, адаптироваться к особенностям различных аудиторий и использоваться для воздействия на общественные настроения.

В этих условиях экстремизм уже нельзя рассматривать исключительно как результат внутренних социальных противоречий. В отдельных случаях он становится инструментом политического воздействия, в том числе внешнего. Для России данный аспект представляет особый интерес с точки зрения обеспечения государственной и общественной безопасности. Распространение радикальных установок может использоваться для усиления социальных конфликтов, снижения уровня доверия к государственным институтам и воздействия на общественную консолидацию.

Проведение специальной военной операции существенно изменило информационный контекст, в котором развиваются указанные процессы. Информационное противоборство приобрело значительно больший масштаб, а экстремистская и радикальная риторика стала использоваться в качестве одного из способов воздействия на различные социальные группы. В отдельных информационных кампаниях политические оценки происходящих событий соединяются с попытками сформировать устойчивый образ противника, усилить общественную поляризацию и вовлечь в радикальную деятельность наиболее восприимчивую часть аудитории. Особую уязвимость в данном отношении представляет молодежная среда, для которой цифровая коммуникация является привычной частью повседневной жизни.

При этом сходные процессы наблюдаются и за пределами России. В государствах, испытывающих внутренние политические и социальные противоречия, радикальные движения также могут становиться объектом внешнего влияния. Использование информационных ресурсов, социальных сетей и транснациональных коммуникационных каналов позволяет заинтересованным субъектам воздействовать на внутреннюю повестку других стран, не прибегая непосредственно к традиционным формам политического или военного давления.

В связи с этим представляется обоснованным рассматривать современный экстремизм в двух взаимосвязанных плоскостях. С одной стороны, он сохраняет характеристики социально-политического явления, возникающего на основе внутренних противоречий и процессов радикализации. С другой стороны, при определенных обстоятельствах экстремистские установки могут использоваться в качестве инструмента внешнего воздействия. Такое сочетание внутренних и внешних факторов существенно усложняет задачу государства по предупреждению экстремистской активности.

Особое значение приобретает поэтому не только пресечение уже совершенных противоправных действий, но и раннее выявление факторов, способствующих радикализации. Государственная политика в данной сфере должна включать правовые, организационные и информационные меры, а также мероприятия образовательного и профилактического характера. Их общей задачей является снижение восприимчивости общества к радикальным идеям при сохранении законных форм общественного и политического участия.

Цифровая трансформация требует отдельного внимания. Социальные сети, мессенджеры и другие сетевые площадки существенно изменили механизмы распространения политической информации. Радикальный контент способен быстро перемещаться между различными информационными ресурсами, приобретать новые формы и обращаться к

аудиториям, первоначально не связанным с экстремистскими сообществами. Поэтому традиционные подходы к противодействию экстремизму нуждаются в дополнении инструментами анализа цифровой среды и изучения механизмов сетевой радикализации.

Не менее важным направлением остается работа с общественными установками. Укрепление гражданской идентичности, развитие критического восприятия информации, повышение медиаграмотности и формирование ответственного отношения к общественно-политической коммуникации способны снизить восприимчивость граждан к манипулятивным воздействиям. В данном случае профилактика экстремизма выходит за пределы исключительно правоохранительной деятельности и приобретает межведомственный характер.

Таким образом, трансформация экстремизма связана одновременно с изменением его социальной природы, каналов распространения и способов политического использования. Его современная специфика определяется сочетанием внутренних предпосылок радикализации с возможностями внешнего информационного воздействия. Это обстоятельство позволяет рассматривать противодействие экстремизму как самостоятельное направление государственной политики, объединяющее правовые, организационные, информационные и профилактические механизмы.

В конечном счете эффективность такой политики определяется не количеством принятых запретительных мер, а способностью государства своевременно распознавать возникающие риски и воздействовать на причины радикализации. Для этого необходимы постоянное обновление правовых механизмов, развитие научного мониторинга, повышение качества профилактической работы и согласованное взаимодействие государственных органов и институтов общества. Именно такой подход позволяет перейти от преимущественно реактивного реагирования к предупреждению экстремистских угроз на более ранних стадиях.

На протяжении анализируемого периода всё более отчетливо проявлялась тенденция сокращения числа участников террористических преступных групп при одновременном укрупнении экстремистских объединений.

Результаты анализа динамики показателей двух пятилеток (2016-2020 гг. и 2021-2025 гг.) внутри возрастных категорий лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности, в целом соответствуют вышеуказанной тенденции, демонстрируя отклонения от общего тренда лишь в категории несовершеннолетних лиц.

Для преступлений террористического характера характерно уменьшение числа привлеченных к ответственности лиц молодого и зрелого возраста[1]:

- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – с 1205 до 679 человек (-43,7%);
- лица в возрасте 30-49 лет – с 665 до 440 человек (-33,8%);
- лица старше 50 лет – с 53 до 38 человек (-28,3%).

При этом, существенно выросло количество лиц несовершеннолетнего возраста (14-17 лет), вовлеченных в террористическую деятельность – с 38 до 79 человек (+107,9%), что вызывает необходимость активизации с ними профилактической деятельности антитеррористической направленности.

В случае анализа контингента лиц, совершивших преступления экстремистской направленности, проявляется противоположная тенденция: количество несовершеннолетних преступников уменьшилось с 31 до 20 человек (-35,5%), но при этом активно идет радикализация лиц старших поколений:

- молодёжь (возраст – 18-29 лет) – с 204 до 311 человек (+52,5%);
- лица в возрасте 30-49 лет – с 134 до 335 человек (+150%);
- лица старше 50 лет – с 17 до 103 человек (+505,9%).

[1] Данные ГИАЦ МВД России.

Основываясь на результатах проведенного анализа, возможно сделать следующие выводы и определить тенденции вовлеченности населения в террористическую и экстремистскую деятельность:

1. Большинство лиц, совершивших анализируемые преступления, имеют возраст от 14 до 29 лет: террористического характера – 2001 или 62,8% (несовершеннолетние – 117 или 3,7%, молодёжь – 1884 или 59,1%), экстремистской направленности – 566 или 51,7% (несовершеннолетние 65 или 6%, молодёжь – 499 или 45,7%).

2. На фоне существенного уменьшения (на 36,7%) числа субъектов преступлений террористического характера (с 1952 до 1236 человек), отмечается значительный рост (на 99,2%) количества граждан, привлеченных к ответственности за совершение преступлений экстремистской направленности – с 386 до 769 человек.

3. Результаты анализа динамики показателей двух пятилеток внутри возрастных категорий лиц, привлеченных к уголовной ответственности за совершение преступлений террористического характера и экстремистской направленности за период с 2016 по 2025 гг., в целом соответствуют указанной тенденции, демонстрируя отклонения от общего тренда лишь в категории несовершеннолетних лиц.

Наблюдается существенное уменьшение количества лиц, совершивших преступления террористического характера в 2021-2025 гг., по сравнению с показателями 2016-2020 гг.: молодёжи – на 43,7% (с 1205 до 679 человек), лиц в возрасте 30-49 лет – на 33,8% (с 665 до 440), лиц старше 50 лет – на 28,3% (с 53 до 38). При этом, существенно – на 107,9% выросло число фигурантов несовершеннолетнего возраста (с 38 до 79 человек).

Показатели количества лиц, совершивших в 2020-2025 гг. преступления экстремистской направленности, на 99,2% превышают значения периода с 2016 по 2020 гг., то есть количество фигурантов таких преступлений увеличилось почти в 2 раза – с 386 до 769 человек: молодёжи – на 52,5% (с 204

до 311 человек), лиц в возрасте 30-49 лет – на 150% (с 134 до 335), лиц старше 50 лет – на 505,9% (с 17 до 103).

Высокая интенсивность процессов радикализации различных возрастных групп населения требует пересмотра подходов к профилактике экстремизма. Одним из ее направлений может выступать религиозно-просветительская работа, осуществляемая при участии представителей традиционных религиозных организаций и других лиц, пользующихся общественным авторитетом. Такая деятельность особенно значима в молодежной среде и может реализовываться не только в религиозных учреждениях, но и в спортивных клубах, образовательной среде, а также в рамках культурных и общественных мероприятий.

Особое внимание при этом следует уделять молодежи. Распространение экстремистских установок среди молодых людей создает долгосрочные риски, поскольку именно эта социальная группа во многом определяет кадровый, интеллектуальный и инновационный потенциал государства. Поэтому профилактика радикализации должна рассматриваться не только как средство предупреждения отдельных правонарушений, но и как элемент государственной политики, ориентированной на сохранение социальной устойчивости и обеспечение преемственности развития общества.

Для России проблема приобретает дополнительное значение в условиях специальной военной операции и сопровождающего ее интенсивного информационного и политического противоборства. В информационном пространстве используются различные общественно значимые темы — от вопросов патриотизма и отношения к военным действиям до социальных и экономических проблем. Их целенаправленная интерпретация способна усиливать существующие противоречия, провоцировать конфликтные настроения и формировать негативное отношение к деятельности государственных институтов. Сходные процессы характерны и для ряда других государств, где социальное неравенство, миграционные процессы и

политическая поляризация создают благоприятную среду для распространения радикальных идей.

В этой связи современный экстремизм целесообразно рассматривать не только как результат стихийной радикализации отдельных лиц или социальных групп. В определенных обстоятельствах он может становиться инструментом организованного политического воздействия, использующего социальные противоречия и информационные технологии для изменения общественных настроений. Особую роль в таком воздействии играет цифровая среда, позволяющая быстро распространять радикальный контент, формировать замкнутые информационные сообщества и вовлекать в них людей, ранее не проявлявших интереса к экстремистской деятельности.

Следовательно, профилактика экстремизма требует сочетания различных механизмов воздействия. Правовые и правоохранительные меры должны дополняться просветительской работой, развитием критического восприятия информации, укреплением гражданской и политико-правовой культуры, а также формированием устойчивых представлений о ценностях и интересах российского общества. Существенное значение имеет и деятельность институтов гражданского общества, способных своевременно выявлять социальные проблемы, повышающие восприимчивость отдельных групп к радикальным идеям.

Такой подход позволяет перейти от преимущественно реактивной модели противодействия к предупреждению самих условий, способствующих распространению экстремистских установок. В долгосрочной перспективе устойчивость государства определяется не только эффективностью силовых механизмов, но и способностью общества сохранять внутреннюю солидарность, правовую культуру и ценностные ориентиры в условиях возрастающего информационного и политического давления.

2.2. Специфика экстремизма в Российской Федерации: направления, сферы, динамика

Специфика экстремизма в Российской Федерации формируется под воздействием совокупности исторических, этнополитических, религиозных и социокультурных обстоятельств. Их сочетание определяет, как содержание радикальных установок, так и способы их распространения. В российском обществе экстремистские проявления затрагивают различные сферы общественной жизни, включая политические отношения, межнациональное и межконфессиональное взаимодействие, молодежную среду и информационно-коммуникационное пространство.

В настоящее время существенную часть экстремистских угроз составляют националистические и религиозно-радикальные проявления. В первом случае речь идет о распространении представлений об этническом превосходстве, исключительности отдельных групп и неприятии представителей иных национальностей. Религиозный радикализм, в свою очередь, может использовать религиозную идентичность для оправдания насилия и противопоставления одних социальных групп другим. К числу организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации, относятся, в частности, «Исламское государство» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Отдельного внимания заслуживает деятельность ультраправых групп, которые способны сочетать националистические и патриотические лозунги с ксенофобскими установками и оправданием насильственных способов достижения политических или социальных целей. Использование патриотической риторики в данном случае существенно затрудняет своевременное распознавание радикального содержания, поскольку внешне социально одобряемые идеи могут использоваться для продвижения противоправных установок.

Одновременно происходит заметное изменение среды, в которой осуществляется экстремистская деятельность. Значительная часть коммуникации перемещается в социальные сети, мессенджеры и иные цифровые платформы. Это создает дополнительные возможности для распространения радикального контента, поиска потенциальных сторонников и их последующего вовлечения в деятельность экстремистского характера. Цифровая среда позволяет воздействовать на аудиторию адресно, учитывать ее интересы и социальные характеристики, а также формировать устойчивые информационные сообщества, внутри которых радикальные взгляды постепенно нормализуются.

Еще одной особенностью становится использование для распространения радикальных установок тематики, изначально не связанной непосредственно с экстремизмом. Социальные, экологические, правозащитные и антивоенные инициативы могут использоваться различными субъектами в качестве основы для политической мобилизации и распространения антисистемных взглядов. При этом принципиальное значение имеет разграничение законной общественной активности и экстремистской деятельности: само по себе участие в подобных инициативах не свидетельствует о наличии экстремистских намерений. Угроза возникает тогда, когда соответствующая проблематика сознательно используется для распространения запрещенной идеологии, оправдания насилия либо вовлечения граждан в противоправную деятельность.

Таким образом, современный российский экстремизм характеризуется не только разнообразием идейных оснований, но и изменением способов их трансляции. Наряду с традиционными формами сохраняются националистические и религиозно-радикальные проявления, однако все большее значение приобретают цифровые инструменты коммуникации и новые способы маскировки радикальных установок под социально значимую проблематику. Это требует от государства и институтов гражданского общества не только совершенствования правовых и правоохранительных

механизмов, но и более точного выявления факторов радикализации, особенно в молодежной и информационной среде.

Динамика экстремистской активности в России показывает, что при снижении числа открытых террористических актов наблюдается рост скрытых форм идеологического и информационного воздействия, направленных на подрыв доверия к государству и разрушение национального единства.

Таким образом, экстремизм в современной России представляет собой гибридную угрозу, сочетающую традиционные и инновационные формы воздействия, и требует постоянного мониторинга, межведомственного взаимодействия и совершенствования правовых и профилактических механизмов для эффективного обеспечения национальной безопасности. Специфика экстремизма в Российской Федерации проявляется и в его многослойности, региональной дифференциации и тесной связи с социально-экономическими, этноконфессиональными и политическими процессами внутри страны. Современные экстремистские проявления в России охватывают широкий спектр направлений: от националистического и религиозно-радикального до политико-идеологического и информационного. В сфере националистического экстремизма, по-прежнему, активны группы, эксплуатирующие идеи этнической исключительности и противостояния между «коренным» населением и мигрантами, что особенно характерно для крупных мегаполисов и приграничных регионов.

Религиозный экстремизм сохраняет наибольшую актуальность в регионах, характеризующихся сложной этноконфессиональной структурой и высокой интенсивностью религиозной активности. К их числу относятся отдельные территории Северного Кавказа, Поволжья и Сибири. В таких условиях распространение религиозных идей требует особого внимания со стороны государства, поскольку наряду с традиционной религиозно-просветительской деятельностью могут предприниматься попытки распространения радикальных доктрин, в том числе ориентированных на внешние идеологические центры.

Дополнительные возможности для этого создает цифровая среда. Социальные сети, мессенджеры и иные интернет-платформы используются для распространения материалов радикального содержания, установления контактов с потенциальными сторонниками и последующего вовлечения их в противоправную деятельность. В этой связи определенную опасность представляет пропаганда идеологии организаций, деятельность которых запрещена на территории Российской Федерации, включая «Исламское государство» (ИГИЛ, ДАИШ), «Аль-Каиду» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

Другим значимым направлением является политико-идеологический экстремизм. Его содержание связано с распространением радикальных представлений о государственном устройстве, отрицанием существующих институтов власти и стремлением добиться политических изменений посредством противоправных методов. При этом внешняя форма соответствующей деятельности может существенно различаться: радикальная повестка способна распространяться через политические объединения, сетевые сообщества, молодежные инициативы и различные информационные площадки.

Особенность современной ситуации заключается в том, что политическая радикализация все чаще развивается в информационной среде. Социальные сети, видеохостинги и мессенджеры позволяют оперативно формировать аудиторию, распространять агитационные материалы и поддерживать устойчивую коммуникацию между участниками сетевых сообществ. В результате традиционные формы политической мобилизации дополняются цифровыми механизмами воздействия на общественные настроения. При этом социально значимая проблематика — вопросы демократии, гражданских прав, коррупции, социальной справедливости — может использоваться как средство привлечения аудитории к более радикальной политической повестке.

На этой основе формируется феномен киберэкстремизма, для которого характерно использование информационных технологий в целях

распространения экстремистских идей и вовлечения граждан в соответствующую деятельность. Его отличительными чертами являются отсутствие жесткой территориальной привязки, высокая скорость распространения информации и возможность постоянного обновления способов коммуникации с целевой аудиторией. Цифровые платформы могут применяться для создания замкнутых информационных сообществ, распространения недостоверных сведений, эмоциональной мобилизации пользователей и подталкивания их к противоправным действиям[1].

При этом необходимо разграничивать легитимную общественную и политическую активность и экстремистскую деятельность. Использование таких понятий, как защита прав человека, демократические преобразования или гражданские свободы, само по себе не свидетельствует о наличии экстремистских целей. Юридически значимым является содержание конкретных действий, характер распространяемых материалов, наличие призывов к насилию либо иных признаков противоправной деятельности. Такой подход особенно важен при анализе процессов, происходящих в цифровой среде, где граница между общественной дискуссией, политической агитацией и радикальной пропагандой может становиться менее очевидной.

Отдельного рассмотрения заслуживает и внешний фактор. Информационно-коммуникационные технологии создают возможности для трансграничного воздействия на общественные настроения, в том числе посредством сетевых каналов распространения информации, автоматизированных аккаунтов и координированных информационных кампаний. В отдельных случаях подобные инструменты могут использоваться для усиления уже существующих социальных и политических противоречий. Поэтому при исследовании современного экстремизма целесообразно

[1] Швыряев П.С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184-196.

учитывать не только внутренние причины радикализации, но и транснациональный характер информационных процессов.

Таким образом, современный экстремизм в России характеризуется сочетанием различных идейных и организационных форм. Религиозно-радикальные проявления сохраняют значение в отдельных этноконфессиональных регионах, тогда как политико-идеологическая радикализация все в большей степени использует возможности цифровой коммуникации. При этом интернет выступает не самостоятельной причиной экстремизма, а средой, значительно расширяющей возможности распространения радикальных идей, формирования сетевых сообществ и вовлечения новых участников. Это обстоятельство требует развития профилактических механизмов, способных учитывать как традиционные факторы радикализации, так и быстро меняющиеся способы их реализации в информационном пространстве.

Динамика экстремистских проявлений в России свидетельствует о постепенном смещении акцента с прямых форм насилия на информационно-идеологические методы воздействия. При этом усиливается зависимость экстремистских течений от внешних источников финансирования и идейного влияния, что делает их частью широкой системы гибридных угроз.

Экстремизм в России постепенно уходит от открытых, насильственных форм к латентным, идеологическим и информационным методам влияния. Наиболее опасной тенденцией становится внедрение радикальных идей в массовое сознание через культуру, образование и медиапространство. В совокупности это создает угрозу для духовно-нравственных основ и национального единства государства. Для эффективного противодействия данным вызовам необходим системный подход, включающий мониторинг экстремистской активности, профилактику радикализации молодежи, укрепление гражданской идентичности и развитие позитивной государственной идеологии, способной нейтрализовать деструктивные мировоззренческие установки.

Для национальной безопасности Российской Федерации наиболее опасными являются формы экстремизма, способные разрушать социальное единство, провоцировать межнациональные и межрелигиозные конфликты, подрывать доверие к институтам власти и дезориентировать общественное сознание.

Противодействие распространению экстремистских установок предполагает использование взаимосвязанных мер, поскольку одними лишь правовыми или силовыми механизмами проблема не решается. Наряду с пресечением противоправной деятельности важное значение имеют профилактика радикализации, просветительская работа, повышение информационной грамотности населения и формирование устойчивых ценностных ориентиров. Такой подход позволяет воздействовать не только на уже сформировавшиеся экстремистские проявления, но и на социальные условия, способствующие их возникновению и распространению.

Российская специфика экстремизма связана с одновременным воздействием внутренних социальных и культурных факторов и внешних информационно-идеологических влияний. В результате экстремистская деятельность приобретает различные формы и распространяется на несколько взаимосвязанных сфер. Среди них можно выделить националистические и религиозно-радикальные проявления, политическую радикализацию, вовлечение молодежи, а также использование цифровых технологий для распространения экстремистской идеологии. При этом границы между отдельными направлениями становятся менее определенными: традиционные идеологические установки все чаще получают цифровую форму, а Интернет используется как инструмент их тиражирования и вовлечения новых участников.

Националистический экстремизм, несмотря на изменение форм и снижение активности отдельных его проявлений по сравнению с предшествующими периодами, сохраняет потенциал социальной дестабилизации. В основе соответствующей идеологии могут находиться

представления о превосходстве одной этнической или культурной группы над другими, неприятие мигрантов, ксенофобские установки и противопоставление различных частей общества. Существенную сложность для профилактики создает изменение внешней риторики радикальных групп. Националистические идеи могут сочетаться с апелляциями к патриотизму, защите традиционных ценностей и противодействию иностранному влиянию. В результате социально приемлемые сами по себе понятия используются для легитимации установок, способных усиливать межгрупповую напряженность и формировать негативное отношение к определенным категориям населения.

Поэтому при оценке националистических проявлений принципиальное значение имеет не формальное содержание используемой риторики, а ее фактическая направленность, характер призывов и способы достижения заявленных целей. Патриотическая или консервативная позиция сама по себе не является признаком экстремизма; правовая оценка должна основываться на конкретных действиях и высказываниях, предусмотренных законодательством. Такой подход позволяет одновременно предупреждать распространение радикальной идеологии и не смешивать экстремистскую деятельность с законным выражением гражданской, национальной или культурной позиции.

В некоторых случаях они трансформируются в псевдопатриотические движения, прикрывающие радикальные установки риторикой «защиты традиционных ценностей» и «борьбы с внешним влиянием».

Националистический экстремизм наиболее активно проявляется в крупных городах и промышленных центрах, где на фоне миграционных процессов формируется социальная напряженность, эксплуатируемая радикальными движениями. Под видом «защиты русских» или «сохранения культурной самобытности» такие группы распространяют идеи этнического превосходства и вражды, способствуя росту ксенофобии и социального отчуждения. Несмотря на то, что деятельность большинства известных ультраправых организаций в России официально запрещена, их идеология

активно циркулирует в интернете, где формируются новые неформальные объединения и сообщества с радикальным мировоззрением.

Религиозно-радикальный экстремизм в России сохраняет устойчивое присутствие, причем наиболее заметные его проявления связаны с распространением радикальных исламистских идеологий. Существенную роль в их распространении могут играть внешние информационные и финансовые ресурсы, а также деятельность запрещенных на территории Российской Федерации организаций, включая «Исламское государство» (ИГ), «Аль-Каиду» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Одним из основных объектов воздействия при этом остается молодежь. Вербовка, распространение радикальных интерпретаций религиозных положений и формирование закрытых сообществ создают условия для постепенного вовлечения граждан в экстремистскую деятельность.

Определенную сложность представляет способность радикальных групп адаптировать содержание своей пропаганды к особенностям конкретной социальной и культурной среды. Использование местной проблематики, этнической или религиозной идентичности позволяет делать соответствующую идеологию внешне менее заметной и одновременно повышает ее привлекательность для отдельных категорий населения. В цифровой среде этот процесс дополнительно облегчается возможностью распространять экстремистские материалы и поддерживать коммуникацию внутри закрытых сетевых сообществ. В результате традиционная организационная структура может дополняться распределенными формами взаимодействия, которые значительно сложнее выявлять на ранних этапах.

В целом российский экстремизм характеризуется неоднородностью форм и региональных проявлений, а также сочетанием внутренних социальных факторов с внешним идеологическим воздействием. Его отдельные направления связаны с политической и религиозной радикализацией, этнонациональными противоречиями, вовлечением молодежи и использованием информационно-коммуникационных

технологий. При этом указанные направления не существуют изолированно. Например, националистическая или религиозная радикализация может получать дополнительное распространение через цифровые платформы, а социальные и политические конфликты — использоваться для формирования устойчивых радикальных сообществ.

Националистические группировки сохраняют потенциал социальной напряженности, обращаясь к вопросам миграции, этнокультурных различий и национальной идентичности. В отдельных случаях соответствующая риторика соединяется с представлениями об исключительности определенной группы и противопоставлением «своих» и «чужих». При этом изменение организационных форм не означает исчезновения проблемы: часть радикального контента перемещается в Интернет, где может распространяться через сетевые сообщества, анонимные каналы и иные цифровые площадки. Такая среда предоставляет дополнительные возможности для постепенного вовлечения пользователей и поддержания радикальной повестки.

Противодействие данным процессам предполагает сочетание правоохранительных и профилактических механизмов. Наряду с выявлением и пресечением противоправной деятельности необходимы развитие гражданского и патриотического воспитания, повышение медиаграмотности, формирование навыков критического восприятия информации и укрепление политико-правовой культуры населения. Особое значение имеет раннее выявление факторов, способствующих радикализации молодежи, поскольку профилактическое воздействие на этой стадии позволяет не допустить перехода радикальных взглядов в устойчивую противоправную деятельность.

Таким образом, эффективность государственной политики в сфере противодействия экстремизму определяется не отдельными мерами, а согласованностью правовых, организационных, образовательных и информационных инструментов. При этом профилактическая работа должна учитывать региональную специфику, особенности различных социальных групп и изменения в способах распространения экстремистской идеологии.

Такой подход позволяет одновременно снижать непосредственные риски экстремистской деятельности и воздействовать на социальную среду, в которой формируются предпосылки радикализации.

Только системный подход, основанный на сочетании силовых, образовательных и культурных мер, способен минимизировать деструктивное влияние экстремизма и обеспечить защиту национальных интересов Российской Федерации.

Экстремизм в Российской Федерации специфичен проявлением именно в его гибридном и многоуровневом характере, когда различные формы радикализма сочетаются и переплетаются, формируя единую систему деструктивных угроз государственности и общественному порядку. Российский экстремизм имеет сложную внутреннюю структуру, в которой можно выделить три основные сферы активности: этнонациональную, религиозную и политико-идеологическую, а также стремительно развивающееся направление – информационно-коммуникационный экстремизм. Националистические движения, несмотря на значительное ослабление организационной базы после активных мер со стороны правоохранительных органов, продолжают существовать в виде неформальных сообществ и сетевых группировок, использующих интернет-платформы для распространения ксенофобских идей, антииммигрантской риторики и призывов к «защите русской идентичности». Опасность заключается в их способности мимикрировать под общественно-патриотические движения, что осложняет их выявление и правовую оценку.

Таким образом, российская специфика экстремизма обусловлена сочетанием нескольких взаимосвязанных обстоятельств: полиэтничностью и многоконфессиональностью населения, значительной территориальной протяженностью государства, различиями между регионами и неодинаковой степенью выраженности социальных и политических противоречий. В этих условиях экстремизм не может рассматриваться как однородное явление с единой причиной и механизмом развития. Его проявления варьируются от

религиозного и этнонационального радикализма до политической и информационной активности, причем конкретные формы могут изменяться под воздействием общественно-политической ситуации и развития коммуникационных технологий.

Следовательно, государственная политика в сфере противодействия экстремизму должна учитывать не только необходимость пресечения уже совершенных противоправных действий, но и различия в причинах и механизмах радикализации. Правоохранительные меры целесообразно дополнять профилактической и просветительской работой, развитием гражданского и патриотического воспитания, повышением медиаграмотности и формированием способности критически воспринимать информацию. Особое значение имеет работа с молодежью и социальными группами, находящимися в зоне повышенного риска радикализации.

При этом эффективность профилактики во многом зависит от согласованности действий государственных органов, образовательных организаций, институтов гражданского общества и иных субъектов, участвующих в предупреждении экстремистских проявлений. Такой межведомственный подход позволяет учитывать региональную специфику, своевременно реагировать на изменение форм радикальной активности и переносить акцент с исключительно реактивного пресечения на раннее предупреждение экстремистского поведения. В конечном счете речь идет не только о снижении числа конкретных правонарушений, но и о сохранении социальной устойчивости и способности общества противостоять идеологическим и информационным формам воздействия.

Только системное, межведомственное и просветительское взаимодействие позволит снизить уровень радикализации и обеспечить защиту интересов Российской Федерации в условиях трансформации современного экстремизма.

Специфика экстремизма в Российской Федерации заключается прежде всего в его многомерности, изменчивости и тесной взаимосвязи с

социокультурными и политическими процессами, происходящими как внутри страны, так и на международной арене. Российский экстремизм имеет сложную структуру, включающую несколько основных направлений: националистическое, религиозное, политико-идеологическое и информационно-коммуникационное, которые взаимодействуют между собой, создавая многоуровневую систему угроз. Для России, как многонационального и многоконфессионального государства, экстремизм опасен тем, что способен разрушать внутреннее единство, провоцировать конфликты на этнической и религиозной почве и подрывать доверие к государственным институтам.

Националистический экстремизм по-прежнему остается значимым элементом угроз внутренней безопасности. Несмотря на то, что наиболее активные радикальные организации были ликвидированы или признаны экстремистскими, их идеология продолжает распространяться через интернет-платформы и неформальные молодежные объединения. Виртуальные сообщества с неонацистской и ксенофобской направленностью используют патриотическую риторику, противопоставляя «русский народ» другим этническим и культурным группам.

Подобные нарративы способны усиливать межгрупповую напряженность, формировать представление о непримиримом противопоставлении различных социальных и этнических групп и тем самым создавать благоприятную среду для дальнейшей радикализации. В отдельных случаях их распространение может сопровождаться оправданием насилия и способствовать переходу от идеологических установок к противоправному поведению.

Религиозно мотивированный экстремизм сохраняет актуальность для ряда российских регионов, прежде всего характеризующихся сложной этноконфессиональной обстановкой. К территориям, требующим повышенного внимания с точки зрения профилактики радикализации, относятся отдельные районы Северного Кавказа, Поволжья, Урала и Сибири.

При этом наличие высокой религиозной активности само по себе не свидетельствует о распространении экстремистских настроений. Риск возникает в тех случаях, когда религиозная идентичность используется для противопоставления различных групп, оправдания нетерпимости или вовлечения граждан в противоправную деятельность.

Определенную опасность представляет деятельность сторонников запрещенных на территории Российской Федерации террористических и экстремистских организаций, включая «Исламское государство» (ИГ), «Аль-Каиду» и «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». В современных условиях значительная часть коммуникации подобных групп осуществляется с использованием Интернет-ресурсов и социальных платформ. Цифровая среда используется для распространения пропагандистских материалов, установления контактов с потенциальными сторонниками и вовлечения их в закрытые сетевые сообщества.

Особое внимание уделяется молодежной аудитории. Для ее привлечения могут использоваться не только религиозные аргументы, но и более широкий круг мотивов, связанных с поиском социальной идентичности, ощущением несправедливости, личными и материальными трудностями. Именно сочетание идеологического воздействия с эксплуатацией реальных социальных проблем повышает риск радикализации, что обусловливает необходимость комплексной профилактической работы, учитывающей не только религиозную составляющую, но и социально-психологические факторы вовлечения.

Политико-идеологический экстремизм в России тесно связан с внутренними и внешними политическими факторами. В последние годы наблюдается активизация антисистемных и оппозиционно-радикальных групп, которые используют протестные настроения для дестабилизации обстановки. Под видом правозащитных или «просветительских» инициатив такие структуры распространяют идеи недоверия к власти, пропагандируют сепаратизм и насильственное изменение конституционного строя. Отдельные

из них имеют связь с зарубежными идеологическими центрами, которые поддерживают их финансово и информационно, используя их как инструмент влияния на внутриполитическую ситуацию в России.

Отдельного внимания заслуживает информационно-коммуникационный экстремизм, который стал одной из ключевых угроз XXI века. В условиях глобальной цифровизации именно интернет превратился в основное пространство для распространения радикальной идеологии, подстрекательства к насилию и манипулирования общественным мнением. Через социальные сети, видеоплатформы и мессенджеры экстремисты создают «информационные пузыри», в которых формируется альтернативная реальность, где государство представляется врагом, а экстремистская активность якобы формой гражданской позиции.

Динамика экстремизма в Российской Федерации указывает на тенденцию перехода от открытых и организованных форм к латентным, сетевым и идеологическим. Современные экстремистские группы действуют децентрализованно, не имея единого центра управления, что делает их труднодоступными для традиционных мер противодействия. Они стремятся не столько к физическому насилию, сколько к разрушению духовно-нравственных основ, подрыву национальной идентичности и ослаблению общественного единства.

Для эффективного противодействия данным угрозам требуется системный, межведомственный подход, основанный на сочетании силовых, правовых, образовательных и информационно-просветительских мер. Приоритетное значение приобретают профилактика радикализации, развитие национальной идеологии, укрепление духовно-нравственных ценностей, формирование патриотического сознания и гражданской ответственности. Важно не только нейтрализовать проявления экстремизма, но и устранить социальные и идеологические предпосылки его возникновения, обеспечив тем самым устойчивость и безопасность Российской Федерации в условиях современных глобальных вызовов.

2.3. Экстремистские течения и организации как угроза Российской Федерации: направления, сферы, динамика

Экстремистские течения и организации представляют собой одну из наиболее серьезных угроз национальной безопасности и устойчивому развитию Российской Федерации. Их опасность заключается не только в способности инициировать акты насилия и дестабилизации, но и в системном воздействии на социальные, политические и духовно-нравственные основы государства.

Современные экстремистские структуры действуют в различных направлениях: политическом, религиозном, этнонационалистическом, экологическом и информационно-идеологическом. В политической сфере они стремятся к подрыву легитимности государственной власти и дискредитации институтов управления; в религиозной – к распространению радикальных догм, противопоставляющих верующих официальным конфессиям; в националистической – к разжиганию межэтнической розни и формированию образа «внутреннего врага». Особое место занимает информационно-идеологическое направление, где экстремизм активно использует цифровую среду для вербовки, пропаганды и формирования альтернативных моделей общественного сознания.

Распространению экстремистских настроений в российском обществе способствует целый ряд специфических факторов: социальное неравенство, рост миграционных процессов, недостаточный уровень правовой культуры и политической социализации населения, а также влияние внешних информационно-психологических операций.

Распространение экстремистских установок в российском обществе обусловлено совокупностью социальных, экономических, политических, психологических и информационных факторов. К числу наиболее существенных относятся социальная поляризация, различия в уровне социально-экономического развития регионов, проблемы занятости

молодежи, ограниченные возможности для полноценного гражданского участия и недостаточная развитость механизмов общественного диалога. В определенных условиях эти обстоятельства способны усиливать чувство социальной несправедливости, отчуждения и недоверия к общественным институтам, создавая предпосылки для восприятия радикальных идей.

Дополнительным фактором выступает недостаточный уровень правовой и политической культуры части населения. В условиях цифровизации это сочетается с информационной уязвимостью граждан, которые не всегда способны критически оценивать содержание распространяемых в сети сообщений, выявлять манипулятивные приемы и отличать достоверную информацию от намеренно искаженной. Особенно заметное значение данный фактор приобретает в молодежной среде, где процессы социальной и гражданской идентификации еще находятся в стадии формирования.

Отдельного внимания заслуживает внешнее информационное воздействие. Информационные кампании, направленные на формирование негативного отношения к российским государственным институтам, а также попытки использовать существующие социальные противоречия в политических целях способны усиливать внутреннюю напряженность. При этом внешнее влияние не следует рассматривать как единственную причину радикализации: его результативность во многом зависит от наличия внутренних социальных проблем, которые становятся объектом информационной эксплуатации[1].

Цифровая среда существенно изменила и организационные возможности экстремистских групп. Современные радикальные сообщества не обязательно имеют четкую иерархическую структуру и постоянную территориальную привязку. Коммуникация может осуществляться через распределенные сетевые сообщества, закрытые каналы и анонимные

[1] Швыряев П.С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184-196.

аккаунты, что позволяет быстро распространять идеологические материалы, поддерживать контакты между участниками и привлекать новых сторонников. При этом социальные сети и мессенджеры выступают не только каналами распространения информации, но и пространством формирования групповой идентичности.

Для привлечения аудитории используются темы, имеющие непосредственное отношение к повседневному опыту человека: социальное неравенство, коррупция, миграция, экономические трудности, проблемы самоидентификации, чувство несправедливости. Радикальная идеология в таком случае может подаваться не в открытой форме, а через эмоционально привлекательные нарративы, связанные с «восстановлением справедливости», «борьбой за правду» или «защитой традиционных ценностей». Подобная адаптация содержания позволяет экстремистским сообществам расширять аудиторию и затрудняет раннее выявление признаков радикализации.

Особое место в данной системе факторов занимает молодежная среда. Социальная неопределенность, стремление к самоутверждению, потребность в признании со стороны группы и недостаточно сформированные навыки критического анализа информации могут повышать восприимчивость отдельных молодых людей к радикальной пропаганде. Вместе с тем представляется неоправданным рассматривать молодежь исключительно как объект экстремистского воздействия. Значительная часть молодых людей обладает достаточным уровнем социальной и гражданской активности, поэтому профилактическая работа должна быть ориентирована прежде всего на создание возможностей для конструктивного участия в общественной жизни, образования и самореализации.

Особенность современного экстремизма заключается и в его способности использовать различные формы общественной активности для привлечения внимания к радикальной повестке. Отдельные социальные, политические, культурные или волонтерские инициативы могут становиться каналом распространения радикальных установок. Однако сама по себе

принадлежность к общественному движению или участие в критике государственных решений не свидетельствуют об экстремистском характере деятельности. Правовая оценка в каждом случае должна основываться на конкретном содержании действий, целях их совершения и наличии предусмотренных законом признаков противоправной деятельности.

Указанные обстоятельства определяют необходимость многоуровневой системы профилактики. На государственном уровне важное значение имеют совершенствование законодательства, повышение эффективности правоохранительной деятельности, выявление и пресечение распространения запрещенных материалов, а также развитие механизмов раннего обнаружения признаков радикализации. При этом мониторинг информационной среды должен сочетаться с соблюдением законных прав граждан и разграничением экстремистского контента и допустимой общественно-политической дискуссии.

Не менее важным направлением является социальная профилактика. Снижение уровня социальной отчужденности, расширение возможностей гражданского участия, поддержка молодежных инициатив, развитие образования и повышение качества общественного диалога позволяют воздействовать на те обстоятельства, которые в отдельных случаях могут способствовать радикализации. Существенную роль играют также медиаграмотность, правовое просвещение и формирование навыков критического восприятия цифрового контента.

Таким образом, современный экстремизм следует рассматривать как динамичное социально-политическое явление, устойчивость которого определяется взаимодействием внутренних факторов и внешних воздействий. Его опасность связана не только с возможностью совершения конкретных насильственных или иных противоправных действий, но и со способностью постепенно формировать радикальные сообщества, усиливать социальную поляризацию и использовать существующие противоречия в информационном пространстве. В этих условиях результативность

противодействия зависит от сочетания правоохранительных механизмов с социальными, образовательными и информационно-просветительскими мерами.

Перспективная модель профилактики должна быть ориентирована прежде всего на раннее выявление факторов радикализации и снижение восприимчивости граждан к экстремистской пропаганде. Ее основой могут выступать развитие правовой и политической культуры, поддержка конструктивного гражданского участия, повышение медиаграмотности и создание условий для социальной самореализации молодежи. Такой подход позволяет перейти от преимущественного реагирования на уже сформировавшиеся экстремистские проявления к предупреждению процессов, которые создают социальную базу для их возникновения и распространения.

В ответ на это требуется реализация комплексной стратегии противодействия, сочетающей силовые и гуманитарные меры. На государственном уровне приоритетом должно стать развитие системы раннего выявления радикальных настроений, мониторинг сетевых коммуникаций и усиление правовой ответственности за экстремистскую деятельность. На общественном уровне – формирование культуры гражданской ответственности, укрепление традиционных ценностей, поддержка инициатив в сфере межнационального диалога и профилактика идеологической уязвимости молодежи. Таким образом, эффективная нейтрализация экстремистских угроз возможна лишь при условии взаимодействия всех институтов государства и общества в рамках единой концепции обеспечения национальной и духовной безопасности Российской Федерации.

Экстремистские течения и организации представляют собой системную и многоаспектную угрозу стратегическим интересам Российской Федерации, поскольку они направлены на подрыв конституционного строя, дестабилизацию общественно-политической ситуации и ослабление национального единства. Современные экстремистские формирования

действуют не только в традиционных сферах: политической, религиозной и этнонациональной, но и все активнее осваивают новые направления: информационно-коммуникативное, культурное и образовательное.

Экстремистские течения и организации следует рассматривать как один из факторов, способных оказывать существенное влияние на состояние общественной и государственной безопасности. Их опасность связана не только с непосредственным нарушением общественного порядка или совершением насильственных действий. Не менее значимыми являются попытки воздействовать на общественные настроения, усиливать социальные и межгрупповые противоречия, снижать доверие к государственным институтам и распространять радикальные модели поведения.

Современные формы экстремизма существенно отличаются от тех, которые были характерны для традиционных организационных структур. Наряду с политической, религиозной и этнонациональной составляющими возрастает значение информационно-коммуникационной среды. Социальные сети, мессенджеры, видеохостинги и иные цифровые платформы позволяют распространять радикальные материалы без необходимости создания устойчивой территориальной организации. В результате экстремистские сообщества могут существовать в децентрализованном виде, объединяя участников преимущественно общими взглядами и информационными связями.

Цифровизация изменяет и способы идеологического воздействия. Радикальный контент может распространяться не в форме прямых призывов, а посредством эмоциональных сообщений, символов, видеоматериалов, исторических интерпретаций и обсуждения актуальных социальных проблем. В качестве предмета такой коммуникации используются вопросы социальной справедливости, миграции, коррупции, национальной идентичности, защиты традиционных ценностей и отношения к государственным институтам. Подобная тактика позволяет адаптировать радикальную повестку к интересам конкретной аудитории и постепенно вовлекать в нее пользователей.

И вот здесь на первое место выходит именно молодежная среда, поскольку потребность в самоидентификации, стремление к признанию в группе, социальная неопределенность и недостаток опыта самостоятельной оценки информационных источников могут повышать восприимчивость отдельных молодых людей к манипулятивному контенту, а это всегда было первостепенно. Вместе с тем сам по себе возраст не является фактором экстремистского поведения. Поэтому профилактическая работа должна быть направлена не на формальное ограничение молодежной активности, а на создание условий для ее конструктивной реализации, развитие правовой и политической культуры, критического мышления и навыков работы с информацией.

Распространению радикальных установок способствуют и объективные социальные проблемы. Существенное значение могут иметь социальное расслоение, различия в уровне развития регионов, проблемы занятости, ограниченность социальных лифтов, недостаток возможностей для гражданского участия и дефицит механизмов общественного диалога. Эти обстоятельства сами по себе не порождают экстремизм, однако в определенной социальной среде способны создавать предпосылки для формирования чувства отчуждения и несправедливости, которыми впоследствии могут воспользоваться радикальные группы.

Внешний фактор также требует учета при анализе современных экстремистских угроз. Информационное пространство создает возможности для трансграничного распространения идеологических материалов и воздействия на общественные настроения. При наличии внутренних социальных противоречий подобное воздействие может усиливать поляризацию и способствовать распространению радикальных интерпретаций происходящих событий. Вместе с тем оценка конкретных информационных кампаний должна основываться на установленных фактах и содержании соответствующих материалов, а не только на их внешней политической направленности.

Еще одной особенностью современного экстремизма является изменение способов организационного взаимодействия. Жесткая иерархическая структура постепенно дополняется сетевыми моделями, при которых отдельные участники или небольшие группы могут действовать относительно автономно. Такая организация затрудняет выявление связей между участниками и позволяет радикальным сообществам быстрее адаптироваться к изменениям информационной среды. При этом распространение идеологии может происходить значительно шире, чем непосредственная деятельность конкретной организации, поскольку отдельные элементы радикальной повестки способны воспроизводиться пользователями, не имеющими прямой организационной связи с ее источником.

В этих условиях экстремизм приобретает не только организационное, но и выраженное информационно-идеологическое измерение. Объектом воздействия становится не отдельный человек как потенциальный участник экстремистской группы, а более широкая аудитория, воспринимающая определенные интерпретации социальных и политических событий. Постепенное изменение отношения к насилию, государственным институтам, социальным группам или правовым нормам может предшествовать непосредственному вовлечению в противоправную деятельность. Поэтому профилактика должна учитывать ранние стадии формирования радикальных установок.

Эффективная система противодействия предполагает сочетание правоохранительных и профилактических инструментов. На государственном уровне сохраняют значение совершенствование законодательства, выявление и пресечение деятельности запрещенных организаций, противодействие распространению экстремистских материалов и повышение эффективности межведомственного взаимодействия. Одновременно необходимы социальные и образовательные меры, направленные на снижение факторов, способствующих радикализации, особенно среди молодежи.

В информационной сфере приоритетными направлениями становятся развитие медиаграмотности, обучение навыкам критического анализа цифрового контента и повышение способности граждан распознавать манипулятивные способы воздействия. В образовательной среде важны правовое просвещение, развитие гражданской ответственности и создание возможностей для содержательного общественного диалога. Такой подход позволяет не только реагировать на уже выявленные проявления экстремизма, но и снижать восприимчивость населения к радикальной пропаганде.

При этом противодействие экстремизму требует четкого разграничения противоправной деятельности и законных форм общественной, политической и гражданской активности. Критика государственных решений, участие в общественных инициативах, защита социальных или культурных интересов сами по себе не свидетельствуют об экстремистской направленности. Правовая оценка должна основываться на конкретных действиях, их целях, содержании распространяемых материалов и иных юридически значимых обстоятельствах. Соблюдение этого принципа имеет особое значение в цифровой среде, где различные формы общественной коммуникации постоянно пересекаются.

Таким образом, современный экстремизм представляет собой изменяющееся социально-политическое явление, в котором традиционные формы радикальной деятельности сочетаются с сетевыми и информационными способами воздействия. Его устойчивость определяется взаимодействием социальных противоречий, особенностей групповой идентификации, информационной среды и способности радикальных сообществ адаптироваться к изменяющимся условиям. В связи с этим обеспечение безопасности требует не только пресечения конкретных противоправных действий, но и последовательной работы с факторами радикализации.

Опять же вернемся к тому, что перспективная модель противодействия должна строиться на сочетании правовых, организационных, образовательных

и социально-профилактических мер. Особое внимание здесь следует уделять именно молодежной среде, цифровой коммуникации, развитию правовой культуры и формированию навыков критического восприятия информации. Важным условием такой работы остается взаимодействие государственных органов, образовательных организаций, научного сообщества и институтов гражданского общества. Подобная модель позволяет перейти от преимущественного реагирования на уже сформировавшиеся угрозы к их раннему предупреждению и тем самым повысить устойчивость российского общества к радикализации.

Только при условии системного взаимодействия силовых, образовательных и социокультурных институтов возможно обеспечить устойчивость российского общества перед лицом экстремистских угроз и сохранить стратегическую стабильность государства.

Экстремистские течения и организации в современной России выступают в качестве одного из наиболее опасных факторов, подрывающих основы национальной безопасности, политической стабильности и социальной сплоченности общества. Их деятельность направлена на деструкцию легитимных институтов государственной власти, формирование атмосферы недоверия, враждебности и социальной напряженности. В условиях глобальных трансформаций и активного распространения цифровых технологий экстремизм приобретает новые формы, сочетая в себе идеологические, психологические и информационные методы воздействия. Если ранее радикальные организации стремились к прямым насильственным действиям, то сегодня акцент смещается в сторону идеологического влияния и манипулирования общественным сознанием через медийные каналы, социальные сети и сетевые сообщества. Таким образом, экстремизм эволюционирует в направлении «интеллектуализированной угрозы», действующей не оружием, а словом, символом и цифровыми технологиями.

Степень общественной опасности различных экстремистских течений неодинакова. Она может проявляться на локальном уровне — через

деятельность отдельных радикальных групп, закрытых сообществ и Интернет-площадок, — либо приобретать более масштабный характер, если экстремистские структуры становятся частью внешнего информационного или политического воздействия. В этой связи существенное значение имеет изменение способов организации такой деятельности. Наряду с традиционными иерархическими структурами получают распространение децентрализованные сетевые формы, в которых отдельные участники и группы сохраняют относительную самостоятельность, взаимодействуя преимущественно посредством цифровых коммуникаций. Подобная организация объективно затрудняет выявление связей между участниками, установление источников распространения радикальной идеологии и своевременное пресечение противоправной деятельности.

Одним из наиболее заметных направлений остается религиозный экстремизм. На территории Российской Федерации запрещена деятельность ряда международных организаций, распространяющих радикальные религиозно-политические установки, в том числе «Исламского государства» (ИГ), «Аль-Каиды», «Джебхат ан-Нусры», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», «Таблиги Джамаат» и других объединений, признанных запрещенными в установленном законом порядке. В деятельности подобных структур религиозная риторика используется для политической мобилизации, формирования радикальных установок, вербовки новых участников и оправдания насилия. Определенную сложность для правоохранительных органов представляет перенос значительной части пропагандистской и вербовочной активности в цифровую среду. Социальные сети, видеохостинги и мессенджеры позволяют распространять материалы среди широкой аудитории, поддерживать коммуникацию между участниками и адаптировать содержание пропаганды под различные социальные группы.

Другим значимым направлением является этнонационалистический и неонацистский экстремизм. Его распространению способствуют группировки, пропагандирующие идеи этнического превосходства, ксенофобии и вражды

по отношению к представителям других национальностей и социальных групп. В числе запрещенных в России организаций соответствующего характера в различные периоды рассматривались «Русское национальное единство», «Национал-социалистическое общество», «Славянский союз», «Артподготовка» и связанные с ними структуры и последователи. Характерной особенностью последних лет является активное использование цифровых каналов коммуникации. Интернет дает возможность создавать закрытые сообщества, распространять экстремистские материалы, осуществлять идеологическое воздействие и устанавливать контакты с потенциальными сторонниками. Особое внимание в данном контексте необходимо уделять несовершеннолетним и молодежи, однако сама по себе принадлежность к молодой возрастной группе, интерес к политической или социальной проблематике не может рассматриваться как признак радикализации.

Определенные риски связаны также с политизированными формами экстремистской активности. В данном случае принципиальное значение имеет разграничение законной общественно-политической деятельности и действий, подпадающих под установленные законодательством признаки экстремизма. Участие граждан в публичных дискуссиях, деятельности общественных объединений, правозащитных инициативах или политических движениях само по себе не свидетельствует о наличии экстремистских намерений. Правовая оценка должна основываться на конкретном содержании деятельности, используемых методах и наличии предусмотренных законом признаков противоправного поведения.

При этом информационная среда становится одним из основных пространств распространения радикальных идей. Экстремистская пропаганда может использовать социально значимые проблемы — социальное неравенство, миграционные процессы, межэтнические противоречия, конфликтные политические события — для формирования негативных стереотипов и усиления социальной напряженности. Цифровые платформы

позволяют быстро адаптировать подобные сообщения к интересам конкретных групп пользователей, сочетая текстовые публикации, видеоматериалы, мемы, комментарии и персонализированную коммуникацию. В результате граница между непосредственным воздействием на человека и его самостоятельным распространением полученной информации становится менее очевидной.

Дополнительным фактором выступает международное информационное пространство. В отдельных случаях зарубежные структуры и связанные с ними информационные ресурсы могут использовать существующие социальные противоречия для воздействия на российскую аудиторию. Однако наличие иностранного информационного влияния само по себе не свидетельствует об экстремистском характере распространяемой информации. Для ее правовой и криминологической оценки необходимо устанавливать конкретные цели, содержание, способы распространения материалов и связь с противоправной деятельностью.

Таким образом, современный экстремизм характеризуется не столько существованием отдельных устойчивых организаций, сколько разнообразием форм и каналов его распространения. Наряду с традиционными объединениями возникают сетевые сообщества, временные группы и цифровые площадки, обеспечивающие распространение радикальных установок без формирования единой централизованной структуры. Это изменяет характер профилактической и правоохранительной работы: недостаточно выявлять только организаторов и участников формально определенных объединений, необходимо учитывать процессы радикализации, механизмы распространения экстремистского контента и особенности коммуникации в цифровой среде.

Противодействие экстремизму в этих условиях должно сочетать правовые, оперативные и профилактические инструменты. Существенное значение имеют выявление и пресечение конкретных противоправных действий, мониторинг распространения запрещенных материалов, повышение

медиаграмотности населения, развитие образовательных программ и формирование навыков критической оценки информации. Не менее важным является поддержание межэтнического и межконфессионального взаимодействия, поскольку снижение социальной конфликтности ограничивает возможности для эксплуатации существующих противоречий радикальными группами.

Следовательно, экстремистские угрозы целесообразно рассматривать как динамичное социально-политическое явление, способное изменять организационные формы, каналы коммуникации и способы воздействия на население. Эффективность противодействия в значительной степени зависит от способности государства и общества своевременно выявлять такие изменения, одновременно обеспечивая соблюдение законных форм общественной и политической активности граждан.

Используя технологии цифровой коммуникации, экстремистские структуры распространяют радикальные идеи под видом социальных движений, культурных инициатив или политической активности, тем самым маскируя истинную направленность своей деятельности.

На сегодняшний день на территории Российской Федерации сохраняется активность ряда экстремистских течений и организаций, деятельность которых представляет реальную угрозу национальной безопасности, общественной стабильности и территориальной целостности государства.

Наиболее значимыми в этом контексте остаются религиозно-экстремистские структуры, прежде всего, организации радикального исламистского толка – такие, как запрещенные в России «Исламское государство» (ИГ), «Аль-Каида», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», а также их региональные ответвления и подпольные ячейки. Эти организации ориентированы на создание параллельных систем влияния в мусульманских регионах России и пропаганду идей религиозного фанатизма, способных

подорвать межконфессиональное согласие и спровоцировать рост террористической активности.

Существенную угрозу представляют также националистические и неонацистские движения, среди которых ранее действовали и были запрещены «Русское национальное единство», «Артподготовка», «Национал-социалистическое общество», «Славянский союз» и ряд других объединений, использующих радикальную идеологию для разжигания межнациональной розни и оправдания насилия. Их деятельность, несмотря на формальный запрет, находит продолжение в форме неформальных сообществ, активно действующих в интернет-пространстве.

Определенную опасность представляют и политико-идеологические течения, маскирующиеся под гражданские инициативы, общественные движения или правозащитные организации, но фактически реализующие экстремистские цели, направленные на дискредитацию государственной власти и дестабилизацию общественно-политической ситуации. Среди них встречаются структуры, финансируемые из-за рубежа и вовлеченные в информационно-психологические операции против России.

Отдельное внимание заслуживает активность деструктивных сектантских и псевдорелигиозных объединений, деятельность которых связана с манипулированием сознанием граждан и нарушением общественной безопасности.

Степень угрозы от перечисленных течений варьируется от локальной (в виде отдельных радикальных групп и Интернет-сообществ) до системной, когда экстремизм становится элементом внешнеполитического давления на страну. В современных условиях наиболее опасной является трансформация экстремистских структур в децентрализованные сетевые формы, затрудняющие их выявление и пресечение. В совокупности эти тенденции создают комплексную угрозу интересам Российской Федерации, поскольку экстремистская деятельность подрывает основы государственности, способствует радикализации отдельных социальных групп, дестабилизирует

обстановку в регионах и используется как инструмент информационно-гибридного воздействия со стороны внешних акторов. Эффективное противодействие данной угрозе требует не только силовых и правовых мер, но и системной профилактики, направленной на укрепление национальной идентичности, развитие межэтнического и межконфессионального согласия, а также создание устойчивого общественного иммунитета к идеологиям радикализма и экстремизма.

На современном этапе развития российского общества экстремистские течения и организации продолжают представлять собой серьезный вызов интересам и безопасности Российской Федерации. Их структура и идеология становятся все более сложными и многоуровневыми, что делает данное явление не только социально опасным, но и стратегическим инструментом внешнеполитического давления на страну. Их идеология основана на агрессивной интерпретации религиозных догматов и стремлении к созданию теократических образований, противоречащих конституционным принципам Российской Федерации. Эти организации используют идеологию религиозного радикализма для подрыва межконфессионального мира, вербовки сторонников и распространения идей насильственного джихада. В последние годы они активно применяют современные методы информационного воздействия, включая социальные сети, видеоплатформы и мессенджеры, что значительно осложняет их выявление и блокировку.

Помимо религиозного экстремизма, сохраняет активность и националистическое направление, представленное неонацистскими и ксенофобскими группировками, такими, как запрещенные «Русское национальное единство», «Национал-социалистическое общество», «Славянский союз», «Артподготовка» и их последователи. Эти движения продолжают распространять идеи этнического превосходства, вражды к мигрантам и представителям иных национальностей, нередко прибегая к насильственным действиям. В последние годы все чаще фиксируются случаи миграции подобных организаций в интернет-пространство, где они

формируют закрытые сетевые сообщества, занимающиеся пропагандой радикальных взглядов, вербовкой и идеологической обработкой молодежи.

Отдельную угрозу составляют политико-идеологические структуры, маскирующие свою экстремистскую деятельность под форму правозащитных и общественных движений. Часть из них получает организационную и финансовую поддержку из-за рубежа, используя тему «борьбы за демократию» для подрыва политической стабильности и стимулирования протестных настроений. Экстремистская идеология также проникает в сферу культуры, образования и социальных сетей, где ведется планомерная работа по размыванию традиционных духовно-нравственных ценностей и подмене понятий патриотизма, свободы и гражданской ответственности.

Степень угрозы от указанных организаций оценивается как высокая, поскольку их деятельность носит системный и межсекторальный характер: она направлена не только на радикализацию отдельных социальных групп, но и на подрыв идеологического, духовного и культурного единства общества. Наибольшая опасность заключается в способности экстремистских структур интегрироваться в легальное информационное поле, используя медийные, правозащитные и образовательные форматы для распространения своих идей. Противодействие этим процессам должно опираться на комплексную стратегию, включающую не только усиление мер правового регулирования и контрразведывательной деятельности, но и развитие идеологической, культурной и образовательной политики государства. Только системный подход, направленный на укрепление гражданской идентичности, медиаграмотности и национального самосознания, способен обеспечить эффективную нейтрализацию экстремистских угроз и защиту интересов Российской Федерации в условиях современных вызовов.

Для нейтрализации этих угроз требуется не только эффективная правоохранительная и контртеррористическая деятельность, но и долгосрочная государственная стратегия профилактики экстремизма. Она должна включать развитие научно-аналитической базы, мониторинг

цифрового пространства, усиление контроля за источниками внешнего финансирования, а также масштабные просветительские и воспитательные программы, формирующие устойчивость общества к радикальным идеям. В условиях нарастающего информационного давления извне противодействие экстремистским течениям становится не просто вопросом внутреннего порядка, а приоритетным направлением обеспечения стратегической и идеологической безопасности Российской Федерации.

Кроме того, в последние годы набирают силу идеологические и политизированные формы экстремизма, включающие псевдоправозащитные и протестные движения, выступающие под лозунгами «борьбы с системой» и «восстановления справедливости». Нередко подобные структуры получают внешнюю поддержку, как финансовую, так и информационную, что делает их элементом гибридного воздействия на Россию. Их деятельность направлена на формирование протестного сознания, подрыв легитимности власти и дестабилизацию общественно-политической ситуации, особенно в период электоральных циклов.

Угроза, исходящая от указанных экстремистских течений и организаций, оценивается как комплексная и стратегическая. Она проявляется не только в прямых актах насилия, но и в разрушении общественного единства, подрыве идеологических основ и распространении антипатриотических настроений. Для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации необходимо реализовывать многоуровневую систему противодействия, включающую совершенствование законодательства, развитие механизмов раннего выявления радикальных тенденций, контроль за цифровым пространством, а также активную профилактику среди молодежи. Неотъемлемой частью такой стратегии должна стать поддержка гражданской идентичности, формирование культуры межэтнического и межконфессионального уважения, развитие духовно-нравственных ценностей и укрепление патриотического сознания. Только системное взаимодействие государства, общества и научного сообщества

позволит эффективно нейтрализовать угрозу экстремизма как долгосрочного дестабилизирующего фактора и сохранить устойчивость Российской Федерации перед лицом современных вызовов.

Опасность указанных организаций заключается не только в их способности к прямому насилию, но и в разрушительном воздействии на общественное сознание. Экстремистская идеология подрывает основы патриотизма, законопослушности и межэтнического доверия, формируя атмосферу враждебности и недоверия между социальными группами. При этом ряд экстремистских структур, включая псевдоправозащитные и политизированные объединения, нередко получает внешнюю поддержку: финансовую, медийную и организационную, что превращает их в инструмент гибридного давления на Российскую Федерацию.

С учетом высокой степени идеологической адаптивности и сетевой устойчивости экстремистских движений, уровень угрозы для национальных интересов России оценивается как высокий и долговременный. Для его нейтрализации необходимо комплексное противодействие, включающее меры силового, правового и профилактического характера. Приоритетными направлениями остаются мониторинг цифрового пространства, усиление международного сотрудничества в борьбе с транснациональными формами экстремизма, а также развитие гуманитарных инструментов –систем образования, культуры, гражданского воспитания и информационной безопасности. Эффективная защита страны от экстремистских угроз невозможна без укрепления национальной идентичности, консолидации общества и формирования у граждан устойчивого мировоззренческого иммунитета к идеологиям насилия и радикализма.

Таким образом, экстремистские течения и организации, действующие в Российской Федерации, представляют собой один из наиболее сложных и многогранных вызовов внутренней и внешней безопасности государства. Их специфика заключается в высокой степени адаптивности к изменяющейся социополитической обстановке и активном использовании современных

информационно-коммуникационных технологий для распространения радикальных идей и формирования новых каналов влияния.

Наиболее значимыми источниками угрозы остаются религиозно-экстремистские и националистические направления. Они стремятся к подрыву основ конституционного строя и формированию теократических анклавов, пропагандируя насильственные методы изменения власти и вербовку сторонников через Интернет-платформы. Вторую категорию составляют националистические и неонацистские движения и их последователи, которые эксплуатируют темы этнического превосходства, миграционного кризиса и социальной несправедливости, провоцируя межнациональные конфликты и подрывая гражданское согласие.

В последние годы экстремизм в России все чаще принимает гибридные формы, сочетая идеологическую, политическую и информационно-психологическую составляющие. Опасность заключается в том, что экстремистские идеи распространяются в легитимных общественных пространствах: образовательных инициативах, онлайн-форумах, медийных проектах и даже волонтерских движениях. Такая «социальная маскировка» позволяет радикальным группам легализовать свое присутствие в информационном поле и вести пропаганду под видом общественно значимой деятельности. Дополнительную угрозу представляют внешние акторы, использующие экстремистские структуры в рамках стратегии гибридного воздействия на Россию, направленного на расшатывание внутренней стабильности и ослабление доверия к власти.

Степень угрозы от экстремистских организаций оценивается как высокая и перманентная, поскольку их деятельность охватывает одновременно идеологическую, культурную, информационную и политическую сферы. Особое внимание заслуживает тот факт, что радикальные идеи находят отклик прежде всего среди молодежи, что указывает на необходимость активизации профилактической и образовательной работы. Противодействие экстремизму должно носить

системный характер и включать: совершенствование правовой базы, развитие мониторинга интернет-пространства, межведомственное взаимодействие силовых структур, а также реализацию государственных программ духовно-нравственного и патриотического воспитания. Неотъемлемым элементом стратегии безопасности России должна стать идеологическая консолидация общества на основе традиционных ценностей, исторической памяти и гражданской ответственности. Только при наличии устойчивого ценностного фундамента и развитой культуры национальной идентичности возможно эффективное противостояние экстремистским угрозам и обеспечение долгосрочной безопасности Российской Федерации.

Выводы ко 2 главе.

Проведенный анализ позволяет рассматривать экстремизм в Российской Федерации как неоднородное социально-политическое явление, содержание и формы которого изменяются под воздействием внутренних социальных процессов, политической ситуации, особенностей межэтнических и межконфессиональных отношений, а также развития цифровых технологий. Его проявления не сводятся к деятельности отдельных радикальных организаций: наряду с традиционными формами организации получили распространение децентрализованные сообщества и сетевые структуры, использующие цифровые коммуникации для распространения идеологии, привлечения сторонников и поддержания взаимодействия между участниками.

Российская специфика экстремизма во многом определяется полиэтничностью и многоконфессиональностью общества, значительной территориальной протяженностью государства и различиями социально-экономического и культурного развития отдельных регионов. В этих условиях потенциально конфликтогенными могут становиться вопросы межэтнических отношений, миграции, религиозной идентичности, социального неравенства и политической напряженности. Однако сами по себе указанные обстоятельства не порождают экстремизм автоматически. Их значение определяется тем,

каким образом существующие противоречия воспринимаются населением и используются радикальными группами для формирования установок вражды, отчуждения или оправдания насилия.

В ходе исследования выделены основные направления экстремистской активности, имеющие значение для обеспечения безопасности Российской Федерации: религиозно-экстремистское, националистическое, политико-идеологическое и информационно-коммуникационное. Между ними существуют различия в идеологических основаниях, целях и способах деятельности, однако в цифровой среде их инструментарий во многих случаях сближается. Социальные сети, видеохостинги и мессенджеры используются для распространения радикального контента, формирования закрытых сообществ, установления контактов с потенциальными сторонниками и поддержания коммуникации между участниками.

Особое значение приобретает изменение механизма радикализации. Если ранее вовлечение человека в экстремистскую деятельность преимущественно связывалось с непосредственным контактом с организацией или ее представителями, то цифровая среда позволяет выстраивать более продолжительный и менее заметный процесс идеологического воздействия. Пользователь может первоначально сталкиваться с материалами, содержащими социальную или политическую проблематику, а затем постепенно переходить к более радикальному содержанию. Поэтому профилактика экстремизма требует внимания не только к уже сформировавшимся радикальным группам, но и к условиям, в которых происходит постепенное изменение ценностных и поведенческих установок.

Отдельного внимания заслуживает молодежная среда. Молодые люди активно используют цифровые коммуникации и поэтому объективно чаще сталкиваются с различными формами информационного и идеологического воздействия. Вместе с тем молодежь не следует рассматривать исключительно как объект экстремистского влияния. Ее социальная активность, интерес к общественным и политическим вопросам, участие в дискуссиях и

деятельности общественных объединений являются нормальными формами гражданского поведения. В связи с этим профилактические меры должны строиться на четком разграничении законной общественной активности и действий, содержащих признаки экстремистской деятельности.

Исследование также показывает, что распространение экстремистских идей может происходить посредством эксплуатации реально существующих социальных проблем. Темы социальной несправедливости, миграции, межэтнических конфликтов, коррупции, экономического неравенства и недоверия к государственным институтам способны использоваться радикальными субъектами для формирования упрощенной картины общественных отношений и поиска виновных в существующих проблемах. Следовательно, предупреждение экстремизма связано не только с пресечением противоправной деятельности, но и с устранением либо снижением тех социальных условий, которые могут способствовать радикализации.

Важным обстоятельством является и транснациональный характер современного информационного пространства. Радикальные идеологии и соответствующие информационные материалы могут распространяться независимо от государственных границ, а цифровые платформы позволяют устанавливать устойчивые коммуникации между находящимися в разных государствах субъектами. В отдельных случаях внешние информационные ресурсы способны использовать внутренние социальные противоречия для воздействия на российскую аудиторию. Вместе с тем наличие зарубежного происхождения информации не может само по себе служить основанием для признания ее экстремистской: необходима оценка конкретного содержания, целей и способов ее распространения с учетом требований российского законодательства.

Таким образом, существенной особенностью современного экстремизма является его адаптивность. Радикальные сообщества способны изменять формы организации, каналы коммуникации и способы распространения

идеологии в зависимости от технологических и социально-политических изменений. Это требует постоянного совершенствования подходов к выявлению экстремистской активности и профилактике радикализации. Традиционные меры уголовно-правового, административного и оперативного реагирования должны дополняться инструментами информационного анализа, образовательной и профилактической работой.

Эффективное противодействие экстремизму предполагает сочетание нескольких взаимосвязанных направлений. К ним относятся совершенствование законодательства и правоприменительной практики, повышение эффективности межведомственного взаимодействия, выявление каналов распространения экстремистских материалов, развитие медиаграмотности, формирование навыков критической оценки информации и профилактика радикализации в молодежной среде. Существенное значение имеет также развитие межэтнического и межконфессионального взаимодействия, поддержание конструктивного диалога между государственными институтами и обществом.

При этом профилактическая деятельность должна учитывать необходимость сохранения пространства для законной общественной и политической активности. Борьба с экстремизмом не должна подменяться ограничением легитимного выражения гражданами своих взглядов, участия в общественной жизни или критического обсуждения деятельности государственных органов. Правовая оценка должна основываться на конкретных действиях, их содержании и наличии установленных законом признаков противоправного поведения.

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что экстремизм представляет собой динамичное явление, сочетающее идеологические, социальные, политические и информационные механизмы воздействия. Наиболее существенные изменения связаны с цифровизацией коммуникаций, переходом части радикальной активности в сетевую среду и расширением возможностей для индивидуализированного информационного

воздействия. Это повышает значение ранней профилактики и требует переноса части внимания с исключительно последующего пресечения уже совершенных противоправных действий на выявление факторов и механизмов, способствующих радикализации.

Следовательно, обеспечение безопасности Российской Федерации в рассматриваемой сфере должно основываться на сбалансированном сочетании правовых, правоохранительных, информационных, образовательных и социальных инструментов. Такой подход позволяет одновременно решать две взаимосвязанные задачи: своевременно пресекать деятельность субъектов, нарушающих законодательство об экстремизме, и снижать социальную восприимчивость к радикальным идеологиям. Именно сочетание этих направлений создает основу для долгосрочного предупреждения экстремистских проявлений и поддержания общественной стабильности.

Глава 3. Актуальные аспекты государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму

3.1. Зарубежный опыт и перспективы борьбы с феноменом экстремизма, актуальные политико-правовые аспекты противодействия экстремизму в России

Изучение международного опыта противодействия экстремизму позволяет выявить общие тенденции и особенности подходов различных государств к решению данной проблемы. Весь массив зарубежного законодательства о противодействии экстремизму можно условно подразделить на уголовно-правовое законодательство, устанавливающее ответственность за конкретные преступления экстремистского характера и специальное законодательство по борьбе с экстремизмом, которое закрепляет административные, финансовые и гражданско-правовые механизмы борьбы с экстремизмом[1].

Феномен экстремизма имеет глобальный характер, и его проявления на Западе демонстрируют как общие закономерности, так и специфические формы, обусловленные историческими, культурными и политическими особенностями. Зарождение экстремизма в странах Европы и Северной Америки связано с социальными и идеологическими трансформациями XX века, прежде всего, с развитием националистических, неофашистских, анархистских и религиозно-фундаменталистских движений.

В послевоенный период значительное распространение получили крайне правые организации, такие как «Национальный фронт» во Франции, «Британская национальная партия» в Великобритании, «Ку-клукс-клан» и «Патриотические милиции» в США. Параллельно формировались и

[1] Юдичева С.А. Сравнительно-правовой аспект противодействия экстремизму в зарубежных странах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 1. С. 41-48.

леворадикальные группы, например, «Фракция Красной армии» в Германии, «Красные бригады» в Италии, которые использовали террористические методы в борьбе против существующего политического строя.

С конца XX – начала XXI века существенную угрозу для западных государств стал представлять религиозный экстремизм, в первую очередь, исламский радикализм, проявившийся в деятельности сетей, связанных с «Аль-Каидой», а позднее с «Исламским государством».

Современный экстремизм на Западе отличается многообразием форм и мотивов: наряду с религиозным радикализмом активно развиваются крайне правые движения, пропагандирующие этническую исключительность, ксенофобию и антимиграционные настроения; левоэкстремистские объединения, выступающие против капиталистической системы; а также экологические и анархистские группы, прибегающие к актам насилия ради защиты идеологических целей. Рост миграции, социального неравенства и политической поляризации способствует укреплению этих течений. Особую угрозу представляют цифровые формы экстремизма: интернет-форумы, радикальные сообщества и медиа-платформы, где распространяются экстремистские идеологии и осуществляется вербовка сторонников.

В ответ на рост угроз западные государства выработали систему мер, направленных на борьбу с экстремизмом и терроризмом. Например, в странах ЕС ключевыми инструментами стали антитеррористические директивы, механизмы обмена информацией между спецслужбами и усиление контроля за интернет-пространством.

В Германии, где пик экстремистской деятельности пришелся на 1992 год (49 случаев экстремистских выступлений), действует Закон о защите Конституции, позволяющий отслеживать деятельность радикальных организаций[1]. В настоящее время экстремистская активность в ФРГ упала до

[1] Юдичева С.А. Сравнительно-правовой аспект противодействия экстремизму в зарубежных странах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 1. С. 41-48.

20-25 случаев экстремистских выступлений в год[1]. Важно указать, что в европейском уголовном законодательстве о противодействии экстремизму в последнее время наблюдается тенденция к установлению общих правил и процедур привлечения лица к ответственности за экстремизм.

Во Франции отсутствует специальный закон о борьбе с экстремизмом и терроризмом, но если те или иные преступные действия были совершены в экстремистских целях, то к лицам, их совершившим, применяются более строгие меры наказания. Действительно, во французском уголовном законодательстве нет определения экстремизма, однако разработана легальная дефиниция терроризма и выделен ряд экстремистских составов[2]. Также во Франции приняты законы, ограничивающие пропаганду экстремизма в сети.

В Великобритании реализуется стратегия CONTEST, включающая профилактику, пресечение и реабилитацию радикализированных лиц.

В США правовое регулирование борьбы с экстремизмом осуществляется как на основе федерального уголовного законодательства, так и законов штатов об уголовной ответственности[3]. Американский подход характеризуется широким использованием превентивных мер, развитой системой мониторинга экстремистских групп, активным привлечением общественности к противодействию экстремизму. Борьба с экстремизмом институционализирована через деятельность Министерства внутренней безопасности (DHS), ФБР и специальные программы по противодействию насильственному экстремизму (CVE Programs).

Сотрудничество в сфере противодействия экстремизму фактически началось в 1975 г. после организации специальной Рабочей группы по международному сотрудничеству в сфере антитеррористической деятельности и противостояния радикализму и экстремизму[4].

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Там же.

[4] Там же. Группа TREVI –англ. terrorism, radicalism, extremism, violence international.

Для Российской Федерации изучение зарубежного опыта борьбы с экстремизмом представляет значительный интерес с точки зрения совершенствования национальной системы противодействия. Однако при заимствовании западных моделей необходимо учитывать культурно-историческую специфику российского общества, его полиэтнический и многоконфессиональный характер.

Российская правовая система уже включает развитый комплекс норм –в частности, Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», однако перспективным направлением остается усиление превентивных мер: развитие правового мониторинга, профилактика радикализации в молодежной среде, повышение эффективности информационной безопасности и международное сотрудничество в борьбе с транснациональными экстремистскими сетями. Поэтому, сочетание национальных подходов с лучшими элементами зарубежной практики может стать основой для формирования устойчивой модели защиты России от современных проявлений экстремизма.

Зарубежный опыт борьбы с экстремизмом демонстрирует, что данный феномен имеет универсальный характер и в различных формах проявляется во всех регионах мира. Например, в западных странах экстремизм исторически развивался на основе идеологических и социальных противоречий, связанных с кризисами демократии, ростом миграции, экономическим неравенством и культурной поляризацией. А первые организованные экстремистские движения возникли еще в первой половине XX века: неофашистские и национал-социалистические объединения в Европе, ультраправые расистские группы в США, анархистские и левые революционные организации.

В послевоенный период Европа и Северная Америка столкнулись с волнами как леворадикального, так и праворадикального экстремизма: «Фракция Красной армии» в Германии, «Красные бригады» в Италии, «Ку-клукс-клан» и «Скинхеды» в США стали символами идеологически мотивированного насилия.

Говоря о современном этапе развития экстремизма на Западе, мы видим значительный рост религиозного и идеологического радикализма. С начала 2000-х годов ключевой угрозой для западных государств стал исламский экстремизм, спровоцировавший масштабные террористические атаки (США – 2001 г., Великобритания –2005 г., Франция –2015 г.), после которых был принят ряд жестких антитеррористических законов и реформированы механизмы национальной безопасности.

Наряду с религиозным, усилилось крайне правое движение, ориентированное на идеи этнической чистоты, антиглобализма и антимиграционной политики, например, движения Pegida, Identitäre Bewegung, Britain First и др.). Одновременно развивается и левоэкстремистская активность, проявляющаяся в насильственных формах протестов против капиталистической модели и глобальных институтов власти.

Чтобы противостоять экстремизму западные государства выработали комплексную систему противодействия, сочетающую правовые, силовые и социально-гуманитарные меры. Так, в Великобритании реализуется стратегия CONTEST, включающая четыре направления: предотвращение радикализации (Prevent), защита населения (Protect), пресечение террористической активности (Pursue) и минимизация последствий (Prepare). В Германии функции наблюдения за радикальными движениями возложены на Федеральное ведомство по охране Конституции (BfV), а во Франции с 2017 года действуют нормы, допускающие административное закрытие радикальных религиозных организаций и контроль за финансированием мечетей. В США борьба с экстремизмом и внутренним терроризмом координируется Министерством внутренней безопасности (DHS) и ФБР, как уже отмечалось выше, где особое внимание уделяется предупреждению насильственного экстремизма (Preventing Violent Extremism Programs).

Опыт западных стран демонстрирует, что эффективная борьба с экстремизмом невозможна без тесного взаимодействия государства, общества и экспертного сообщества. Важную роль играют программы дерадикализации,

направленные на ресоциализацию лиц, подвергшихся экстремистскому влиянию, а также развитие систем мониторинга и анализа интернет-пространства. Вместе с тем практика показывает, что чрезмерная либерализация и приоритет индивидуальных прав над интересами общественной безопасности часто создают дополнительные сложности в борьбе с экстремизмом.

Для Российской Федерации учет зарубежного опыта важен с точки зрения совершенствования политико-правовых механизмов противодействия. В условиях полиэтнического и многоконфессионального характера российского государства особое значение имеет **п**ревентивная и воспитательная работа, направленная на укрепление гражданской идентичности и национального единства. Актуальными остаются задачи усиления координации между федеральными и региональными структурами, развития правового мониторинга, международного сотрудничества в сфере противодействия экстремизму и повышения эффективности законодательства, в частности реализации норм Федерального закона № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности». В перспективе именно сочетание национальной правовой системы с лучшими практиками зарубежных стран может стать основой для формирования устойчивой государственной стратегии противодействия экстремизму в России, ориентированной не только на карательные, но и на превентивные, просветительские и идеологические меры защиты общества.

Зарубежный опыт подтверждает, что эффективное противодействие экстремизму требует не только силового пресечения и законодательных ограничений, но и развитой системы профилактики, основанной на образовании, социальной интеграции и формировании устойчивого гражданского самосознания. Вместе с тем практика западных стран показывает и уязвимые стороны: чрезмерную либерализацию законодательства, акцент на защите индивидуальных прав нередко мешают оперативному пресечению экстремистской деятельности.

Для Российской Федерации важным является учет как достижений, так и ошибок зарубежных моделей. Российская практика опирается на четкую нормативно-правовую базу, представленную Федеральным законом № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», мерами, предусмотренными в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, и деятельностью межведомственных структур по координации борьбы с экстремизмом.

Однако в отличие от западных подходов, российская система делает акцент не только на силовом и юридическом аспектах, но и на идеологической, культурной и образовательной составляющей, направленной на укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей[1], межнационального согласия и профилактику радикализации. В перспективе развитие отечественной политики противодействия экстремизму должно базироваться на интеграции международного опыта с учетом национальных особенностей: приоритетности государственной безопасности, социального единства и сохранения культурной идентичности России как ключевого фактора устойчивости в условиях глобальных вызовов.

Зарубежный опыт противодействия экстремизму показывает, что данное явление является универсальной угрозой для всех государств, вне зависимости от уровня их социально-экономического развития и политического устройства.

Возвращаясь к истории, необходимо отметить, что с конца XX – начала XXI века основным источником угрозы для западных государств стал религиозный экстремизм, прежде всего радикальный исламизм, связанный с деятельностью «Аль-Каиды», а затем «Исламского государства». Террористические акты в Нью-Йорке (2001), Мадриде (2004), Лондоне (2005), Париже (2015) и Брюсселе (2016) показали, что экстремизм стал

[1] Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 года №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей».

транснациональным феноменом, не ограниченным территориальными рамками. Одновременно усилились и праворадикальные движения, выступающие против миграции и мультикультурализма –Pegida в Германии, Identitäre Bewegung во Франции и Австрии, Alt-right в США. Эти движения используют ксенофобскую риторику и идеи этнической исключительности, что приводит к росту насилия на почве ненависти. В то же время, левоэкстремистские и анархистские группировки, выступающие против глобального капитализма и государственных институтов, продолжают прибегать к насильственным методам политического давления.

В ответ на эти вызовы западные государства разработали масштабные политико-правовые механизмы противодействия экстремизму. В странах Европейского союза реализуются Европейская стратегия по борьбе с радикализацией (RAN) и Директива ЕС по борьбе с терроризмом, направленные на мониторинг сетевых ресурсов, обмен разведданными и профилактику радикализации. В Великобритании действует многоуровневая программа CONTEST, включающая превентивные и социальные меры. Германия делает акцент на правовом контроле: деятельность экстремистских групп отслеживается Федеральным ведомством по охране Конституции (BfV), а за пропаганду насилия предусмотрена уголовная ответственность. Франция после серии терактов приняла ряд законов, усиливших надзор за религиозными организациями, контролирующих иностранных проповедников и источники финансирования. В США борьба с экстремизмом осуществляется на уровне федеральных ведомств – Министерства внутренней безопасности (DHS) и ФБР, где особое внимание уделяется анализу угроз, исходящих от внутренних радикальных движений, в том числе правых и этнонационалистических групп.

Таким образом, исследование зарубежного опыта правового регулирования борьбы с экстремизмом позволяет сделать следующие выводы:

- универсальной детерминанты появления и развития этого опасного правового явления не существует. Однако можно определить общие

причины, способствующие появлению и развитию экстремизма в мире: расовая, религиозная, идеологическая, националистическая вражда; политическая, социальная и экономическая нестабильность в регионе; деятельность внешнеполитических сил, направленных против безопасности государства; борьба за независимость от других государств[1];

- наиболее эффективным является гармоничное применение уголовно-правовых средств борьбы с экстремизмом и специального законодательства, хотя в отдельных странах в качестве правовой базы борьбы с экстремизмом преобладает один из двух указанных блоков законодательства[2];

- уголовно-правовые средства борьбы с экстремизмом, а также специальное законодательство большинства стран Западной Европы, а также государств-членов СНГ испытывают на себе воздействие двух факторов: процессы унификации и ужесточения**.**

3.2. Социокультурный уровень преодоления экстремизма в обществе

Разработка и реализация системы мер по формированию толерантности и профилактике экстремизма в российском обществе являются комплексной задачей, требующей скоординированных усилий органов государственной власти и опоры на общественные объединения.

Современная система противодействия экстремизму должна рассматриваться не только как совокупность правовых и силовых инструментов, но и как комплекс социокультурных и политико-воспитательных технологий, направленных на формирование устойчивого иммунитета общества к радикальным идеологиям.

---

[1] Юдичева С.А. Сравнительно-правовой аспект противодействия экстремизму в зарубежных странах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 1. С. 41-48.

[2] Там же.

Социокультурный аспект противодействия экстремизму предполагает реализацию комплекса мер по просвещению, разъяснению и рекламе позитивных, конструктивных и социально одобряемых образцов поведения. Иначе говоря, речь идет о целеориентированной социокультурной деятельности, включающей[1]:

- организационно-педагогический компонент – овладение личностью умениями, знаниями и восприятием, которые необходимы для жизни в мультикультурном обществе;

- социально-психологический компонент – развитие самодеятельной активности личности, мотивированное участие в культуротворческой деятельности, толерантном межкультурном и межконфессиональном взаимодействии;

- кадровый компонент – изучение менеджмента социально-культурной деятельности в процессе подготовки лидеров молодежных организаций.

То есть необходимо формирование у российских граждан, в первую очередь у молодежи, нового типа культуры – культуру ненасилия, толерантности и безопасности, диалога и взаимопонимания, способной активно противостоять проявлениям социального зла, внутренней и внешней агрессии.

Важнейшими принципами культуры ненасилия являются:

- отказ от монополии на власть, авторитет и истину;

- готовность к изменениям, диалогу и компромиссу;

- способность к критическому анализу собственного поведения с целью исключения и предупреждения враждебной позиции оппонента;

---

[1] Акунина, Ю.А. Профилактика молодежного экстремизма средствами социокультурного менеджмента / Ю.А. Акунина // Культура: управление, экономика, право. - М.: Юрист, 2005, № 2. - С. 36-37; Социально-культурные условия профилактики экстремизма [Электронный ресурс] // http://planetdisser.com/see/dis_275705.html; Афанасьева, Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде / Р.М. Афанасьева . Автореф.дисс. …канд.философ.наук. М., 2007.

- готовность к анализу конфликтной ситуации с позиции оппонента с целью его понимания и поиска положительного разрешения конфликта;

- толерантность и борьба со злом при сохранении уважения к людям, стоящим на иных позициях;

- открытость поведения, отсутствие лжи, недоверия и унижения в отношении оппонентов.

Столь масштабная задача требует создания объективных социокультурных условий, способствующих формированию новой культуры ненасильственного типа в противодействии экстремизму. Во-первых, широкое утверждение демократических принципов жизнедеятельности в государстве и обществе. Во-вторых, гармонизация социальной структуры и реализация принципов социальной справедливости. В-третьих, эффективное управление процессами социализации личности и социальных групп, формирование культуры нравственно-правового применения силы внутри государства и в межгосударственных отношениях. Наконец, в-четвертых, гуманизация и сакрализация системы общественных отношений на базе принятия традиционных духовных ценностей и конфессий.

В более конкретном плане следует говорить об утверждении в сознании и поведении граждан позитивных социокультурных ценностей:

- активной жизненной позиции;

- познавательных устремлений;

- нравственных ориентиров;

- эстетических идеалов и вкусов;

- духовно-сакральных ценностей, противодействующих проявлениям агрессии и экстремизма.

В рассматриваемом контексте можно констатировать, что социальная практика прошедших тысячелетий знает несколько основных концепций и связанных с ними типов культур:

1) христианская культура непротивления злу силой;

2) государственная культура сопротивления злу насилием;

3) культ силы и насилия в борьбе со злом;

4) культура ненасильственного противостояния социальному злу.

Отечественная практика перманентно демонстрирует доминирование силовой тенденции в борьбе со злом. Однако параллельно с этим формировалась культура ненасилия в противодействии злу (Толстой Л.Н., Ганди М., Кинг М.Л. и их последователи), располагающая своеобразным категориальным аппаратом и опытом реализации подобных принципов.

По-видимому, элементы такого опыта могут внедряться в повседневную практику социализации новых поколений с целью формирования принципиально нового, ненасильственного типа культуры. Важным средством осуществления этой цели является образование.

Сфера образования всегда была ориентирована на трансляцию идеалов Истины, Добра и Красоты, ценности Веры, Надежды, Любви, а также Достоинства и Чести, Справедливости и Долга, Свободы и Ответственности.

Однако жизненный опыт, социологические и культурологические исследования неумолимо свидетельствуют о том, что в России последних десятилетий происходит переориентация основной массы населения, и в большей степени ее молодой части, в отношении ценностей смысложизненного порядка. Возвращение частной собственности и имущественное неравенство, псевдодемократизация общественной жизни, усложнение социальной структуры общества и повышение социальной напряженности, усложнение и обострение национальных и конфессиональных отношений – вот далеко не полный перечень оснований, повлекших заметные изменения в сознании и поведении людей.

Сегодня в них все больше преобладают ценности эгоцентризма и предприимчивости, прагматизма и материального достатка, различные формы девиантного поведения. Упал авторитет образования (не диплома!) и профессиональных знаний, нравственных ценностей коллективно-общественного порядка, скромности, целомудрия, ответственности, долга, гражданственности. Более того, значительная часть молодежи не может

обрести устойчивую систему приоритетных ценностей в сложных условиях современной России.

Наивно было бы рассчитывать на быстро и широкое внедрение в массовое сознание и повседневную социальную практику культуры ненасилия. Однако российское общество должно переоценить роль системы образования в формировании социокультурных условий профилактики и противостояния экстремизму. Ориентация на гуманные формы, средства и методы жизнедеятельности, использование опыта традиционных российских конфессий, утверждение законности и демократических принципов – вот основные черты новых подходов в этой сфере.

В конечном итоге социокультурный аспект профилактики и противодействия экстремизму должен включать:

1. Формирование широкой, общедоступной и привлекательной социокультурной инфраструктуры, включающей в себя развитую систему общего и профессионального образования различного уровня, широкую систему культурно-досуговой и спортивно-оздоровительной работы, а также систему культурно-эстетического образования и творчества.

2. Утверждение новой системы обучения и воспитания, ориентированной на утверждение в сознании и поведении граждан общечеловеческих нравственно-гуманистических ценностей, принципов толерантного и ненасильственного поведения, патриотизма, престижа профессиональной и социальной компетентности, психологии товарищества и партнерства, сотрудничества и взаимопомощи.

По-видимому, следует согласиться с исследователями, предлагающими обратить особое внимание на социально-философский анализ таких проблем, как: культура противодействия агрессии и экстремизму, культура ненасильственного мышления и поведения, принципы ценностного воспитания, содержание толерантной культуры диалога различных типов цивилизаций и др.

Следовательно, на социокультурном уровне борьба с экстремизмом предполагает создание условий, при которых деструктивные установки теряют социальную привлекательность, а конструктивные формы политического участия и гражданской активности становятся доминирующими. Эффективность такого подхода определяется степенью политической социализации граждан, уровнем гражданской идентичности и наличием системы духовно-нравственных координат, объединяющих общество вокруг ценностей национального единства, справедливости и ответственности.

В данном диссертационном исследовании политическая социализация общества рассматривается как целенаправленный процесс формирования у граждан устойчивых политико-правовых ориентаций, основанных на доверии к государственным институтам, осознании своей роли в общественно-политической жизни и способности к рациональному участию в управлении государством.

Такая технология является инструментом профилактики экстремизма, так как обеспечивает трансляцию позитивных ценностей власти, законности и общественного порядка. Это обусловлено тем, что через механизмы образования, патриотического воспитания, молодежных и общественных инициатив формируется чувство сопричастности к судьбе страны, снижающее восприимчивость к радикальным идеям.

В свою очередь, технологии социокультурного преодоления экстремизма можно определить как систему целенаправленных мер духовно-нравственного, культурного и информационного характера, направленных на нейтрализацию идеологических предпосылок экстремизма и укрепление духовного единства общества. Они включают в себя развитие диалога между этническими и религиозными сообществами, поддержку культурных инициатив, формирующих толерантность и уважение к традиционным ценностям, а также использование средств массовой коммуникации для продвижения идеалов гражданской солидарности и ответственности. Особое

значение имеет развитие гуманитарного образования, способствующего формированию критического мышления и медиаграмотности – важнейших элементов защиты личности от манипулятивных идеологий.

Социокультурный подход к преодолению экстремизма должен рассматриваться как фундамент механизма обеспечения национальной безопасности. Он предполагает не только нейтрализацию уже существующих угроз, но и создание культурной среды, исключающей условия для их воспроизводства. В перспективе развитие технологий политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма позволит выстроить устойчивую систему профилактики радикализма, основанную на синтезе правовых, образовательных и духовно-нравственных инструментов. Такая система будет способствовать формированию зрелого гражданского общества, устойчивого к внешним и внутренним идеологическим вызовам, и обеспечит долгосрочную безопасность и стабильность Российской Федерации.

Преодоление экстремизма на социокультурном уровне представляет собой стратегическое направление обеспечения национальной безопасности, основанное на формировании устойчивых общественных ценностей, духовно-нравственных ориентиров и развитии механизмов политической социализации граждан. В отличие от силовых или правовых методов, социокультурные формы противодействия ориентированы на долгосрочную профилактику радикализации, на укрепление социальной солидарности и доверия к государству. В этом контексте ключевую роль играет создание культурной и образовательной среды, способствующей осознанию гражданами своей причастности к судьбе страны, своей ответственности за общественную стабильность и безопасности.

То есть необходимо сформировать технологии целенаправленного формирования гражданской зрелости, политико-правовой ответственности и способности индивида к конструктивному участию в жизни государства на основе системы ценностей, согласующей личные и общественные интересы.

Такие технологии выступает как механизм интеграции личности в политическую культуру общества, в рамках которого человек осваивает нормы взаимодействия, формы легитимного выражения позиции и устойчивые модели поведения в правовом поле. В условиях угрозы распространения экстремизма политическая социализация выполняет превентивную функцию – укрепляет гражданскую идентичность, формирует патриотическое мировоззрение, снижает уровень протестного и конфликтного потенциала в обществе.

В свою очередь, социокультурное преодоление экстремизма представляет собой комплекс духовно-нравственных, культурных и образовательных практик, направленных на нейтрализацию идеологического влияния радикальных течений, формирование у граждан критического восприятия информации и устойчивых антиэкстремистских установок. Данный процесс включает развитие гуманитарного образования, популяризацию традиционных культурных ценностей, укрепление межэтнического и межконфессионального диалога, а также стимулирование общественных инициатив, направленных на укрепление толерантности и гражданского единства. Особое место занимают современные коммуникационные технологии – социальные сети, цифровые медиа, культурно-просветительские проекты, которые могут и должны стать площадками позитивного влияния, формирования культуры диалога и общественного согласия.

Следовательно, социокультурный уровень противодействия экстремизму выступает в качестве фундаментального компонента системы национальной безопасности. В его основе лежит идея воспитания гражданина, способного к осознанному политическому выбору, устойчивого к манипуляциям и идеологическому давлению. Перспективы развития данной системы связаны с институционализацией технологий политической социализации через образовательную политику, медиа, культурные и молодежные проекты, а также с расширением сферы гуманитарного

взаимодействия между государством и гражданским обществом. В долгосрочной перспективе именно социокультурные механизмы: опора на национальные традиции, укрепление культурной идентичности, развитие общественного диалога и духовного единства способны обеспечить глубокое и устойчивое преодоление экстремизма как идеологического и социального явления, гарантируя стабильность и безопасность Российской Федерации.

Социокультурный уровень противодействия экстремизму представляет собой ключевое направление укрепления национальной безопасности, ориентированное на формирование устойчивых духовно-нравственных, культурных и гражданских основ общества. В современных условиях, когда экстремизм активно использует социальные, культурные и информационные механизмы влияния, преодоление данного феномена требует не только правовых и силовых мер, но и глубокой культурной и мировоззренческой трансформации. Социокультурная профилактика направлена на формирование устойчивых антиэкстремистских установок, укрепление общественного консенсуса, развитие культуры межэтнического и межконфессионального диалога, а также на воспитание гражданской ответственности и патриотизма как ключевых факторов общественной устойчивости.

В этой связи особое значение приобретает развитие технологий политической социализации общества, которые автор рассматривает как систему целенаправленного воспитания и интеграции личности в политическую, правовую и культурную систему государства посредством усвоения норм гражданского поведения, механизмов правового участия и ценностей национального единства. Они предполагают развитие программ духовно-нравственного воспитания, культурно-просветительских инициатив, поддержку традиционных религиозных институтов и локальных культурных сообществ как носителей национальной идентичности. Важную роль играет информационно-культурная политика государства, способная противостоять

идеологическому давлению через создание позитивных медийных образов, пропаганду мирного сосуществования и культурного многообразия.

Политическая социализация выступает не только процессом приобщения к политическим институтам, но и формирует сознательную гражданскую позицию, основанную на доверии к государству и осознании личной ответственности за его развитие.

Эта технология выступает профилактическим барьером против экстремизма, поскольку создает условия для социализации индивида в конструктивное политическое пространство, исключая потребность в протестных и деструктивных формах самореализации.

Следовательно, социокультурное преодоление экстремизма и политическая социализация общества образуют взаимосвязанный механизм обеспечения национальной безопасности, в основе которого лежит формирование личности как субъекта права, культуры и гражданской ответственности. Эти технологии направлены не столько на борьбу с последствиями радикализации, сколько на устранение ее причин: социальной дезориентации, идеологической разобщенности и дефицита ценностных ориентиров. Их реализация требует взаимодействия государства, гражданского общества, системы образования, религиозных и культурных институтов.

В перспективе развитие социокультурных форм противодействия экстремизму должно основываться на комплексной гуманитарной политике, ориентированной на воспитание гармоничной, социально ответственной личности, способной к критическому восприятию информации и осознанному участию в жизни общества. Такая стратегия не только минимизирует угрозы радикализации, но и способствует формированию целостной национальной идентичности, что является фундаментом долгосрочной устойчивости и безопасности Российской Федерации.

Социокультурный уровень преодоления экстремизма представляет собой ключевое направление формирования устойчивой национальной

идентичности и общественной консолидации, без которых невозможно обеспечение внутренней безопасности государства. В условиях глобальных трансформаций, цифровизации и ценностного плюрализма именно социокультурная сфера становится ареной идеологического противостояния, где экстремистские идеи получают доступ к массовому сознанию. Следовательно, преодоление экстремизма на данном уровне должно быть ориентировано не на репрессивное подавление его проявлений, а на создание целостной системы духовно-нравственной, культурной и образовательной профилактики, укрепляющей гражданскую идентичность и устойчивость общества к деструктивным влияниям.

В данном диссертационном исследовании автор рассматривает технологии политической социализации общества как некий механизм, представляющий собой целенаправленное формирование у граждан системы политико-правовых и моральных ориентиров, обеспечивающих осознанное участие личности в общественно-политической жизни в рамках правового поля. Эти технологии направлены на формирование у граждан позитивного отношения к институтам власти, готовности к сотрудничеству с государством, понимания взаимосвязи прав и обязанностей. Политическая социализация должна рассматриваться как инструмент профилактики идеологической дезориентации и протестного поведения, создающий у граждан ощущение личной вовлеченности в процесс развития государства и ответственности за его судьбу. Эффективная политическая социализация формирует гражданскую зрелость, укрепляет доверие к правовым и государственным институтам, тем самым снижая привлекательность радикальных и антигосударственных идеологий.

Социокультурное преодоление экстремизма, в свою очередь, может быть определено как система культурных, образовательных, информационно-коммуникационных и духовно-нравственных технологий, направленных на формирование общественного иммунитета к идеологиям насилия, вражды и нетерпимости. Эта система реализуется через развитие просветительских и

воспитательных программ, укрепление гуманитарных дисциплин, поддержку традиционных культурных и религиозных ценностей, сохранение исторической памяти и популяризацию идеалов взаимоуважения, гражданского долга и патриотизма. Ключевым инструментом выступает гуманитарная политика государства, призванная формировать единую культурную и символическую основу общества, а также систему моральных координат, несовместимую с идеологией экстремизма.

На практике социокультурное противодействие экстремизму реализуется через многоуровневое взаимодействие государства, институтов гражданского общества, системы образования, средств массовой информации и религиозных организаций. Образовательные учреждения формируют критическое мышление и медиаграмотность, культурные институты способствуют укреплению национальной идентичности, а медиа – популяризации ценностей толерантности и правового поведения. Таким образом, формируется многоуровневая структура социокультурной безопасности, обеспечивающая духовное и идеологическое единство общества.

Социокультурный подход позволяет рассматривать противодействие экстремизму как механизм позитивной мобилизации общества, где акцент смещается с подавления на профилактику, с наказания на воспитание. Государство, гражданское общество, религиозные и культурные институты должны действовать в единой системе, формируя атмосферу доверия, открытого диалога и взаимной ответственности. Именно в этом взаимодействии рождается общественная солидарность – главный барьер на пути радикализации.

Таким образом, технологии политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма образуют гуманитарный фундамент национальной безопасности. Они обеспечивают не только профилактику радикальных проявлений, но и воспроизводство таких качеств, как патриотизм, гражданская зрелость, уважение к праву и социальная

солидарность. В перспективе именно социокультурный подход позволит перейти от реактивной модели борьбы с экстремизмом к проактивной – ориентированной на воспитание устойчивого, духовно зрелого и ответственного гражданского общества, способного самостоятельно противостоять идеологическим угрозам и тем самым укреплять устойчивость и безопасность Российской Федерации.

Социокультурное преодоление экстремизма представляет собой важнейшее направление государственной и общественной деятельности, направленной на укрепление устойчивости российского общества перед лицом идеологических и психологических угроз. В современном мире экстремизм все чаще выступает не в форме открытого насилия, а как феномен культурного и информационного воздействия, основанный на подмене ценностей, искажении исторической памяти и разрушении традиционных форм коллективной идентичности. Поэтому борьба с ним требует комплексного подхода, включающего не только правоохранительные и административные меры, но и системную работу по укреплению культурных, образовательных и духовно-нравственных основ общества.

В авторской трактовке технологии политической социализации общества представляют собой совокупность институциональных, образовательных и коммуникативных практик, направленных на формирование у граждан устойчивого правового и патриотического мировоззрения, позитивного отношения к государственным институтам, готовности к участию в общественно-политической жизни и ответственности за судьбу страны. Политическая социализация, понимаемая в этом контексте, – это не просто процесс усвоения норм политической культуры, а механизм формирования личности, способной воспринимать государство как пространство сотрудничества, а не противостояния. Данная технология способствует снижению уровня отчуждения между обществом и властью, укрепляет легитимность государственных институтов и служит

профилактическим барьером против радикальных и экстремистских идеологий.

Социокультурное преодоление экстремизма в авторском определении – это целенаправленная деятельность государства, общества и институтов гражданской коммуникации, направленная на укрепление духовно-нравственного потенциала, культурной идентичности и коллективных ценностей, обеспечивающих устойчивость личности и социума к идеологиям насилия и вражды. Основная задача этой технологии – формирование гуманитарной среды, в которой экстремистские идеи теряют привлекательность и символическую значимость. Реализуется она через систему образования, культуру, средства массовой информации, деятельность общественных и религиозных организаций, а также через развитие информационной и медиакультуры. Особое значение имеет воспитание у молодежи критического мышления, уважения к историческому наследию, способности к диалогу и толерантности – качеств, обеспечивающих устойчивость к манипуляциям и радикальным установкам.

На практике социокультурное противодействие экстремизму должно строиться на принципах партнерства государства и гражданского общества. Государственные структуры формируют стратегические ориентиры и правовую основу, а общественные, образовательные, культурные и религиозные институты становятся носителями и трансляторами духовных и культурных ценностей. Ключевым элементом такой системы является информационно-гуманитарная безопасность, подразумевающая контроль над распространением экстремистского контента, создание позитивного медиапространства и продвижение идей гражданской солидарности, патриотизма и доверия.

Социокультурное преодоление экстремизма и технологии политической социализации общества образуют гуманитарный контур национальной безопасности. Они обеспечивают не только защиту от радикальных проявлений, но и формируют долгосрочные основы общественной

устойчивости и духовного единства. В стратегической перспективе данные технологии должны стать частью системной государственной политики, направленной на воспитание гражданина как активного участника созидательных процессов, носителя культурных и нравственных ценностей, противостоящих идеологиям разрушения. В этом заключается потенциал «мягкой силы» национальной безопасности России, опирающейся на культуру, образование, мораль и историческую преемственность как ключевые ресурсы защиты государства и общества от экстремизма.

Следовательно, технологии политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма образуют взаимосвязанный гуманитарный контур национальной безопасности. Их основная цель – формирование гармоничного и зрелого гражданского общества, где каждый индивид осознает себя не объектом идеологического давления, а субъектом созидания, способным к конструктивному взаимодействию с государством и другими социальными группами. В перспективе развитие этих технологий должно стать приоритетным направлением государственной политики, направленной на укрепление духовного суверенитета России, консолидацию общества и создание культурно-нравственной основы, исключающей воспроизводство экстремизма как социального явления.

3.3 Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности

Государственная политика противодействия экстремизму является сложной многоуровневой задачей, требующей разработки системы объективных критериев и показателей. Ее эффективность может рассматриваться с различных позиций: правовой, социальной, экономической, политической.

С правовой точки зрения критериями эффективности являются: соответствие принимаемых мер конституционным принципам и

международным стандартам в области прав человека; качество правовой базы противодействия экстремизму; единообразие правоприменительной практики; соблюдение процедурных гарантий при применении мер принуждения.

Социальные критерии включают: уровень толерантности в обществе; состояние межнациональных и межконфессиональных отношений; доверие населения к деятельности правоохранительных органов; уровень виктимизации населения от экстремистских проявлений.

Экономические критерии связаны с оценкой затрат на реализацию мер противодействия экстремизму и их соотношением с достигнутыми результатами. Важным показателем является предотвращенный ущерб от экстремистской деятельности.

Политические критерии характеризуют влияние государственной политики противодействия экстремизму на политическую стабильность, легитимность власти, внутриполитическую ситуацию в стране.

Количественные показатели эффективности включают: динамику преступлений экстремистской направленности; количество выявленных и ликвидированных экстремистских организаций; число лиц, привлеченных к ответственности за экстремистскую деятельность; объем заблокированной экстремистской информации в сети Интернет.

Качественные показатели характеризуют изменения в структуре экстремистских проявлений, их географическом распределении, социально-демографических характеристиках лиц, совершающих экстремистские правонарушения.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка в сфере предупреждения и пресечения экстремистской деятельности представляет собой один из ключевых элементов системы национальной безопасности современной России. Практика последних лет показывает, что эффективность противодействия экстремизму во многом зависит от согласованности действий правоохранительных органов, спецслужб, органов власти и

институтов гражданского общества. Координационные механизмы, реализуемые в рамках межведомственных комиссий и совместных оперативно-профилактических мероприятий, позволяют своевременно выявлять и нейтрализовывать потенциальные угрозы, а также минимизировать влияние радикальных идеологий на молодежную среду и интернет-пространство.

Особое значение в данном контексте приобретает информационно-аналитическое взаимодействие ФСБ, МВД и Роскомнадзора, исправительных учреждений, обеспечивающее оперативный обмен данными о распространении экстремистских материалов и сетевых сообществ. Однако сохраняются проблемы фрагментарности и недостаточной системности в работе по профилактике экстремизма, особенно на региональном уровне, где не всегда выстроено устойчивое межведомственное взаимодействие.

На наш взгляд, дальнейшее совершенствование данной системы должно строиться на принципах интеграции усилий всех участников, усиления аналитического и прогностического потенциала, а также расширения участия институтов гражданского контроля и образования. Только комплексный и проактивный подход способен обеспечить устойчивое снижение уровня экстремистских проявлений и укрепление общественной стабильности.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка в сфере противодействия экстремистской деятельности свидетельствует о постепенном формировании в России комплексной модели обеспечения безопасности, основанной на тесной межведомственной кооперации. Совместная работа Федеральной службы безопасности, Министерства внутренних дел, Следственного комитета, прокуратуры и органов исполнительной власти позволяет не только эффективно реагировать на уже выявленные проявления экстремизма, но и выстраивать систему раннего предупреждения.

Особое внимание уделяется профилактике идеологического радикализма, мониторингу интернет-пространства, выявлению

деструктивных сообществ и каналов распространения экстремистского контента. Позитивным примером является развитие практики межведомственных оперативных штабов и региональных комиссий по противодействию экстремизму, которые обеспечивают обмен информацией и выработку единых подходов к оценке угроз. Однако анализ показывает, что межведомственное взаимодействие нередко носит формальный характер, а координация между федеральными и региональными структурами требует дальнейшего совершенствования.

Важно также усилить участие общественных организаций и образовательных учреждений в профилактической работе, особенно среди молодежи, так как будущее развитие системы противодействия экстремизму должно строиться на принципах доверительного взаимодействия государства и общества, цифровизации аналитической деятельности и перехода от реактивных мер к превентивным стратегиям, направленным на устранение причин, питающих экстремистские настроения.

Современный опыт взаимодействия институтов правопорядка в сфере предупреждения и пресечения экстремистской деятельности демонстрирует переход от фрагментарных мер к системному и стратегическому подходу. Сегодня борьба с экстремизмом невозможна без тесной координации усилий различных государственных структур – ФСБ, МВД, Генеральной прокуратуры, Росгвардии, Роскомнадзора, исправительных учреждений и органов региональной власти. Ключевым направлением стало развитие единого информационного пространства, позволяющего оперативно обмениваться данными о потенциальных угрозах, лицах, склонных к радикализации, и источниках финансирования экстремистских организаций.

Положительный эффект дает интеграция правоохранительных и образовательных инициатив, в частности внедрение программ правового просвещения и цифровой гигиены, которые уже активно используются во многих регионах России, например, в Самарской области. Основными целями данных программ являются обеспечение условий для профилактики

негативных тенденций, повышение защищенности детей от информационных рисков, формирование навыков распознавания онлайн-рисков[1] и снижение влияния экстремистской пропаганды в молодежной среде.

При этом значимым остается вопрос о балансе между обеспечением безопасности и соблюдением прав граждан, особенно в контексте усиления контроля в интернет-пространстве. На наш взгляд, дальнейшее развитие межведомственного взаимодействия должно опираться не только на технологические решения и правовые механизмы, но и на формирование культуры правосознания, общественной нетерпимости к экстремизму и укрепление доверия между обществом и государственными структурами. Только на этой основе можно добиться устойчивого результата в профилактике и пресечении экстремистской деятельности, представляющей угрозу национальной безопасности.

Взаимодействие органов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности в России свидетельствует о постепенном переходе к более интегрированной и профилактически ориентированной модели. Совместные действия правоохранительных органов, органов государственной безопасности и институтов гражданского общества направлены не только на выявление и нейтрализацию экстремистских проявлений, но и на устранение социально-психологических причин, способствующих радикализации населения. В последние годы особое внимание уделяется анализу экстремистских угроз в цифровой среде, где активно применяются механизмы мониторинга социальных сетей и мессенджеров, а также алгоритмы искусственного интеллекта для выявления деструктивных групп и сетей вербовки.

Важным достижением является усиление координации между федеральными и региональными структурами, создание единой системы

---

[1] Рабочая программа внеурочной деятельности «Цифровая гигиена» муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Школа № 144 имени Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова» городского округа Самара.

реагирования на проявления экстремизма, а также развитие профилактической работы в образовательных учреждениях и молодежных объединениях. Тем не менее, остаются проблемные аспекты – недостаточная оперативность обмена информацией, разобщенность ведомственных баз данных и дефицит квалифицированных специалистов по идеологическому и психологическому противодействию экстремизму. На наш взгляд, дальнейшее совершенствование межведомственного взаимодействия должно опираться на развитие аналитических центров, внедрение единых стандартов профилактической деятельности и формирование устойчивой антиидеологической среды, где государственные структуры, СМИ и общественные институты действуют в едином направлении. Только при таком подходе можно достичь стратегической цели – создания устойчивой системы противодействия экстремизму, способной не только пресекать, но и предупреждать угрозы национальной безопасности.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка в сфере предупреждения и пресечения экстремистской деятельности демонстрирует, что ключевым фактором эффективности государственной политики в данной области является согласованность действий всех субъектов системы безопасности.

Сегодня в России выстроена и функционирует многоуровневая система противодействия экстремизму, где важную роль играют координационные механизмы между ФСБ, МВД, прокуратурой, Росгвардией, Роскомнадзором, исправительными учреждениями, а также региональными органами власти. Совместные профилактические программы, целевые операции и информационно-аналитические обмены позволяют своевременно выявлять очаги радикализации и предотвращать переход экстремистских проявлений в террористические формы. Особое внимание уделяется противодействию идеологическому и киберэкстремизму, где взаимодействие институтов правопорядка приобретает новый технологический характер с применением систем анализа больших данных и цифрового мониторинга.

Важным элементом также становится сотрудничество с институтами гражданского общества, образовательными организациями и религиозными объединениями, направленное на формирование общественной устойчивости к радикальным идеям. Вместе с тем сохраняется потребность в повышении эффективности межведомственного обмена информацией, устранении бюрократических барьеров и унификации правовых основ взаимодействия. На наш взгляд, успешное противодействие экстремизму требует не только технического и силового совершенствования системы, но и глубокой социальной профилактики, направленной на укрепление доверия граждан к государству, повышение правовой культуры и развитие идеологической целостности общества. Именно этот комплексный подход способен обеспечить долговременную устойчивость национальной безопасности и общественного согласия.

Таким образом, опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности в России демонстрирует укрепление межведомственного сотрудничества как ключевого инструмента обеспечения государственной и общественной безопасности.

В современных условиях угрозы экстремистского характера приобретают все более комплексный и сетевой характер, что требует объединения ресурсов и компетенций различных структур – ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, Следственного комитета, исправительных учреждений, органов власти субъектов Федерации и институтов гражданского общества. Эффективным направлением стало развитие межведомственных координационных центров и рабочих групп, где принимаются решения по оперативным и профилактическим вопросам, включая противодействие идеологической и киберрадикализации.

Наряду с силовыми и правовыми методами все большее значение приобретают профилактические меры: информационно-просветительские кампании, образовательные программы, социальные проекты, направленные

на укрепление гражданской идентичности и патриотического сознания. При этом актуальной задачей остается повышение прозрачности взаимодействия между ведомствами и укрепление доверия общества к деятельности институтов правопорядка.

Несмотря на достигнутые результаты, система противодействия экстремизму требует дальнейшего совершенствования, особенно в части цифровизации аналитических процессов и прогнозирования рисков. На наш взгляд, перспективное развитие должно опираться на принципы единства стратегии, открытого обмена информацией и социального партнерства государства с обществом. Только комплексная, научно обоснованная и технологически оснащенная модель взаимодействия способна эффективно противостоять современным формам экстремизма и укреплять устойчивость российского государства к внутренним и внешним деструктивным воздействиям.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности подтверждает, что ключевым фактором успешной борьбы с этим явлением является не только оперативная координация действий, но и стратегическое единство подходов всех участников системы безопасности. В последние годы в России формируется целостная модель межведомственного взаимодействия, объединяющая усилия ФСБ, МВД, Росгвардии, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, исправительных учреждений, Роскомнадзора и органов государственной власти субъектов Федерации. Проводятся совместные оперативно-профилактических мероприятий, создаются информационно-аналитические центры и координационные совет. Особое внимание уделяется противодействию интернет-экстремизму, где взаимодействие между правоохранительными структурами и цифровыми платформами стало важным элементом защиты общественного пространства. Наряду с этим возрастает роль профилактической и воспитательной работы, направленной на

формирование у граждан устойчивых антиидеологических установок, правового сознания и медиаграмотности.

Несмотря на достигнутые успехи, остаются проблемы: недостаточная унификация ведомственных подходов, различия в уровне технической оснащенности и дефицит подготовленных кадров в области идеологической профилактики. На наш взгляд, дальнейшее развитие межведомственного взаимодействия должно опираться на три ключевых принципа: научно-аналитическую обоснованность принимаемых решений, цифровизацию всех этапов профилактической и оперативной работы, а также укрепление диалога между государством и обществом. Только при сочетании силового, правового и просветительского потенциалов возможно создать устойчивую систему противодействия экстремизму, способную эффективно защищать конституционные основы и духовные ценности российского государства.

Исследование зарубежного опыта правового регулирования борьбы с экстремизмом позволяет сделать следующие выводы:

- универсальной детерминанты появления и развития этого опасного правового явления не существует. Однако можно определить общие причины, способствующие появлению и развитию экстремизма в мире: расовая, религиозная, идеологическая, националистическая вражда; политическая, социальная и экономическая нестабильность в регионе; деятельность внешнеполитических сил, направленных против безопасности государства; борьба за независимость от других государств;
- наиболее эффективным является гармоничное применение уголовно-правовых средств борьбы с экстремизмом и специального законодательства, хотя в отдельных странах в качестве правовой базы борьбы с экстремизмом преобладает один из двух указанных блоков законодательства;
- борьба с экстремизмом при помощи уголовно-правовых средств с учетом специального законодательства большинства стран Западной Европы,

а также государств-членов СНГ в итоге приводят к унификации и ужесточению.

Выводы к 3 главе. Технологии политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма образуют гуманитарный фундамент национальной безопасности. Они обеспечивают не только профилактику радикальных проявлений, но и воспроизводство таких качеств, как патриотизм, гражданская зрелость, уважение к праву и социальная солидарность. В перспективе именно социокультурный подход позволит перейти от реактивной модели борьбы с экстремизмом к проактивной, ориентированной на воспитание устойчивого, духовно зрелого и ответственного гражданского общества, способного самостоятельно противостоять идеологическим угрозам и тем самым укреплять устойчивость и безопасность Российской Федерации.

Социокультурное преодоление экстремизма представляет собой важнейшее направление государственной и общественной деятельности, направленной на укрепление устойчивости российского общества перед лицом идеологических и психологических угроз. В современном мире экстремизм все чаще выступает не в форме открытого насилия, а как феномен культурного и информационного воздействия, основанный на подмене ценностей, искажении исторической памяти и разрушении традиционных форм коллективной идентичности. Поэтому борьба с ним требует комплексного подхода, включающего не только правоохранительные и административные меры, но и системную работу по укреплению культурных, образовательных и духовно-нравственных основ общества.

В авторской трактовке технологии политической социализации общества представляют собой совокупность институциональных, образовательных и коммуникативных практик, направленных на формирование у граждан устойчивого правового и патриотического мировоззрения, позитивного отношения к государственным институтам, готовности к участию в общественно-политической жизни и ответственности

за судьбу страны. Политическая социализация, понимаемая в этом контексте, – это не просто процесс усвоения норм политической культуры, а механизм формирования личности, способной воспринимать государство как пространство сотрудничества, а не противостояния. Данная технология способствует снижению уровня отчуждения между обществом и властью, укрепляет легитимность государственных институтов и служит профилактическим барьером против радикальных и экстремистских идеологий.

Социокультурное преодоление экстремизма в авторском определении – это целенаправленная деятельность государства, общества и институтов гражданской коммуникации, направленная на укрепление духовно-нравственного потенциала, культурной идентичности и коллективных ценностей, обеспечивающих устойчивость личности и социума к идеологиям насилия и вражды. Основная задача этой технологии – формирование гуманитарной среды, в которой экстремистские идеи теряют привлекательность и символическую значимость. Реализуется она через систему образования, культуру, средства массовой информации, деятельность общественных и религиозных организаций, а также через развитие информационной и медиакультуры. Особое значение имеет воспитание у молодежи критического мышления, уважения к историческому наследию, способности к диалогу и толерантности – качеств, обеспечивающих устойчивость к манипуляциям и радикальным установкам.

На практике социокультурное противодействие экстремизму должно строиться на принципах партнерства государства и гражданского общества. Государственные структуры формируют стратегические ориентиры и правовую основу, а общественные, образовательные, культурные и религиозные институты становятся носителями и трансляторами духовных и культурных ценностей. Ключевым элементом такой системы является информационно-гуманитарная безопасность, подразумевающая контроль над распространением экстремистского контента, создание позитивного

медиапространства и продвижение идей гражданской солидарности, патриотизма и доверия.

Социокультурное преодоление экстремизма и технологии политической социализации общества образуют гуманитарный контур национальной безопасности. Они обеспечивают не только защиту от радикальных проявлений, но и формируют долгосрочные основы общественной устойчивости и духовного единства. В стратегической перспективе данные технологии должны стать частью системной государственной политики, направленной на воспитание гражданина как активного участника созидательных процессов, носителя культурных и нравственных ценностей, противостоящих идеологиям разрушения. В этом заключается потенциал «мягкой силы» национальной безопасности России, опирающейся на культуру, образование, мораль и историческую преемственность как ключевые ресурсы защиты государства и общества от экстремизма.

Следовательно, технологии политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма образуют взаимосвязанный гуманитарный контур национальной безопасности. Их основная цель – формирование гармоничного и зрелого гражданского общества, где каждый индивид осознает себя не объектом идеологического давления, а субъектом созидания, способным к конструктивному взаимодействию с государством и другими социальными группами. В перспективе развитие этих технологий должно стать приоритетным направлением государственной политики, направленной на укрепление духовного суверенитета России, консолидацию общества и создание культурно-нравственной основы, исключающей воспроизводство экстремизма как социального явления.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности в России демонстрирует укрепление межведомственного сотрудничества как ключевого инструмента обеспечения государственной и общественной безопасности.

В современных условиях угрозы экстремистского характера приобретают все более комплексный и сетевой характер, что требует объединения ресурсов и компетенций различных структур – ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, Следственного комитета, исправительных учреждений, органов власти субъектов Федерации и институтов гражданского общества. Эффективным направлением стало развитие межведомственных координационных центров и рабочих групп, где принимаются решения по оперативным и профилактическим вопросам, включая противодействие идеологической и киберрадикализации.

Наряду с силовыми и правовыми методами все большее значение приобретают профилактические меры: информационно-просветительские кампании, образовательные программы, социальные проекты, направленные на укрепление гражданской идентичности и патриотического сознания. При этом актуальной задачей остается повышение прозрачности взаимодействия между ведомствами и укрепление доверия общества к деятельности институтов правопорядка.

Несмотря на достигнутые результаты, система противодействия экстремизму требует дальнейшего совершенствования, особенно в части цифровизации аналитических процессов и прогнозирования рисков. На наш взгляд, перспективное развитие должно опираться на принципы единства стратегии, открытого обмена информацией и социального партнерства государства с обществом. Только комплексная, научно обоснованная и технологически оснащенная модель взаимодействия способна эффективно противостоять современным формам экстремизма и укреплять устойчивость российского государства к внутренним и внешним деструктивным воздействиям.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности подтверждает, что ключевым фактором успешной борьбы с этим явлением является не только оперативная координация действий, но и стратегическое единство подходов всех

участников системы безопасности. Как было отмечено выше, в последние годы в России формируется целостная модель межведомственного взаимодействия, объединяющая усилия ФСБ, МВД, Росгвардии, Генеральной прокуратуры, Следственного комитета, исправительных учреждений, Роскомнадзора и органов государственной власти субъектов Федерации, которые проводят совместные оперативно-профилактические мероприятия, а также в обмениваются данными о рисках радикализации. Особое внимание уделяется противодействию интернет-экстремизму, где взаимодействие между правоохранительными структурами и цифровыми платформами стало важным элементом защиты общественного пространства. Наряду с этим возрастает роль профилактической и воспитательной работы, направленной на формирование у граждан устойчивых антиидеологических установок, правового сознания и медиаграмотности.

Несмотря на достигнутые успехи, остаются проблемы: недостаточная унификация ведомственных подходов, различия в уровне технической оснащенности и дефицит подготовленных кадров в области идеологической профилактики. На наш взгляд, дальнейшее развитие межведомственного взаимодействия должно опираться на три ключевых принципа: научно-аналитическую обоснованность принимаемых решений, цифровизацию всех этапов профилактической и оперативной работы, а также укрепление диалога между государством и обществом. Только при сочетании силового, правового и просветительского потенциалов возможно создать устойчивую систему противодействия экстремизму, способную эффективно защищать конституционные основы и духовные ценности российского государства.

Глава 4. Рекомендации органам государственной власти по противодействию экстремизму в интересах обеспечения безопасности России

4.1. Проблемы и перспективы совершенствования нормативно-правовой базы противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности страны

Современное состояние нормативно-правовой базы противодействия экстремизму в России характеризуется значительным развитием, однако сохраняет ряд системных проблем, препятствующих ее эффективному применению в условиях трансформации угроз национальной безопасности. Действующее законодательство, прежде всего, Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности»[1] и связанные с ним правовые акты, в целом, создают основу для предупреждения, выявления и пресечения экстремизма, однако нуждаются в уточнении понятийного аппарата, совершенствовании механизмов правоприменения и усилении профилактической направленности.

Практика взаимодействия органов правопорядка и безопасности (ФСБ, МВД, прокуратуры, Росгвардии, исправительных учреждений, Роскомнадзора) показывает, что без унификации подходов и четкого разграничения полномочий эффективность противодействия снижается. Особенно остро встает вопрос адаптации законодательства к новым формам экстремизма – киберэкстремизму, идеологической манипуляции в цифровой среде, использованию децентрализованных сетей для пропаганды радикальных идей.

---

[1] О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3031.

В политико-правовом аспекте необходимо укрепление механизмов межведомственной координации и парламентского контроля за реализацией антитеррористического и антиэкстремистского законодательства. В социокультурной плоскости важнейшим направлением является формирование правосознания, медиаграмотности и гражданской идентичности, особенно среди молодежи. Целесообразно разработать комплексную государственную концепцию противодействия экстремизму, которая бы объединила правовые, информационные и образовательные меры, а также создать единый цифровой мониторинговый центр для анализа рисков радикализации. Поскольку дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы должно опираться на баланс между обеспечением безопасности и защитой конституционных прав граждан, что позволит выстроить устойчивую и адаптивную систему противодействия экстремизму, отвечающую вызовам современного общества.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму в Российской Федерации формирует фундамент для защиты национальных интересов и общественной стабильности, однако сталкивается с рядом концептуальных и практических трудностей. Одной из ключевых проблем является недостаточная адаптация законодательства к динамично меняющимся формам проявления экстремизма, прежде всего, в цифровом пространстве, где радикальные идеи распространяются через социальные сети, мессенджеры и анонимные интернет-платформы. Несмотря на наличие основополагающих документов: Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегии национальной безопасности[1] и Доктрины информационной безопасности[2], правоприменительная практика

[1] Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г., Пр-2753) // Совет Безопасности РФ. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/ (дата обращения: 12.10.2025).

[2] Доктрина информационной безопасности (утв. Указом Президента РФ 05.12.2016 №646) // Совет Безопасности РФ. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/ (дата обращения: 12.10.2025).

демонстрирует неоднозначность трактовок понятия «экстремизм», что порождает как избыточное, так и недостаточное вмешательство государства в общественные процессы.

Важным направлением совершенствования является развитие политико-правовых механизмов межведомственного взаимодействия между органами ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, исправительных учреждений, Роскомнадзора и образовательных учреждений, позволяющего не только выявлять, но и предупреждать радикальные проявления. Опыт совместной работы этих структур показывает эффективность комплексного подхода, сочетающего правовые и социокультурные формы противодействия от мониторинга интернет-пространства до воспитания гражданской ответственности и формирования толерантных установок в обществе. В перспективе необходима разработка единой концепции профилактики экстремизма, включающей меры правового регулирования, информационно-просветительские программы и использование цифровых аналитических платформ. Перспективы совершенствования нормативно-правовой базы должны заключаться в комплексной модернизации законодательства: необходимо уточнение понятийного аппарата, разработка правовых норм, учитывающих специфику цифрового пространства, и создание национальной концепции превентивного противодействия экстремизму. Важным направлением также должно стать внедрение механизмов общественного и парламентского контроля, что позволит повысить прозрачность и легитимность антиэкстремистской политики. Только сочетание правовых, политических и социокультурных инструментов позволит сформировать эффективную, сбалансированную и адаптивную систему противодействия экстремизму, адекватную современным угрозам безопасности страны.

Приоритетом должно стать создание гибкой, научно обоснованной системы правового регулирования, обеспечивающей баланс между обеспечением государственной безопасности и защитой прав личности. Только при условии такого баланса возможно построение эффективной,

устойчивой и легитимной модели противодействия экстремизму, соответствующей современным вызовам и угрозам.

Нормативно-правовая база противодействия экстремизму в России является одной из ключевых составляющих системы обеспечения национальной безопасности, однако ее развитие требует дальнейшего совершенствования в условиях усложнения политических, социальных и информационных процессов. Действующее законодательство, закрепленное в Федеральном законе «О противодействии экстремистской деятельности» и ряде подзаконных актов, в целом формирует юридическую основу для борьбы с экстремизмом, но при этом демонстрирует фрагментарность и недостаточную согласованность с другими сферами правового регулирования, в частности, с информационным, образовательным и культурным законодательством. Проблемой остается неоднозначность правоприменительной практики: понятие «экстремизм» зачастую трактуется слишком широко, что приводит к разночтениям и снижает эффективность правовых мер.

Несмотря на совершенствование нормативно-правовой базы, мы сталкиваемся с рядом противоречий, обусловленных как изменением характера экстремистских угроз, так и трансформацией социально-политической среды. Законодательство, представленное в первую очередь Федеральным законом № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и сопутствующими нормативными актами, требует дальнейшей систематизации и уточнения, особенно в части разграничения экстремизма, правомерной политической активности и выражения гражданской позиции. Также проблемным остается и вопрос адаптации правовых механизмов к новым формам проявления экстремизма – цифровому, идеологическому и сетевому, где традиционные меры регулирования оказываются недостаточно эффективными. Практика взаимодействия органов безопасности и правопорядка показывает, что координация усилий приносит

ощутимые результаты, однако требует единых стандартов информационного обмена и правового статуса совместных решений.

Также важно укреплять межведомственную координацию, развивать превентивные инструменты и повышать правовую культуру сотрудников. В социокультурном контексте противодействие экстремизму должно опираться на ценности гражданской солидарности, толерантности и патриотизма, что предполагает активное участие образовательных учреждений, СМИ и институтов гражданского общества.

Возникает весомый аргумент для разработки новой редакции концепции государственной политики в области противодействия экстремизму, которая бы ориентировалась на технологическую модернизацию правоприменительных практик, а также усиление общественного контроля и формирование цифровой системы раннего предупреждения экстремистских угроз. Только при комплексном сочетании правовых, политических и социокультурных мер возможно создание устойчивого механизма защиты государства и общества от деструктивных идеологий.

Рассматривая нормативно-правовую базу противодействия экстремизму, представляющему угрозу безопасности государства, необходимо понимать, что она занимает центральное место в системе обеспечения национальной и общественной стабильности России, однако остается в стадии активного формирования и совершенствования. Несмотря на наличие разветвленного законодательства: Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», Стратегии противодействия экстремизму до 2025 года, а также множества ведомственных актов, сохраняются противоречия между нормами права и практикой их применения. Одной из наиболее значимых проблем является неопределенность критериев, по которым деятельность или высказывания могут быть квалифицированы как экстремистские, что создает риски правовой неопределенности и избыточного применения норм.

Опять же, не менее актуальна проблема координации действий различных органов: ФСБ, МВД, прокуратуры, Росгвардии, исправительных учреждений и Роскомнадзора, где отсутствие единой правовой платформы обмена данными и согласования решений снижает эффективность превентивных мер. В политико-правовом аспекте требуется укрепление межведомственных механизмов, выработка общегосударственного подхода к оценке угроз и единых стандартов профилактической деятельности. В социокультурной плоскости необходимо формирование устойчивого общественного неприятия экстремистских идеологий через систему образования, культуру, средства массовой информации и институты гражданского общества. Мы полагаем, что перспективы совершенствования нормативно-правовой базы заключаются в кодификации законодательства о противодействии экстремизму, создании национального центра правового мониторинга экстремистских проявлений, а также в более активном привлечении научного сообщества к экспертной оценке законопроектов в данной сфере. Такой подход позволит обеспечить баланс между защитой государственной безопасности и соблюдением прав граждан, повысить прозрачность правоприменения и создать современную, гибкую и научно обоснованную модель противодействия экстремизму в России.

Таким образом, современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности государства, является важнейшим элементом национальной системы правопорядка, но в то же время нуждается в глубокой модернизации.

Основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, формируют необходимую основу для выявления, пресечения и профилактики экстремистских проявлений, однако их практическая реализация сталкивается с рядом противоречий. Прежде всего, это касается недостаточной определенности правовых категорий, размытости понятийного аппарата и дублирования функций различных ведомств. Сложившаяся правоприменительная практика нередко демонстрирует формальный подход,

что снижает эффективность профилактики и вызывает общественную критику. В условиях роста угроз киберэкстремизма и идеологического влияния через цифровые платформы актуализируется необходимость обновления законодательства с учетом информационной специфики современного общества.

Опыт взаимодействия ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, исправительных учреждений и Роскомнадзора показывает, что эффективное противодействие возможно лишь при выстраивании единой межведомственной системы обмена информацией и координации действий, а также при развитии аналитического и прогнозного потенциала. В политико-правовом аспекте требуется совершенствование механизмов парламентского и общественного контроля, а также правовая регламентация участия институтов гражданского общества в профилактике экстремизма. В социокультурной плоскости важным направлением остается формирование ценностной устойчивости общества через систему образования, культуру и патриотическое воспитание.

Данное исследование направлено на выработку рекомендаций, в том числе для включения в Концепцию развития законодательства о противодействии экстремизму нового поколения, ориентированных на цифровизацию процессов мониторинга, укрепление профилактических механизмов и обеспечение прозрачности правоприменения.

Отсутствие единого понятийного аппарата, несовершенство механизмов координации и различие в ведомственных критериях оценки экстремистской активности снижают эффективность системы в целом. Практика взаимодействия органов обеспечения безопасности и правопорядка (ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, Роскомнадзора, исправительных учреждений) демонстрирует, что результативность противодействия во многом зависит от качества информационного обмена, скорости реагирования и готовности к совместным действиям на межуровневой основе.

В политико-правовом аспекте требуется усиление нормативного регулирования деятельности в цифровой среде, где экстремизм проявляется в форме идеологического воздействия, манипуляции общественным сознанием и вербовки через социальные сети. В социокультурном измерении важно развивать просветительские и воспитательные практики, направленные на укрепление гражданской идентичности, толерантности и медиаграмотности, особенно среди молодежи. Мы считаем, что перспективным направлением совершенствования законодательства является создание комплексной концепции о противодействии экстремизму, интегрирующей правовые, организационные и профилактические меры. Также целесообразно формирование межведомственной цифровой платформы анализа рисков радикализации, объединяющей государственные и общественные ресурсы. Реализация этих мер позволит перейти от реактивного к проактивному формату правового регулирования, обеспечивая гармоничное сочетание интересов безопасности государства и защиты прав личности. Такой подход позволит сделать правовую систему более прозрачной, предсказуемой и адаптированной к современным вызовам, обеспечив баланс между защитой государства и соблюдением прав граждан.

Также актуально усиление роли парламентского и судебного контроля в сфере реализации антиэкстремистского законодательства и правовая защита граждан от возможных злоупотреблений при применении этих норм. Эффективность борьбы с экстремизмом определяется не только жесткостью закона, но и степенью доверия общества к институтам власти и правопорядка.

Нормативно-правовая база противодействия экстремизму, угрожающему национальной безопасности России, в последние годы значительно укрепилась, однако остается предметом активного совершенствования. Принятые законодательные акты создают основу для системной борьбы с экстремистской деятельностью, но в условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения форм идеологического воздействия возникает потребность в ее актуализации.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкой дифференциации между различными уровнями экстремистской активности – от идеологической пропаганды до организованных форм деструктивной деятельности, что затрудняет применение норм права и снижает их превентивный эффект. Кроме того, по-прежнему остаются вопросы согласованности правоприменения между федеральными и региональными структурами ФСБ, МВД, прокуратуры, Росгвардии и Роскомнадзора, исправительных учреждений. Практика показывает, что именно взаимодействие этих органов определяет результативность профилактических и оперативных мер, однако для повышения эффективности требуется единая цифровая система анализа угроз и правового мониторинга.

В политико-правовом аспекте актуальной задачей становится обеспечение прозрачности антиэкстремистского законодательства и недопущение его использования в ущерб конституционным правам граждан. В социокультурном измерении усилия государства должны быть направлены на укрепление общественной солидарности, развитие правовой культуры, воспитание медиаграмотности и формирование у молодежи устойчивых ценностей гражданской идентичности. Мы полагаем, что перспективным направлением развития нормативно-правовой базы является принятие единого кодифицированного акта о противодействии экстремизму, основанного на принципах баланса между безопасностью и правами личности, а также внедрение цифровых инструментов прогнозирования и раннего предупреждения экстремистских угроз. Такой подход позволит создать современную, гибкую и превентивно ориентированную систему правового регулирования, адекватную реалиям XXI века.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму в России выполняет стратегическую функцию защиты государства и общества от деструктивных идеологий, однако требует дальнейшего совершенствования с учетом изменяющихся политико-правовых и социокультурных условий. Несмотря на то, что основополагающие правовые

акты, в первую очередь Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», обеспечивают базовые механизмы выявления и пресечения экстремистских проявлений, в их реализации сохраняются проблемы правовой неопределенности, неоднозначности терминов и разрозненности ведомственных полномочий.

Назрела необходимость выработки долгосрочной концепции совершенствования законодательства, включающей четкое разграничение понятий, усиление парламентского контроля и развитие механизмов правового мониторинга. В социокультурном измерении ключевым направлением остается формирование у граждан критического восприятия информации, повышение уровня медиаграмотности и укрепление правосознания, особенно среди молодежи.

Реализация данных мер позволит выстроить сбалансированную модель правового регулирования, в которой защита безопасности государства будет сочетаться с сохранением демократических принципов и прав человека.

4.2. Фактор политической социализации общества как фундамент механизма обеспечения национальной безопасности в интересах обеспечения безопасности страны

Фактор политической социализации общества выступает системообразующим элементом в механизме обеспечения безопасности страны, поскольку именно через процессы усвоения гражданами политических ценностей, норм и моделей поведения формируется устойчивая политическая культура, препятствующая радикализации и распространению экстремистских идеологий.

Теоретико-методологическая основа исследования данного фактора предполагает интеграцию концепций политической культуры, теории социальных идентичностей и когнитивно-коммуникативных подходов,

позволяющих рассматривать политическую социализацию не как одноразовый процесс адаптации, а как динамичную систему формирования гражданской ответственности, критического мышления и доверия к институтам государства.

В условиях цифровой среды и информационных войн особое значение приобретает развитие механизмов политического просвещения и медиаграмотности, направленных на формирование иммунитета к манипуляциям и деструктивным нарративам. Рекомендуется усилить институциональные формы социализации – от школьного и вузовского образования до участия в гражданских практиках и добровольческих движениях через внедрение программ, направленных на обучение навыкам общественного диалога, конфликтной компетентности и критического восприятия политической информации. Дополнительно следует развивать межведомственные и общественно-государственные платформы мониторинга политических настроений и раннего выявления признаков экстремистской социализации, что позволит перейти от реактивной к превентивной модели обеспечения национальной безопасности.

Политическая социализация общества как фактор национальной безопасности требует переосмысления в контексте современных трансформаций общественно-политического пространства и гибридных угроз. Она должна рассматриваться не только как инструмент интеграции граждан в политическую систему, но и как средство формирования устойчивых механизмов общественной саморегуляции, способных нейтрализовать источники внутренней дестабилизации. Ключевым направлением становится разработка концепции «управляемой политической социализации», в рамках которой государство, институты гражданского общества и образовательная среда выступают не в роли идеологического монополиста, а как медиаторы консенсуса и носители политической культуры сотрудничества. На методологическом уровне важно опираться на междисциплинарный синтез, а именно, сочетание инструментов политической психологии, когнитивной

социологии, коммуникационных теорий и стратегического менеджмента рисков. Это позволит выработать комплексную модель оценки уровня политической социализации как индикатора общественной устойчивости и степени восприимчивости общества к экстремистским идеям.

В качестве рекомендаций мы предлагаем разработать национальную программу политической социализации и устойчивости гражданского общества, которая будет включать в себя:

1. введение индекса политической зрелости регионов, отражающего уровень гражданской вовлеченности и доверия к институтам власти;
2. создание платформ для «диалогового мониторинга», где представители государства, науки и гражданских инициатив совместно анализируют социокультурные риски;
3. интеграцию контрэкстремистских компетенций в систему общего и профессионального образования через проектные формы, ориентированные на участие молодежи в позитивных общественно-политических практиках;
4. формирование сети региональных центров политической профилактики, работающих на основе поведенческой аналитики и социокультурной диагностики.

Реализация подобных подходов позволит институционализировать политическую социализацию как стратегический ресурс национальной безопасности не только реактивный, но и опережающий фактор, обеспечивающий устойчивость общества к идеологическим, информационным и психологическим формам воздействия.

В долгосрочной перспективе политическая социализация должна рассматриваться как интеллектуально-нормативный фундамент национальной идентичности, обеспечивающий не только лояльность граждан к государству, но и готовность к конструктивному участию в развитии политической системы. В этом контексте ключевое значение приобретает переход от традиционной модели социализации, основанной на пассивной трансляции норм, к модели рефлексивной социализации, формирующей у граждан

способность к осмысленному выбору и устойчивому восприятию сложных политических процессов.

Теоретически данный подход может опираться на синтез институциональной теории и концепции «социального иммунитета»[1], согласно которой устойчивость государства к экстремизму и радикализму определяется не только эффективностью правоохранительных мер, но и качеством когнитивной и ценностной среды общества.

Для обеспечения безопасности страны важно выстраивать гуманитарно-технологическую инфраструктуру политической социализации, включающую системы анализа общественных настроений, нейросемантический мониторинг политического дискурса в медиа и разработку алгоритмов раннего предупреждения идеологической поляризации. Это позволит переходить от ситуативного реагирования к предиктивному управлению политическими рисками.

Представляется перспективным развитие концепции «гражданской устойчивости» как нового измерения национальной безопасности, где политическая социализация выступает не просто средством воспроизводства политической лояльности, а механизмом формирования субъектности граждан, способных распознавать и нейтрализовать манипулятивные воздействия. На этой основе можно выстроить стратегию «мягкой профилактики» экстремизма через ценностно-культурное насыщение пространства общественных коммуникаций, развитие просветительских медиа и поддержку инициатив, направленных на укрепление диалоговой культуры и доверия между властью и обществом.

Методологический инструментарий исследования политической социализации в контексте обеспечения национальной безопасности должен строиться на принципах системности, междисциплинарности и

[1] Жапуев З. А. Социальный иммунитет как предмет социолгического исследования: концептуализация понятия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2013.

проактивности. Системность позволяет рассматривать социализацию как многоуровневый процесс, включающий взаимодействие институциональных, ценностных, когнитивных и коммуникативных компонентов. Междисциплинарность обеспечивает синтез политологии, социологии, психологии, культурологии и киберсоциальных наук, что особенно важно в условиях цифровизации политического пространства. Проактивность, как методологический принцип, означает смещение акцента с реактивного реагирования на угрозы к их прогнозированию и нейтрализации через формирование устойчивых паттернов политического мышления и поведения граждан.

В рамках данного подхода целесообразно внедрение индикаторов политической социализации как диагностического инструмента оценки степени политической устойчивости общества. К таким индикаторам могут относиться: уровень политического доверия, индекс гражданской ответственности, степень участия в общественно-политических инициативах, распространенность конструктивных форм коммуникации в онлайн-пространстве, а также наличие позитивных ролевых моделей в публичной сфере. Эти показатели позволяют не только измерять эффективность текущей государственной политики, но и выявлять зоны потенциальной уязвимости, где возможно распространение экстремистских установок.

Особую значимость приобретает разработка моделей когнитивной профилактики – систем раннего выявления и коррекции искаженных политических представлений, способных трансформироваться в экстремистские формы поведения. Такие модели могут опираться на использование инструментов big data-аналитики, когнитивного картирования, анализа нарративов и эмоционально-семантического профилирования общественных дискуссий. В перспективе это позволит создать интеллектуальную платформу мониторинга политической социализации, объединяющую функции анализа, прогнозирования и управленческого

консультирования для органов государственной власти и институтов гражданского общества.

В итоге политическая социализация становится не только объектом научного анализа, но и прикладным инструментом национальной стратегии безопасности, где ключевую роль играет формирование политической зрелости, социальной солидарности и способности граждан к рациональному осмыслению политических процессов.

Современные вызовы – гибридные конфликты, цифровая фрагментация общественного сознания, кризис доверия к институтам требуют осмысления политической социализации как интегративного механизма стратегической устойчивости государства. Предлагается рассматривать ее не просто как процесс формирования политической идентичности граждан, а как динамическую систему управления общественным потенциалом, способную трансформировать латентные риски в ресурсы национальной консолидации. В рамках данной концепции можно выделить три взаимосвязанных уровня:

1. Когнитивно-нормативный уровень – формирование критического мышления, гражданской идентичности и политической грамотности через систему образования, медиа и культурные институты.

2. Институционально-коммуникативный уровень – развитие платформ доверия между государством и обществом, создание пространств конструктивного диалога, участие граждан в принятии решений на локальном и национальном уровнях.

3. Ценностно-мотивационный уровень – укрепление позитивных символов государственной идентичности, формирование чувства сопричастности и социальной ответственности за судьбу страны.

Такая модель предполагает, что политическая социализация выступает «мягкой силой внутренней безопасности», обеспечивающей устойчивость общества к идеологическим диверсиям и манипуляциям. Для ее реализации необходим переход от декларативной профилактики экстремизма к программно-институциональной политике воспитания гражданской зрелости,

где ключевым критерием эффективности будет не количество выявленных угроз, а степень общественной вовлеченности, диалогичности и солидарности.

Перспективным направлением научных исследований становится разработка методологии оценки уровня политической резильентности, позволяющей измерять способность общества адаптироваться к политическим стрессам без потери идентичности и доверия. Реализация данной концепции способна стать основой для формирования новой парадигмы национальной безопасности – гуманитарно-центричной, где защита государства обеспечивается не только военной или экономической мощью, но и качеством политической культуры его граждан.

В стратегическом контексте политическая социализация общества должна рассматриваться как долгосрочный проект формирования политического субъекта национального развития. Национальная безопасность в XXI веке определяется не столько ресурсной или военной мощью, сколько уровнем зрелости общественного сознания, способностью граждан осознанно участвовать в процессах принятия решений и разделять ответственность за состояние государства. Таким образом, формирование устойчивых паттернов политического поведения становится задачей, требующей не только институциональных усилий, но и философии политического воспитания, основанной на ценностях диалога, доверия и социальной справедливости.

Особое внимание следует уделить феномену ценностной турбулентности, проявляющемуся в утрате ориентации на общественное благо и подмене гражданских интересов индивидуалистическими или радикальными мотивами. В этой связи политическая социализация должна включать механизмы ценностной реабилитации, направленные на восстановление культурных и моральных основ коллективной идентичности. Одним из эффективных направлений может стать внедрение аксиологических модулей в образовательные и медиакоммуникационные программы, акцентирующих идею сопричастности к судьбе страны, значимость правового

государства, уважение к иному мнению и отказ от насилия как формы политического выражения.

Методологически важно исходить из принципа синергии государственных и общественных усилий. Только при взаимодействии институтов власти, экспертных сообществ, образования, религиозных и культурных организаций возможно создание устойчивой среды политической социализации, где доминирует культура ответственности и взаимного уважения. При этом государственная политика должна не навязывать идеологию, а создавать условия для осознанной самоидентификации граждан в рамках общенациональных ценностей, что и является наилучшей профилактикой экстремизма.

В качестве перспективной рекомендации можно предложить формирование Национальной платформы политического развития граждан, интегрирующей научно-образовательные, культурные и цифровые ресурсы для постоянного повышения уровня политической компетентности населения. Такая платформа могла бы стать инструментом адаптации граждан к быстро меняющимся политическим и технологическим условиям, а также механизмом «гуманитарного щита» – защиты общества от внешнего идеологического давления и внутренних конфликтов.

В долгосрочной перспективе именно качественная политическая социализация становится стратегическим ресурсом безопасности не столько оборонительным, сколько созидательным. Она формирует общество, способное не только противостоять кризисам, но и использовать их как импульс для обновления и консолидации, что в итоге превращает национальную безопасность в результат зрелости общественного сознания и гармонии государства с его гражданами.

Совокупный анализ политической социализации как фактора национальной безопасности позволяет утверждать, что именно через данный механизм осуществляется не только интеграция личности в политическую систему, но и воспроизводство самой основы политической стабильности

государства. Политическая социализация формирует ценностно-когнитивный каркас национальной идентичности, обеспечивая преемственность политических норм, доверие к институтам и готовность граждан действовать в правовом поле. При этом от качества и направленности процессов социализации напрямую зависит уровень политической устойчивости общества и его восприимчивость к деструктивным идеологиям.

Таким образом, ключевой теоретико-методологический вывод заключается в том, что политическая социализация должна рассматриваться не как побочный продукт общественного развития, а как целенаправленный управляемый процесс, встроенный в систему национальной безопасности. Такая позиция требует переосмысления традиционных подходов – перехода от реактивной модели «борьбы с угрозами» к модели опережающего формирования политической устойчивости, где акцент делается на профилактике экстремизма через развитие культуры диалога, критического мышления и гражданской ответственности.

В своем исследовании мы предлагаем проект концепции противодействия экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны как гуманитарного ядра национальной безопасности, предполагающей:

1. институционализацию политической социализации как самостоятельного направления государственной политики;
2. формирование интегрированной системы «образование – культура – медиа – гражданские практики» для развития политической грамотности и ценностной устойчивости граждан;
3. введение системы индикаторов политической резильентности, позволяющих оценивать устойчивость общества к экстремистским и манипулятивным воздействиям;
4. создание национальной платформы политического развития граждан как инструмента постоянного повышения политической компетентности и вовлеченности населения;

5. использование когнитивно-коммуникационных технологий для мониторинга и раннего предупреждения процессов деструктивной социализации в цифровом пространстве.

Следовательно, политическая социализация выступает фундаментом концепции «умной безопасности» – модели, в которой защита государства обеспечивается не только силовыми и правовыми методами, но и развитием интеллектуального, культурного и ценностного потенциала нации. В условиях нарастающих глобальных рисков именно формирование зрелого политического сознания становится главным условием внутренней консолидации, устойчивости к внешнему влиянию и способности общества к самообновлению.

Современная методологическая парадигма анализа национальной безопасности требует отхода от узкоинструментального понимания угроз и перехода к рассмотрению безопасности как качественного состояния общественного сознания. В этом контексте политическая социализация выступает не просто одним из факторов, а онтологическим основанием безопасности государства, поскольку именно в процессе социализации формируются устойчивые когнитивные и ценностные паттерны, определяющие отношение граждан к власти, праву, справедливости и ответственности.

Дальнейшее развитие концепции требует опоры на принципы когнитивно-коммуникативного реализма – признание того, что информационно-политическая среда не является нейтральной: она формирует восприятие реальности, и, следовательно, должна управляться с позиций гуманитарной безопасности. Это означает необходимость включения в стратегию национальной безопасности направлений, связанных с управлением когнитивными потоками, формированием позитивных смыслов и общественных нарративов, укрепляющих чувство сопричастности и общегражданской солидарности.

Особое значение в этом контексте приобретает социальная инженерия доверия – выстраивание таких институтов и коммуникационных практик, которые способствуют укреплению горизонтальных связей, прозрачности политического диалога и взаимной ответственности государства и граждан. Это не только усиливает политическую социализацию, но и повышает адаптивную емкость общества, его способность к самоорганизации и конструктивному преодолению кризисов.

В качестве дальнейших теоретико-практических предложений целесообразно:

1. разработать проект концепции «**п**ротиводействия экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны», в рамках которой политическая социализация рассматривается как системный процесс формирования политической зрелости, идентичности и социальной сплоченности;

2. институционализировать механизмы ценностно-коммуникативной экспертизы государственных решений, направленных на профилактику экстремизма и укрепление общественного согласия;

3. создать интегрированную базу данных социально-политических индикаторов, позволяющую прогнозировать риски деструктивной социализации и разрабатывать целевые программы гражданского развития;

4. усилить роль академического и экспертного сообщества в мониторинге процессов политической социализации и разработке моделей политической резильентности регионов.

Тем самым политическая социализация становится не только предметом анализа, но и категорией государственного управления, которая объединяет в себе идеологический, социокультурный и образовательный векторы, обеспечивая целостность национального пространства. Именно в этом проявляется ее стратегическая функция – трансформация общественного сознания в ресурс безопасности, где главным объектом защиты становится не территория, а смысловое и ценностное единство нации.

В конечном итоге политическая социализация предстает не просто как педагогический или идеологический процесс, а как философско-гуманитарная основа устойчивости государства, выражающая единство национального духа, политической воли и гражданской ответственности. Она формирует человека не как пассивного объект управления, а как активного субъекта политического бытия, способного к осознанному участию в судьбе страны. В этом смысле политическая социализация становится человекоцентричным ядром национальной безопасности, так как именно в человеке, в его способности мыслить критически, сохранять верность нравственным принципам и действовать во имя общего блага заключен главный ресурс выживания и развития государства. Национальная безопасность будущего – это не только сильная армия и эффективные институты, но и зрелое общество, где политическая культура, мораль и рациональность образуют единое пространство смыслов.

Следовательно, только через гармонизацию политического и гуманитарного измерений, через развитие рефлексивной и ответственной политической социализации можно обеспечить подлинную устойчивость государства в эпоху неопределенности и глобальных рисков. Это формирует не просто безопасное, но созидательное общество, в котором безопасность становится не состоянием обороны, а состоянием внутренней гармонии – доверия, солидарности и духовной зрелости гражданского коллектива.

4.3. Государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму как угрозы безопасности государства

Современная политическая реальность Российской Федерации демонстрирует, что экстремизм, в его различных проявлениях: идеологическом, религиозном, этнополитическом, молодежном и цифровом и т.д. представляет собой одну из наиболее опасных угроз безопасности государства и общественной стабильности. Его деструктивное воздействие

направлено не только на подрыв основ государственного управления и конституционного строя, но и на разрушение ценностно-нормативных основ общества, подрыв доверия к институтам власти, дезинтеграцию социальной и культурной среды. В этой связи государственная политика выступает не просто совокупностью управленческих мер, а системным инструментом стратегического противодействия экстремизму, способным объединять правовые, организационные, идеологические и информационно-коммуникативные ресурсы государства.

Государственная политика противодействия экстремизму представляет собой комплексную деятельность государства, направленную на выявление, предупреждение, пресечение и нейтрализацию экстремистских угроз, а также на формирование устойчивых механизмов профилактики и социальной реинтеграции лиц, вовлеченных в деструктивную деятельность. Ее ключевая особенность заключается в системности и межведомственном характере, что позволяет объединять усилия силовых, правовых, образовательных и культурно-идеологических институтов для достижения единой цели – обеспечения безопасности личности, общества и государства.

В теоретико-методологическом плане государственная политика противодействия экстремизму базируется на положениях концепции национальной безопасности, доктрины информационной безопасности, а также на стратегических документах, определяющих приоритеты внутренней и внешней политики Российской Федерации. Системное понимание государственной политики в данном контексте предполагает рассмотрение ее не только как механизма правоприменения, но и как инструмента формирования общественного сознания и идеологических ориентиров. Именно сочетание юридического и идеологического компонентов обеспечивает целостность и эффективность антиидеологической деятельности государства.

Перспективность государственной политики как инструмента противодействия экстремизму обусловлена ее интегративной природой.

Государственная политика позволяет соединить в едином управленческом контуре различные типы ресурсов: правовые (нормотворчество, судебная практика, контроль), организационные (институциональные структуры, межведомственные комиссии), информационные (медиа, цифровая аналитика, мониторинг сетевых сообществ) и идеологические (формирование гражданской идентичности, патриотического сознания, укрепление традиционных ценностей). Такое многоуровневое взаимодействие обеспечивает устойчивость системы противодействия экстремизму, переводя ее из разрозненных мер в координированную стратегическую деятельность.

Особое значение приобретает упреждающий характер государственной политики. Если ранее борьба с экстремизмом преимущественно имела реактивный характер, ограничиваясь мерами пресечения и наказания, то в современных условиях эффективность политики определяется способностью государства предвосхищать и нейтрализовать предпосылки экстремистских проявлений. Это требует внедрения превентивных инструментов: постоянного мониторинга общественных настроений, анализа идеологических трендов, выявления каналов распространения радикальных идей и их идеологической трансформации в конструктивное русло.

Кроме того, государственная политика противодействия экстремизму должна учитывать социокультурную специфику российского общества, его историческую многоконфессиональность, этническое разнообразие и традиционные духовно-нравственные ценности. Формирование политики без учета этих особенностей приводит к снижению ее легитимности и эффективности. Поэтому особое значение приобретает развитие общественно-государственного партнерства, при котором органы власти взаимодействуют с институтами гражданского общества, религиозными объединениями, средствами массовой информации, экспертными и образовательными сообществами.

Перспективное развитие государственной политики в области противодействия экстремизму предполагает переход к интегрированной модели стратегического управления, основанной на следующих принципах:

1. системность и межведомственность, обеспечивающие согласованность действий федеральных, региональных и муниципальных органов власти;

2. превентивность и проактивность, ориентированные на раннее выявление и нейтрализацию угроз;

3. идеологическая устойчивость, предполагающая укрепление национальной идентичности и формирование позитивных ценностных ориентиров;

4. научно-аналитическое обеспечение, включающее создание диагностических центров мониторинга и прогнозирования экстремистской активности;

5. информационная открытость и гражданское участие, способствующие повышению доверия общества к государственным институтам.

Таким образом, государственная политика выступает ключевым перспективным инструментом противодействия экстремизму, поскольку именно она обладает возможностью координировать усилия различных сфер – от правовой и силовой до образовательной и культурной. Ее стратегический потенциал заключается в способности формировать устойчивые механизмы социальной саморегуляции, идеологической консолидации и общественной безопасности. Реализация комплексной государственной политики противодействия экстремизму, основанной на синтезе правовых, организационных и духовно-нравственных принципов, является не только гарантией политической стабильности, но и важнейшим условием укрепления национального суверенитета и безопасности Российской Федерации в долгосрочной перспективе.

Современные процессы глобализации, цифровой трансформации и роста идеологического многообразия формируют новые вызовы для национальной безопасности Российской Федерации. Одним из таких вызовов выступает эволюционирующий характер экстремизма, который адаптируется к изменяющимся социальным, политическим и технологическим условиям. В этих обстоятельствах государственная политика должна не только реагировать на уже проявившиеся формы экстремистской активности, но и выступать активным фактором предупреждения и сдерживания идеологически мотивированных угроз, обеспечивая устойчивость социума и сохранение единого правового пространства государства.

Перспективность государственной политики в данной сфере определяется ее стратегическим, комплексным и регулирующим характером. В отличие от частных антикризисных мер, государственная политика представляет собой устойчивую систему целеполагания, планирования и координации, в рамках которой объединяются усилия всех ветвей власти, институтов гражданского общества, образовательной и научной среды. Такая интеграция создает условия для формирования национальной модели противодействия экстремизму, основанной на сочетании правовых и ценностно-идеологических подходов.

Эффективная государственная политика должна включать три взаимосвязанных уровня:

1. нормативно-правовой, определяющий правовые рамки и ответственность за экстремистскую деятельность, формирующий единые критерии правоприменения и защиты прав граждан;

2. институционально-организационный, предусматривающий создание механизмов межведомственного взаимодействия, формирование специализированных координационных структур, совершенствование информационного обмена между субъектами профилактики;

3. идеолого-ценностный уровень, обеспечивающий формирование позитивной гражданской идентичности, укрепление традиционных ценностей и развитие культуры межэтнического и межконфессионального согласия.

Особое внимание в современной государственной политике должно уделяться информационно-коммуникативному измерению экстремизма, поскольку именно цифровое пространство становится ключевой ареной идеологического противоборства. Сетевые сообщества, социальные медиа и мессенджеры активно используются для вербовки, пропаганды и радикализации граждан. В этих условиях государственная политика приобретает инновационное измерение, направленное на создание комплексной системы мониторинга, прогнозирования и контентного противодействия деструктивным информационным потокам.

Следует отметить, что государственная политика противодействия экстремизму не должна сводиться исключительно к административно-репрессивным мерам. Ее перспективность заключается в способности сочетать силовые и превентивные механизмы, создавая баланс между правовым регулированием и формированием устойчивого общественного иммунитета к радикализму. Превентивный потенциал государственной политики проявляется через систему образования, просвещения, социального патриотизма, формирование культуры межличностной и межэтнической толерантности.

Научно-практический анализ показывает, что успешное противодействие экстремизму возможно только в условиях развитой институциональной среды, где реализуются следующие ключевые принципы государственной политики:

1. научная обоснованность, предполагающая использование современных методов социологического, политологического и психологического анализа для оценки факторов экстремизма;

2. превентивность и прогнозируемость, обеспечивающие возможность раннего выявления угроз и их нейтрализации до перехода в активную фазу;

3. информационно-аналитическая интеграция, включающая создание единой государственной базы данных экстремистских проявлений и их влияния на социальную стабильность;

4. согласованность и непрерывность, выражающаяся в межведомственном характере принимаемых решений и преемственности стратегических документов;

5. идеологическая сбалансированность, обеспечивающая защиту общества от деструктивных идеологий при сохранении конституционных свобод и демократических принципов.

С точки зрения стратегического управления, государственная политика противодействия экстремизму должна быть ориентирована на долгосрочную перспективу, включая цели, задачи и индикаторы эффективности до 2035 года. Это предполагает разработку Межведомственной концепции “О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны”, которая станет концептуальной основой для синхронизации усилий органов государственной власти, правоохранительных структур, образовательных и культурных институтов.

Перспективным направлением развития является внедрение цифровых инструментов мониторинга экстремистской активности, в том числе технологий анализа больших данных, машинного обучения и искусственного интеллекта для выявления скрытых сетевых угроз. Такие механизмы позволят повысить точность прогнозов, оптимизировать профилактическую работу и минимизировать риски распространения экстремистских идей среди молодежи.

Не менее важным является формирование идеологического каркаса государственной политики, направленного на укрепление национальной идентичности, развитие гражданской солидарности и воспитание

ответственности перед обществом и государством. Только при сочетании нормативного, организационного и духовно-нравственного компонентов государственная политика способна стать подлинно системным инструментом обеспечения национальной безопасности.

Следовательно, государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму является фундаментальным механизмом укрепления устойчивости российского государства. Ее эффективность определяется не только качеством правового регулирования, но и степенью идеологической и гражданской консолидации общества. Государственная политика в этой сфере – это не статичная структура, а динамическая система, способная адаптироваться к новым вызовам, вырабатывать эффективные ответы и формировать стратегические ориентиры развития национальной безопасности Российской Федерации в XXI в.

Перспективный характер государственной политики противодействия экстремизму обусловлен ее способностью выступать интеграционным механизмом государственной безопасности, объединяющим усилия различных субъектов: от федеральных органов власти до институтов гражданского общества. В современных условиях именно государственная политика становится тем системообразующим инструментом, который обеспечивает не только защиту от уже проявившихся угроз, но и формирование устойчивой среды, минимизирующей предпосылки для радикализации и экстремистской активности.

Развитие государственной политики в сфере противодействия экстремизму должно рассматриваться сквозь призму концепции «устойчивого развития безопасности», где приоритет отдается не карательно-репрессивным мерам, а социальной профилактике, культурному и образовательному влиянию, укреплению ценностных основ общества. Только такая политика может обеспечить долгосрочный эффект, формируя в общественном сознании устойчивый иммунитет к экстремистским идеологиям.

Ключевым направлением в этом контексте становится развитие государственной идеологической и информационной политики, направленной на консолидацию общества вокруг базовых ценностей: патриотизма, законопослушания, социальной справедливости и гражданской ответственности. Формирование позитивного мировоззренческого пространства – важнейшее условие снижения привлекательности экстремистских идей. Государство должно целенаправленно выстраивать коммуникационные стратегии, способные противостоять радикальным нарративам и манипулятивным практикам, распространяемым через Интернет и социальные сети.

Кроме того, современная государственная политика должна включать элемент ситуационного прогнозирования и оперативного реагирования. В этом смысле перспективным направлением становится развитие системы интеллектуального мониторинга и диагностики экстремистских проявлений, интегрирующей базы данных правоохранительных структур, экспертных сообществ, образовательных учреждений и региональных органов власти. Создание такой системы позволит не только фиксировать случаи экстремистской активности, но и строить аналитические модели, прогнозирующие динамику угроз.

Важной особенностью государственной политики противодействия экстремизму является ее межсекторный и межведомственный характер. В реализации этой политики участвуют не только силовые структуры, но и органы образования, культуры, науки, информационные агентства и общественные объединения. Такая многослойность позволяет охватывать все уровни социальной системы: от федерального до локального и обеспечивать комплексный подход к проблеме.

Эффективная государственная политика невозможна без четкой нормативно-правовой базы, обеспечивающей баланс между защитой национальной безопасности и соблюдением прав и свобод граждан. В этом отношении особое значение имеет Федеральный закон «О противодействии

экстремистской деятельности», а также положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, Доктрины информационной безопасности и Концепции государственной миграционной политики. В совокупности эти документы формируют нормативный каркас, в рамках которого реализуются конкретные меры, направленные на нейтрализацию экстремистских угроз.

Перспективность государственной политики также заключается в ее адаптивности и динамичности. В условиях стремительно изменяющейся социальной среды государственная политика должна быть способна оперативно реагировать на трансформацию угроз, корректировать приоритеты и методы воздействия. Это особенно важно в цифровую эпоху, когда экстремистская идеология способна стремительно распространяться в сети и принимать новые формы: от «киберэкстремизма» до виртуальных сообществ радикальной направленности.

Неотъемлемым компонентом государственной политики противодействия экстремизму является развитие системы образования и просвещения. Воспитание гражданина, осознающего ценность правового государства и социальной стабильности, становится стратегическим направлением обеспечения безопасности. В этом контексте образование рассматривается не только как механизм передачи знаний, но и как инструмент формирования национального самосознания и гражданской ответственности.

Особое внимание должно уделяться взаимодействию государства и общества. Без активного участия граждан, общественных организаций, профессиональных сообществ и СМИ государственная политика не сможет достичь необходимого уровня эффективности. Создание устойчивых каналов общественной обратной связи, поддержка волонтерских и молодежных антиидеологических движений, организация общественных наблюдательных советов при органах власти – все это усиливает легитимность и действенность государственной политики.

Таким образом, перспективность государственной политики противодействия экстремизму заключается в ее способности:

1. обеспечивать стратегическое единство между целями национальной безопасности и задачами социокультурного развития;

2. интегрировать правовые, организационные, идеологические и информационные ресурсы государства в единую систему управления угрозами;

3. формировать общественную устойчивость через развитие просвещения, укрепление доверия к власти и поддержку традиционных ценностей;

4. адаптироваться к трансформации угроз за счет гибкости стратегического планирования и внедрения инновационных технологий мониторинга;

5. создавать условия для устойчивого общественно-государственного партнерства, основанного на общих целях обеспечения национальной безопасности.

В совокупности эти элементы формируют новый тип государственной политики, ориентированной не только на борьбу с проявлениями экстремизма, но и на глубокое переосмысление его социальных корней, нейтрализацию идеологических предпосылок и создание механизмов общественной саморегуляции.

Именно поэтому государственная политика выступает наиболее перспективным и стратегически значимым инструментом противодействия экстремизму, позволяющим объединить правовые, интеллектуальные и духовно-нравственные ресурсы общества в интересах укрепления суверенитета и безопасности Российской Федерации.

Концептуальные основания и модель государственной политики противодействия экстремизму до 2035 года.

Современные реалии общественно-политического развития Российской Федерации показывают, что экстремизм не является статичным

феноменом. Он постоянно видоизменяется, приобретая новые формы – от идеологического и этнополитического до информационно-коммуникативного и киберэкстремизма. Это требует от государства системной адаптации стратегических подходов и формирования такой модели государственной политики, которая способна интегрировать принципы устойчивости, прогнозирования и гибкости управления рисками.

В контексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Концепции общественной безопасности особую актуальность приобретает необходимость разработки единой долгосрочной модели государственной политики противодействия экстремизму до 2035 года, которая должна базироваться на следующих концептуальных положениях:

1. Научно-аналитическая обоснованность – обеспечение политики на основе современных междисциплинарных исследований, включающих политологический, правовой, социокультурный и психологический анализ факторов экстремизма.

2. Системность и комплексность – объединение мер правового регулирования, идеологического воздействия, информационного мониторинга и образовательной профилактики в едином стратегическом контуре.

3. Превентивный и адаптивный характер – смещение акцента с реагирования на предупреждение, с карательных мер на формирование социально-культурной устойчивости.

4. Межведомственная координация – установление четких механизмов взаимодействия между органами федеральной, региональной и муниципальной власти, правоохранительными структурами и институтами гражданского общества.

5. Ориентация на ценностно-нравственные основания – укрепление духовно-нравственных и культурных традиций российского общества как фундамента профилактики экстремизма.

Эта модель предполагает построение многоуровневой системы государственного управления в сфере противодействия экстремизму, включающей стратегический, тактический и операциональный уровни:

1. Стратегический уровень – разработка и утверждение национальных приоритетов, формирование нормативно-правовой и концептуальной базы, утверждение долгосрочной межведомственной программы «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны (до 2035 года)».

2. Тактический уровень – реализация федеральных и региональных программ профилактики экстремизма, внедрение системного мониторинга, проведение информационно-просветительских кампаний, развитие кадрового и научного потенциала.

3. Операциональный уровень – непосредственная деятельность органов власти, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций, правоохранительных структур по предотвращению, нейтрализации и ресоциализации участников экстремистской деятельности.

Одним из ключевых направлений модели является создание национальной системы диагностики и мониторинга экстремистской активности, которая позволит осуществлять непрерывный сбор и анализ данных о тенденциях, рисках и уровне угроз. Такая система должна использовать современные технологии искусственного интеллекта, большие данные и методы когнитивной аналитики для прогнозирования динамики идеологических процессов и предотвращения их деструктивного развития.

Важным элементом государственной политики становится информационно-коммуникативное противодействие экстремизму. Оно включает в себя:

1. разработку и реализацию антиидеологических и антирекрутинговых программ в цифровом пространстве;

2. формирование системы позитивного контента, укрепляющего национальную идентичность;

3. поддержку социальных и медиапроектов, продвигающих ценности гражданственности и общественной солидарности;

4. подготовку специалистов в области медиабезопасности и идеологического анализа.

В перспективе до 2035 года государственная политика должна опираться на инновационные управленческие технологии, включая цифровое моделирование угроз, создание ситуационных центров мониторинга и оперативного реагирования, развитие аналитических платформ на базе межведомственного взаимодействия.

Не менее значимым направлением является развитие образовательной и культурной составляющей политики противодействия экстремизму. В современных условиях именно образование и культура формируют основу устойчивого мировоззрения, способного противостоять деструктивным идеям. Необходимо расширение просветительских программ, внедрение курсов гражданского и правового воспитания, развитие академических и молодежных инициатив, ориентированных на укрепление патриотизма и социальной ответственности.

В идеологическом измерении государственная политика должна быть направлена на укрепление национального единства, формирование позитивного образа государства как гаранта безопасности, справедливости и развития. Для этого важно развивать государственно-общественные коммуникации, поддерживать диалог между властью и обществом, а также стимулировать общественные инициативы, направленные на укрепление правовой и гражданской культуры.

Таким образом, государственная политика противодействия экстремизму как перспективный инструмент обеспечения безопасности государства должна стать саморегулирующейся и адаптивной системой, включающей нормативно-правовые, институциональные, информационные и идеологические механизмы. Ее стратегический потенциал заключается в способности не только нейтрализовать угрозы, но и формировать ценностно

устойчивую социальную среду, исключающую идеологическую почву для радикализации.

Реализация предложенной модели государственной политики позволит:

1. повысить уровень защищенности российского общества от идеологических и информационных угроз;
2. укрепить межэтническое и межконфессиональное согласие;
3. сформировать единое антиидеологическое пространство в рамках национальной идентичности;
4. создать эффективный механизм межведомственного и общественного взаимодействия;
5. обеспечить стратегическую устойчивость государства в условиях глобальных вызовов XXI века.

В долгосрочной перспективе государственная политика противодействия экстремизму должна стать неотъемлемой частью национальной системы стратегического планирования и рассматриваться в контексте комплексной модели безопасности, где политическая стабильность, социальная сплоченность и духовно-нравственные ценности выступают взаимосвязанными факторами устойчивого развития Российской Федерации.

Обобщая проведенный анализ, можно констатировать, что государственная политика противодействия экстремизму представляет собой не просто совокупность мер реагирования на деструктивные проявления, но и фундаментальный стратегический инструмент обеспечения внутренней безопасности и политической устойчивости государства. Ее эффективность напрямую зависит от способности государства объединять усилия всех субъектов – власти, общества, науки, культуры и образования в едином идейно-нормативном и организационном пространстве.

В современных условиях развитие государственной политики в данной сфере требует углубления научной базы и усиления концептуальной целостности. Необходим переход от ведомственно-разрозненного

реагирования к интеграционной модели управления, ориентированной на долгосрочные цели и приоритеты национальной безопасности. Государственная политика должна обладать чертами системности, преемственности и адаптивности, а ее реализация – опираться на принципы социального партнерства, правового равновесия и идеологической сбалансированности.

В рамках диссертационного исследования выделяются ключевые **научно-практические направления совершенствования государственной политики противодействия экстремизму**:

1. **Нормативно-правовое развитие:**

- уточнение и гармонизация понятийно-категориального аппарата законодательства о противодействии экстремистской деятельности;
- разработка комплексного федерального закона или концептуального акта «О государственной политике в сфере противодействия экстремизму», устанавливающего цели, принципы и механизмы реализации данной политики;
- совершенствование правоприменительной практики с учетом судебных прецедентов и международного опыта, при строгом соблюдении прав и свобод граждан.

2. **Организационно-институциональное совершенствование:**

- создание единой межведомственной системы координации действий федеральных и региональных органов власти, правоохранительных структур и институтов гражданского общества;
- формирование национального ситуационного центра мониторинга экстремистской активности, интегрирующего данные различных ведомств, образовательных и научных учреждений;
- развитие кадрового потенциала в сфере профилактики экстремизма, в том числе подготовка специалистов в области политико-правового анализа, конфликтологии и медиабезопасности.

3. **Информационно-аналитическая и цифровая трансформация:**

- внедрение технологий больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования экстремистских рисков и выявления сетевых структур;

- разработка государственной платформы мониторинга идеологического пространства и фиксации угроз в цифровой среде;

- создание позитивных медиапроектов, направленных на формирование у населения устойчивого неприятия экстремистских идеологий и укрепление доверия к институтам власти.

4. **Идеолого-воспитательное и социокультурное направление:**

- формирование государственной идеологической политики, укрепляющей духовно-нравственные ценности, патриотизм и правовую культуру граждан;

- развитие программ гражданского и правового образования, включающих аспекты профилактики идеологического и религиозного радикализма;

- поддержка общественных инициатив, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия.

5. **Международное сотрудничество и гуманитарная дипломатия:**

- активизация взаимодействия с международными организациями и партнерами в рамках борьбы с транснациональными формами экстремизма;

- разработка единой платформы обмена информацией и опытом противодействия идеологическим угрозам;

- продвижение гуманитарных и культурных инициатив России как альтернативы деструктивным идеологическим моделям.

В стратегическом плане государственная политика противодействия экстремизму должна стать неотъемлемой частью национальной системы планирования безопасности и устойчивого развития. Ее реализация до 2035 года должна предусматривать:

1. формирование единой межведомственной концепции противодействия экстремизму;

2. разработку государственной программы «Безопасное общество»;

3. институционализацию межведомственного экспертно-аналитического совета при Совете Безопасности Российской Федерации;

4. регулярное общественное обсуждение эффективности принимаемых мер.

Научная и практическая значимость предложенных рекомендаций состоит в том, что они позволяют перейти от реактивной модели борьбы к превентивно-прогностической парадигме государственной политики, где акцент делается не на устранение последствий, а на устранение причин и идеологических предпосылок экстремизма.

В долгосрочной перспективе государственная политика противодействия экстремизму должна рассматриваться как структурообразующий элемент национальной безопасности, обеспечивающий:

1. укрепление социально-политической стабильности;

2. повышение уровня доверия граждан к государству;

3. формирование идеологического единства и патриотической консолидации общества;

4. сохранение культурного и цивилизационного суверенитета Российской Федерации.

В этом заключается ее перспективный и стратегический потенциал – способность не только защищать государство от внутренних и внешних угроз, но и формировать основу устойчивого, безопасного и справедливого общественного развития.

Развитие современной российской государственности демонстрирует, что борьба с экстремизмом давно вышла за рамки исключительно силового противостояния. Экстремизм все более проявляется как многофакторное, междисциплинарное и глубоко социальное явление, которое требует системных подходов, объединяющих усилия правовой, культурной, образовательной и информационной сфер. Именно государственная политика,

выступая как управленческий и идеологический инструмент, способна соединить эти сферы в единую целостную систему.

Перспективность государственной политики в противодействии экстремизму определяется ее способностью формировать нормативно и морально обоснованные механизмы регулирования общественных отношений, обеспечивая баланс между защитой государства и правами личности. Государственная политика выступает не просто средством реагирования на угрозы, а фактором созидания безопасного общественного пространства, в котором профилактика и просвещение становятся приоритетами над репрессией.

Особое значение имеет идеологическая составляющая государственной политики. Противодействие экстремизму невозможно без формирования устойчивого ценностного ядра, вокруг которого консолидируется общество. Это ядро должно включать такие фундаментальные принципы, как патриотизм, гражданская солидарность, правовая культура, уважение к истории и традициям российского народа. В этом контексте важным направлением является развитие гуманитарных и образовательных технологий, способствующих укреплению духовно-нравственного иммунитета общества.

Государственная политика противодействия экстремизму также должна обладать высокой степенью адаптивности. Новые формы угроз – цифровой экстремизм, идеологическая манипуляция в социальных сетях, кибервербовка требуют принципиально новых подходов. Поэтому перспективная политика должна быть основана на инновационной управленческой модели, использующей цифровые технологии, интеллектуальные системы мониторинга и прогнозирования, а также механизмы «умного» стратегического планирования.

Необходимо признать, что успех государственной политики в противодействии экстремизму во многом зависит от качества взаимодействия между государством и обществом. Государство, обладая исключительной

компетенцией в сфере безопасности, должно выступать инициатором и координатором совместных действий, но не единственным субъектом противодействия. Общественные объединения, образовательные учреждения, религиозные организации, научные сообщества – все они являются носителями значительного потенциала профилактического воздействия. Формирование системы общественно-государственного партнерства в сфере безопасности становится стратегическим направлением, способным значительно повысить эффективность антиидеологической деятельности.

Рассматривая государственную политику как перспективный инструмент противодействия экстремизму, важно подчеркнуть ее трансформационную природу: она не только нейтрализует угрозы, но и трансформирует социальную среду, делая ее менее восприимчивой к деструктивным идеям. В этом заключается ее стратегическое отличие от узкосиловых или ведомственных подходов. Государственная политика создает механизм саморазвития и саморегуляции общества, основанный на устойчивом правовом и ценностном порядке.

Научное осмысление роли государственной политики позволяет утверждать, что в перспективе до 2035 года ее главной целью должно стать создание устойчивой антиэкстремистской архитектуры российского общества, где идеологическая безопасность рассматривается как равнозначная экономической, военной и политической составляющим национальной безопасности.

Для достижения этой цели требуется:

- интеграция антиextремистской политики в общегосударственные стратегии развития и цифровизации;

- разработка комплексных индикаторов эффективности реализации государственной политики;

- формирование системы общественной экспертизы и независимой оценки качества антиextремистских программ;

- укрепление международных механизмов сотрудничества в области противодействия транснациональному экстремизму;

- развитие экспертного и научного потенциала в области изучения радикальных идеологий и информационных угроз.

В более широком смысле государственная политика противодействия экстремизму становится элементом национального цивилизационного проекта, направленного на сохранение суверенитета, культурного единства и духовного наследия российского общества. Ее реализация позволяет не только обеспечить внутреннюю стабильность, но и укрепить международные позиции Российской Федерации как государства, демонстрирующего пример ответственного и сбалансированного подхода к обеспечению безопасности личности, общества и государства.

Таким образом, государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму обладает многоуровневым потенциалом: правовым, институциональным, информационным и ценностно-идеологическим. Ее развитие и совершенствование должны рассматриваться как приоритетное направление стратегического планирования безопасности Российской Федерации на долгосрочную перспективу.

Выводы к 4 главе. В заключении можно утверждать, что эффективная государственная политика в сфере противодействия экстремизму – это не просто система мер, а целостная философия государственного управления, основанная на синтезе безопасности, справедливости и развития. Именно такая политика способна обеспечить России устойчивость перед внутренними и внешними вызовами XXI века и создать прочный фундамент для сохранения национального единства, суверенитета и цивилизационной самобытности.

Анализ современной государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму позволяет сделать вывод, что на данном этапе она находится в фазе структурного становления и концептуального обновления. Несмотря на наличие достаточно развитой правовой базы и институциональной инфраструктуры, сохраняется

необходимость формирования целостной, стратегически ориентированной модели, способной объединять усилия различных государственных и общественных институтов в рамках единого идеологического и управленческого пространства.

Современные тенденции развития экстремизма указывают на его гибридный характер. Он сочетает в себе традиционные формы радикализма и новейшие цифровые технологии манипуляции массовым сознанием. В этой связи государственная политика должна быть не только инструментом реагирования, но и активным фактором формирования среды, устойчивой к идеологическим и информационным угрозам. Государство должно создавать такие институциональные и культурные условия, при которых деструктивные идеологии не находят социальной почвы для распространения.

Научное осмысление государственной политики как перспективного инструмента противодействия экстремизму требует акцентировать внимание на ее функциональной многослойности. Она одновременно выполняет функции:

1. регулятивную – устанавливает правовые и организационные рамки деятельности субъектов профилактики;
2. координационную – обеспечивает взаимодействие между различными ведомствами и уровнями власти;
3. идеологическую – формирует ценностные ориентиры и национальные приоритеты;
4. интеграционную – объединяет интересы государства, общества и личности вокруг целей безопасности;
5. прогностическую – вырабатывает стратегические ориентиры развития и предотвращения потенциальных угроз.

Перспективный потенциал государственной политики заключается в том, что она способна превратить противодействие экстремизму из задачи силового контроля в систему цивилизационного управления обществом, где главными средствами являются не репрессивные инструменты, а правовая

культура, политическая социализация, воспитание гражданственности и духовно-нравственные ориентиры.

Одним из ключевых направлений ее дальнейшего совершенствования является институционализация научно-экспертного сопровождения. В условиях ускоряющейся динамики социальных и информационных процессов государственная политика нуждается в постоянной научной оценке, моделировании и прогнозировании. Создание при Совете Безопасности РФ Национального центра аналитики и мониторинга идеологических угроз стало бы важным шагом в развитии управленческой инфраструктуры профилактики экстремизма.

Кроме того, эффективность государственной политики напрямую зависит от уровня вовлеченности гражданского общества. Только при активном участии населения, молодежных и профессиональных сообществ, общественных организаций и СМИ возможно формирование подлинно устойчивого антиэкстремистского сознания. Государство должно выступать не просто арбитром, а партнером и координатором общественной активности, обеспечивая правовую поддержку и организационную помощь общественным инициативам.

Важным направлением становится и регионализация государственной политики. Разнообразие этноконфессиональной структуры и социально-экономических условий регионов России требует гибких подходов к профилактике экстремизма. Следует формировать региональные программы противодействия экстремизму, учитывающие исторические, культурные и социополитические особенности территорий, а также развивать сеть региональных аналитических центров.

На современном этапе перед Российской Федерацией стоит задача перехода от концепции «борьбы с экстремизмом» к модели «устойчивого противодействия экстремизму», где основное внимание уделяется предупреждению, просвещению и социализации. Такая парадигма предполагает не только защиту государства, но и развитие общества –

повышение уровня его политической культуры, правосознания и гражданской ответственности.

Перспективная государственная политика должна основываться на трех стратегических принципах:

1. Интеллектуализация управления безопасностью – использование аналитических технологий, искусственного интеллекта, социологических и психологических моделей для прогнозирования экстремистских рисков.

2. Гуманизация профилактических практик – приоритет воспитательных, культурно-образовательных и социокультурных мер над силовыми и административными.

3. Интеграция ценностного и правового подходов – соединение духовно-нравственной политики государства с конституционными механизмами защиты прав человека и гражданина.

Реализация этих принципов позволит выстроить устойчивую государственную стратегию противодействия экстремизму до 2035 года, которая будет не просто реагировать на вызовы, а формировать условия для общественного согласия и идеологического единства.

Государственная политика противодействия экстремизму в перспективе должна рассматриваться как ключевой элемент архитектуры национальной безопасности, наряду с экономической, оборонной, экологической и информационной политикой. Ее миссия состоит в обеспечении внутренней стабильности, укреплении доверия между государством и обществом, сохранении национальной идентичности и культурного суверенитета России в условиях глобальной конкуренции ценностей.

Именно в этом заключается ее перспективный смысл – быть системным инструментом укрепления российской государственности, объединяющим правовые, организационные, идеологические и духовно-нравственные ресурсы нации в интересах сохранения исторического и цивилизационного единства страны.

Современное понимание государственной политики в сфере противодействия экстремизму должно базироваться на синтезе научного знания, управленческой практики и социокультурного опыта. В условиях глобальной политической турбулентности и ускорения процессов цифровой трансформации именно государственная политика становится той формой организации общественных усилий, которая способна не только отвечать на вызовы, но и формировать устойчивые механизмы предотвращения кризисов.

Противодействие экстремизму сегодня – это не просто функция государства, а особый тип управления общественной безопасностью, предполагающий целенаправленное воздействие на систему общественных отношений, ценностей и идентичностей. В этом смысле государственная политика выступает как концептуальная технология стабилизации общества, а не только как реактивный инструмент контроля.

Анализ теоретических подходов к проблеме показывает, что эффективность государственной политики во многом зависит от характера взаимодействия власти и общества. Если государство замыкается в административно-репрессивной логике, то экстремизм неизбежно воспроизводится в иных формах – идеологических, молодежных, сетевых. Следовательно, перспективная государственная политика должна опираться на принципы открытого управления, предполагающие участие граждан и институтов гражданского общества в реализации стратегий безопасности.

С этой точки зрения государственная политика противодействия экстремизму может быть определена как социально-коммуникативный процесс, направленный на согласование интересов различных слоев общества и формирование устойчивой системы ценностей, основанных на признании приоритета права, социальной справедливости и национального единства.

Формирование новой модели государственной политики противодействия экстремизму требует применения прогностических подходов. Это означает переход от констатации угроз к предвидению и управлению ими. В этом контексте особую значимость приобретают такие

научные инструменты, как сценарное моделирование, стратегический форсайт, когнитивное картирование рисков и анализ больших данных. Прогностическая функция государственной политики должна быть институционализирована в виде постоянно действующей системы ситуационного прогнозирования, которая позволит выявлять ранние признаки радикализации, формировать аналитические индексы угроз и определять приоритетные направления профилактической работы.

Важной составляющей прогностического подхода является учет социокультурных и региональных особенностей российского общества. Многонациональный, многоконфессиональный характер России придает экстремизму особую специфику – он часто маскируется под этнические или религиозные формы выражения. Следовательно, государственная политика должна быть чувствительна к локальному контексту и включать механизмы культурного посредничества, диалога и взаимодействия традиционных сообществ.

Не менее значимым направлением является идеологическое прогнозирование. Сегодня в условиях информационной глобализации идет постоянное соперничество идеологических систем, где экстремизм выступает не только как форма девиации, но и как инструмент дестабилизации. Государственная политика должна обладать собственным **ц**енностным вектором, выражающим позитивную национальную идею – идею созидания, единства, развития и ответственности. Именно в этом контексте проявляется ее перспективность: она превращается из механизма противодействия в механизм духовно-нравственного воспроизводства общества.

Прогностическая модель государственной политики предполагает также развитие научно-образовательных платформ, способных формировать кадровый потенциал новой генерации специалистов по безопасности и идеологическому анализу. Необходимо создать междисциплинарные научные центры, объединяющие политологов, юристов, психологов, социологов, специалистов по цифровым коммуникациям и информационной безопасности.

Это позволит интегрировать знания и обеспечить научное сопровождение государственной политики на всех этапах ее реализации.

Таким образом, государственная политика противодействия экстремизму в XXI веке должна рассматриваться как инновационная система стратегического управления, объединяющая три ключевых измерения:

1. правовое – создание и поддержание нормативной среды, адекватной динамике угроз;
2. институциональное – организация эффективного взаимодействия органов власти, общества и экспертного сообщества;
3. идеолого-культурное – формирование устойчивых ценностных оснований, препятствующих распространению деструктивных идеологий.

В совокупности эти измерения формируют новую парадигму государственной политики, в которой безопасность рассматривается не как реакция на угрозы, а как результат устойчивого развития, социального доверия и духовной консолидации общества.

Перспективный вектор развития данной политики должен быть направлен на создание гибридной модели безопасности, сочетающей государственные и общественные ресурсы, традиционные и инновационные методы, правовые и морально-ценностные основания. Только такая политика способна обеспечить России устойчивость перед идеологическими вызовами и сохранить ее историческую и культурную идентичность в условиях глобальных трансформаций.

В этом заключается стратегический смысл государственной политики как перспективного инструмента противодействия экстремизму –она не просто защищает государство, но и формирует будущее общества, укрепляя его духовно-нравственные основы, обеспечивая преемственность исторического пути и воспроизводя устойчивость российской цивилизационной модели.

Государственная политика противодействия экстремизму как фактор устойчивого развития и цивилизационной идентичности России.

С позиций современной политической теории государственная политика противодействия экстремизму представляет собой не только элемент национальной системы безопасности, но и важнейший механизм воспроизводства социальной устойчивости и духовной идентичности общества. Ее сущность заключается не столько в обеспечении контроля над конфликтными процессами, сколько в формировании условий для гармоничного развития государства и личности в рамках единого правового, ценностного и культурного пространства.

Экстремизм, как показывает анализ, является не просто социальной девиацией или политическим радикализмом. Это **с**истемный вызов государственности, угрожающий самому основанию общественного порядка и легитимности власти. Следовательно, противодействие ему должно быть не кампанией, а постоянно действующей стратегией, интегрированной во все сферы государственного управления: от образования и культуры до цифровой политики и международного сотрудничества.

Перспективная государственная политика противодействия экстремизму должна исходить из того, что безопасность – это не только защита, но и развитие. Подлинная безопасность достигается тогда, когда в обществе формируется устойчивая идентичность, основанная на согласии ценностей, на доверии между властью и гражданами, на признании общих целей. Поэтому современная антиидеологическая политика должна сочетать меры профилактики, идеологического просвещения, правового воспитания и духовно-нравственного возрождения.

В этом контексте противодействие экстремизму следует рассматривать как часть более широкой парадигмы культурной и ценностной безопасности. Государство обязано не только предотвращать угрозы, но и создавать позитивные альтернативы – условия для самореализации граждан, для развития общественного диалога, науки, искусства, образования, духовности. Сильная культурная и идеологическая политика – это фундамент, на котором строится устойчивая государственная система противодействия экстремизму.

Государственная политика должна учитывать, что борьба с экстремизмом – это соревнование смыслов, в котором побеждает не тот, кто запрещает, а тот, кто предлагает более убедительную, созидательную, справедливую идею. Поэтому важнейшая функция государства – формирование позитивного идеологического пространства, в котором ценности гражданственности, служения Отечеству и социальной солидарности становятся доминирующими в общественном сознании.

В долгосрочной перспективе (до 2035 года) государственная политика в сфере противодействия экстремизму должна реализовываться в рамках концепции «безопасного развития», где профилактика угроз сочетается с формированием условий для духовного и интеллектуального роста общества. В рамках этой концепции следует выделить несколько системных направлений:

1. Институционализация антиэкстремистской стратегии – закрепление государственной политики в виде базового концептуального акта, определяющего долгосрочные цели и задачи в контексте национальной безопасности.

2. Создание межведомственной системы стратегического анализа угроз, включающей академическую науку, экспертное сообщество, органы безопасности и институты гражданского общества.

3. Укрепление идеологической инфраструктуры – поддержка патриотического воспитания, просветительских и культурных программ, развитие медиаграмотности и критического мышления у молодежи.

4. Интеграция международных механизмов противодействия экстремизму, направленных на борьбу с транснациональными идеологическими сетями и киберугрозами.

5. Совершенствование цифровой политики безопасности, включая мониторинг и фильтрацию радикального контента, формирование позитивной интернет-культуры и укрепление цифрового суверенитета.

В стратегическом и философском смысле государственная политика противодействия экстремизму должна служить механизмом укрепления цивилизационного кода России, той исторической системы духовных координат, которая объединяет народы страны и придает смысл ее историческому существованию. Сохранение этого кода – это сохранение культурного и политического единства, которое делает невозможным распространение деструктивных идеологий.

Таким образом, государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму выполняет миссию национального масштаба: она не только предотвращает дестабилизацию, но и обеспечивает условия для развития, укрепляя внутреннее единство страны, защищая духовно-нравственные ценности и формируя у граждан устойчивое чувство сопричастности к судьбе государства.

Государственная политика, построенная на принципах системности, справедливости и ответственности, становится гарантом не только безопасности, но и продолжения исторического проекта российской цивилизации – общества, основанного на идеалах добра, правды, созидания и патриотизма.

Государственная политика противодействия экстремизму: стратегический вектор развития и приоритеты XXI века.

В долгосрочной перспективе государственная политика противодействия экстремизму должна развиваться как непрерывный, самообновляющийся процесс государственного управления, способный к постоянной адаптации в условиях динамичных мировых трансформаций. Меняющаяся структура угроз, от традиционных идеологических и этнополитических до гибридных и цифровых, требует перехода к новому качеству управления, где акцент смещается с реагирования на предупреждение, прогнозирование и формирование устойчивой среды безопасности.

Ключевой стратегической задачей государства является создание такой системы противодействия экстремизму, которая будет не только защищать, но и развивать общество, обеспечивая гармоничное сосуществование политических, этнических и религиозных групп, способствуя укреплению доверия между властью и гражданами. Только политика, опирающаяся на взаимное уважение и диалог, способна нивелировать социальную напряженность, которая часто становится питательной средой для радикализации.

Следует подчеркнуть, что современная государственная политика должна рассматриваться в контексте глобальной конкуренции смыслов и ценностей. В условиях, когда экстремистские движения используют мягкие формы влияния – социальные сети, культурные продукты, медиа-кампании, противодействие им должно осуществляться на уровне смыслов, идеалов, культурных кодов. Государственная политика в этой сфере должна быть не только оборонительной, но и созидательной, выстраивающей позитивную повестку, формирующую доверие к институтам государства и осознание его роли как гаранта справедливости, порядка и развития.

Одним из направлений стратегического развития государственной политики выступает создание комплексной системы общественной безопасности нового поколения, включающей в себя:

- нормативно-правовой блок (обеспечение ясности и системности законодательства о противодействии экстремизму);

- институциональный блок (совершенствование структуры управления, укрепление межведомственного взаимодействия и вертикали ответственности);

- аналитико-прогностический блок (мониторинг, научная экспертиза, сценарное моделирование угроз);

- идеолого-воспитательный блок (патриотическое воспитание, просветительская и медиа-политика, поддержка духовных и культурных инициатив).

Такая структура позволяет рассматривать государственную политику как многослойную систему взаимосвязанных мер, направленных на создание баланса между безопасностью и свободой, защитой и развитием, государственным управлением и гражданским участием.

Важнейшей тенденцией ближайших лет станет **ц**ифровизация механизмов противодействия экстремизму. Государственная политика должна включать использование технологий искусственного интеллекта, анализа больших данных и цифровых платформ для выявления деструктивной активности, прогнозирования радикализации и оценки информационных рисков. Однако цифровизация должна сочетаться с этическими принципами и правовыми гарантиями, исключающими злоупотребления и обеспечивающими доверие общества.

Особое внимание должно уделяться образовательному и культурному потенциалу профилактики экстремизма. Государственная политика обязана укреплять связи между системой образования, средствами массовой информации, культурными институтами и обществом, формируя у граждан активную гражданскую позицию, чувство сопричастности и ответственности за будущее страны. Только духовно зрелое и просвещенное общество способно стать естественной преградой для распространения радикальных идеологий.

В условиях глобальных перемен российская государственная политика должна сохранять и усиливать свою цивилизационную специфику, опираясь на традиционные ценности, историческую память и национальные культурные коды. В этом проявляется не архаизация, а напротив, способность адаптировать традиции к современным условиям, превращая их в ресурс развития и устойчивости.

Таким образом, перспективная модель государственной политики противодействия экстремизму в XXI веке может быть охарактеризована следующими чертами:

1. превентивно-прогностический характер – ориентация на предупреждение угроз, анализ тенденций, прогнозирование рисков;

2. комплексность и межведомственность – объединение усилий всех органов государственной власти, науки, культуры и гражданского общества;

3. идеологическая и духовно-нравственная направленность – формирование позитивной системы ценностей, укрепление национальной идентичности;

4. инновационность и интеллектуализация – активное использование научных и цифровых технологий в сфере безопасности;

5. ориентация на развитие и доверие – признание человеческого капитала, культуры и образования стратегическими факторами безопасности.

Подобная политика должна рассматриваться как основа общественного договора между государством и гражданами, в рамках которого безопасность перестает быть исключительно функцией власти и становится общим делом, выражающим коллективную волю народа.

В итоге государственная политика противодействия экстремизму выступает не только инструментом управления рисками, но и ключевым элементом стратегического видения будущего России – страны, которая сохраняет историческое единство, укрепляет духовно-нравственные основы, противостоит идеологическим вызовам и формирует пространство безопасности, развития и справедливости.

Таким образом, проведенный анализ позволяет рассматривать государственную политику противодействия экстремизму как институционально оформленный и ценностно направленный процесс, обеспечивающий воспроизводство устойчивости российской государственности. Она представляет собой не изолированную сферу правоохранительной деятельности, а многокомпонентную систему стратегического управления, интегрирующую правовые, организационные, информационные и социокультурные инструменты.

В теоретико-политологическом плане государственная политика противодействия экстремизму должна трактоваться как форма реализации функции государства по обеспечению национальной консолидации и идеологического суверенитета. Ее концептуальная задача заключается в гармонизации отношений между государством и обществом, в формировании доверия, правового сознания и патриотической мотивации граждан.

На современном этапе, когда мировое пространство характеризуется возрастанием конфликтности и распространением деструктивных идеологий, государственная политика России в сфере противодействия экстремизму становится частью глобальной стратегии защиты цивилизационного выбора страны. Она направлена не только на охрану существующего порядка, но и на укрепление нравственных и культурных оснований общества, без которых невозможна подлинная безопасность.

Содержание государственной политики должно строиться на следующих ключевых принципах:

1. Целостность и системность – согласование всех направлений антиидеологической деятельности с общегосударственными целями устойчивого развития.

2. Научность и прогнозируемость – использование академического и экспертного знания как инструмента выработки решений.

3. Гуманистическая направленность – приоритет воспитания, образования, духовного и культурного роста личности перед мерами принуждения.

4. Ответственность и транспарентность – открытость государства перед обществом, общественный контроль за реализацией программ безопасности.

5. Преемственность и инновационность – сочетание исторического опыта российской государственности с современными технологиями управления.

В перспективе государственная политика противодействия экстремизму должна перейти к формату «умного управления», где решения принимаются на основе аналитических данных, сценарных прогнозов и постоянной обратной связи с обществом. Такой подход позволит обеспечить гибкость и адаптивность политической системы, повысить эффективность профилактических мер и укрепить доверие граждан к институтам власти.

В долгосрочном горизонте (до 2035 г.) данная политика призвана выполнять несколько стратегических функций:

- интеграционную, объединяя усилия государства, общества и личности;

- нормативно-ценностную, формируя позитивную идеологию и культуру безопасности;

- инновационно-управленческую, развивая современные механизмы анализа и прогнозирования;

- образовательно-воспитательную, обеспечивая воспроизводство гражданской идентичности и патриотизма.

Реализация этих функций позволит выстроить новый тип государственной политики безопасности, где человек рассматривается не как объект защиты, а как активный субъект, участвующий в создании безопасной и справедливой социальной среды.

Таким образом, государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму выступает ключевым фактором политической стабильности и цивилизационного самосохранения России. Ее дальнейшее развитие должно опираться на взаимодополнение нормативного регулирования и духовно-нравственной консолидации, что обеспечит не только устойчивость государства перед внешними и внутренними вызовами, но и сохранение его исторической миссии – быть пространством справедливости, согласия и культурного многообразия.

В рамках диссертационного исследования выделяются ключевые **научно-практические направления совершенствования государственной политики противодействия экстремизму:**

1. **Нормативно-правовое развитие:**

- уточнение и гармонизация понятийно-категориального аппарата законодательства о противодействии экстремистской деятельности;
- разработка комплексного федерального закона или концептуального акта «О государственной политике в сфере противодействия экстремизму», устанавливающего цели, принципы и механизмы реализации данной политики;
- совершенствование правоприменительной практики с учетом судебных прецедентов и международного опыта, при строгом соблюдении прав и свобод граждан.

2. **Организационно-институциональное совершенствование:**

- создание единой межведомственной системы координации действий федеральных и региональных органов власти, правоохранительных структур и институтов гражданского общества;
- формирование национального ситуационного центра мониторинга экстремистской активности, интегрирующего данные различных ведомств, образовательных и научных учреждений;
- развитие кадрового потенциала в сфере профилактики экстремизма, в том числе подготовка специалистов в области политико-правового анализа, конфликтологии и медиабезопасности.

3. **Информационно-аналитическая и цифровая трансформация:**

- внедрение технологий больших данных и искусственного интеллекта для прогнозирования экстремистских рисков и выявления сетевых структур;
- разработка государственной платформы мониторинга идеологического пространства и фиксации угроз в цифровой среде;
- создание позитивных медиапроектов, направленных на формирование у населения устойчивого неприятия экстремистских идеологий и укрепление доверия к институтам власти.

4. **Идеолого-воспитательное и социокультурное направление:**

- формирование государственной идеологической политики, укрепляющей духовно-нравственные ценности, патриотизм и правовую культуру граждан;
- развитие программ гражданского и правового образования, включающих аспекты профилактики идеологического и религиозного радикализма;
- поддержка общественных инициатив, направленных на укрепление межнационального и межконфессионального согласия.

5. **Международное сотрудничество и гуманитарная дипломатия:**

- активизация взаимодействия с международными организациями и партнерами в рамках борьбы с транснациональными формами экстремизма;
- разработка единой платформы обмена информацией и опытом противодействия идеологическим угрозам;
- продвижение гуманитарных и культурных инициатив России как альтернативы деструктивным идеологическим моделям.

В стратегическом плане государственная политика противодействия экстремизму должна стать неотъемлемой частью национальной системы планирования безопасности и устойчивого развития. Ее реализация до 2035 года должна предусматривать:

- формирование единой межведомственной Концепции противодействия экстремизму;
- разработку государственной программы «Безопасное общество»;
- институционализацию межведомственного экспертно-аналитического совета при Совете Безопасности Российской Федерации;
- регулярное общественное обсуждение эффективности принимаемых мер.

Научная и практическая значимость предложенных рекомендаций состоит в том, что они позволяют перейти от реактивной модели борьбы к превентивно-прогностической парадигме государственной политики, где

акцент делается не на устранение последствий, а на устранение причин и идеологических предпосылок экстремизма.

В долгосрочной перспективе государственная политика противодействия экстремизму должна рассматриваться как структурообразующий элемент национальной безопасности, обеспечивающий:

- укрепление социально-политической стабильности;

- повышение уровня доверия граждан к государству;

- формирование идеологического единства и патриотической консолидации общества;

- сохранение культурного и цивилизационного суверенитета Российской Федерации.

В этом заключается ее перспективный и стратегический потенциал – способность не только защищать государство от внутренних и внешних угроз, но и формировать основу устойчивого, безопасного и справедливого общественного развития.

Государственная политика, построенная на принципах системности, справедливости и ответственности, становится гарантом не только безопасности, но и продолжения исторического проекта российской цивилизации – общества, основанного на идеалах добра, правды, созидания и патриотизма.

Таким образом, современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности государства, является важнейшим элементом национальной системы правопорядка, но в то же время нуждается в глубокой модернизации.

Основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, формируют необходимую основу для выявления, пресечения и профилактики экстремистских проявлений, однако их практическая реализация сталкивается с рядом противоречий. Прежде всего, это касается недостаточной определенности правовых категорий, размытости понятийного аппарата и

дублирования функций различных ведомств. Сложившаяся правоприменительная практика нередко демонстрирует формальный подход, что снижает эффективность профилактики и вызывает общественную критику. В условиях роста угроз киберэкстремизма и идеологического влияния через цифровые платформы актуализируется необходимость обновления законодательства с учетом информационной специфики современного общества.

Опыт взаимодействия ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, исправительных учреждений и Роскомнадзора показывает, что эффективное противодействие возможно лишь при выстраивании единой межведомственной системы обмена информацией и координации действий, а также при развитии аналитического и прогнозного потенциала. В политико-правовом аспекте требуется совершенствование механизмов парламентского и общественного контроля, а также правовая регламентация участия институтов гражданского общества в профилактике экстремизма. В социокультурной плоскости важным направлением остается формирование ценностной устойчивости общества через систему образования, культуру и патриотическое воспитание.

Данное исследование направлено на выработку рекомендаций, в том числе, для включения в Концепцию развития законодательства о противодействии экстремизму нового поколения, ориентированную на цифровизацию процессов мониторинга, укрепление профилактических механизмов и обеспечение прозрачности правоприменения. Только при комплексном сочетании правовых, политических и культурных инструментов возможно создание современной, сбалансированной и эффективной системы защиты государства и общества от экстремистских угроз.

Отсутствие единого понятийного аппарата, несовершенство механизмов координации и различие в ведомственных критериях оценки экстремистской активности снижают эффективность системы в целом. Практика взаимодействия органов обеспечения безопасности и правопорядка (ФСБ,

МВД, Росгвардии, прокуратуры, Роскомнадзора, исправительных учреждений) демонстрирует, что результативность противодействия во многом зависит от качества информационного обмена, скорости реагирования и готовности к совместным действиям на межуровневой основе.

В политико-правовом аспекте требуется усиление нормативного регулирования деятельности в цифровой среде, где экстремизм проявляется в форме идеологического воздействия, манипуляции общественным сознанием и вербовки через социальные сети. В социокультурном измерении важно развивать просветительские и воспитательные практики, направленные на укрепление гражданской идентичности, толерантности и медиаграмотности, особенно среди молодежи. Мы считаем, что перспективным направлением совершенствования законодательства является создание комплексного кодекса о противодействии экстремизму, интегрирующего правовые, организационные и профилактические меры. Также целесообразно формирование межведомственной цифровой платформы анализа рисков радикализации, объединяющей государственные и общественные ресурсы. Реализация этих мер позволит перейти от реактивного к проактивному формату правового регулирования, обеспечивая гармоничное сочетание интересов безопасности государства и защиты прав личности. Такой подход позволит сделать правовую систему более прозрачной, предсказуемой и адаптированной к современным вызовам, обеспечив баланс между защитой государства и соблюдением прав граждан.

Также актуально усиление роли парламентского и судебного контроля в сфере реализации антиэкстремистского законодательства и правовая защита граждан от возможных злоупотреблений при применении этих норм. Необходимо развивать профилактическое направление: формировать в обществе неприятие радикальных идеологий, укреплять ценности правового государства, патриотизма и гражданской солидарности.

Нормативно-правовая база противодействия экстремизму, угрожающему национальной безопасности России, в последние годы

значительно укрепилась, однако остается предметом активного совершенствования. Принятые законодательные акты создают основу для системной борьбы с экстремистской деятельностью, но в условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения форм идеологического воздействия возникает потребность в ее актуализации.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкой дифференциации между различными уровнями экстремистской активности – от идеологической пропаганды до организованных форм деструктивной деятельности, что затрудняет применение норм права и снижает их превентивный эффект. Также остаются вопросы согласованности правоприменения между федеральными и региональными структурами ФСБ, МВД, прокуратуры, Росгвардии и Роскомнадзора, исправительных учреждений. На практике именно тесное взаимодействие этих органов определяет результативность профилактических и оперативных мер.

В политико-правовом аспекте актуальной задачей становится обеспечение прозрачности антиэкстремистского законодательства и недопущение его использования в ущерб конституционным правам граждан. В социокультурном измерении усилия государства должны быть направлены на укрепление общественной солидарности, развитие правовой культуры, воспитание медиаграмотности и формирование у молодежи устойчивых ценностей гражданской идентичности. Мы полагаем, что перспективным направлением развития нормативно-правовой базы является принятие единого кодифицированного акта о противодействии экстремизму, основанного на принципах баланса между безопасностью и правами личности, а также внедрение цифровых инструментов прогнозирования и раннего предупреждения экстремистских угроз. Такой подход позволит создать современную, гибкую и превентивно ориентированную систему правового регулирования, адекватную реалиям XXI в.

Как было отмечено ранее, современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму в России выполняет стратегическую функцию

защиты государства и общества от деструктивных идеологий, однако требует дальнейшего совершенствования с учетом изменяющихся политико-правовых и социокультурных условий. Несмотря на то, что основополагающие правовые акты, в первую очередь Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», обеспечивают базовые механизмы выявления и пресечения экстремистских проявлений, в их реализации сохраняются проблемы правовой неопределенности, неоднозначности терминов и разрозненности ведомственных полномочий. Также необходимо отметить, что правовое регулирование часто не поспевает за трансформацией экстремистских угроз, особенно в киберпространстве, где радикальные движения активно используют сетевые технологии, криптовалюты и закрытые цифровые платформы.

Назрела необходимость выработки долгосрочной концепции совершенствования законодательства, включающей четкое разграничение понятий, усиление парламентского контроля и развитие механизмов правового мониторинга. В социокультурном измерении ключевым направлением остается формирование у граждан критического восприятия информации, повышение уровня медиаграмотности и укрепление правосознания, особенно среди молодежи.

Реализация данных мер позволит выстроить сбалансированную модель правового регулирования, в которой защита безопасности государства будет сочетаться с сохранением демократических принципов и прав человека.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности государства, является важнейшим элементом национальной системы правопорядка, но в то же время нуждается в глубокой модернизации.

Основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, формируют необходимую основу для выявления, пресечения и профилактики экстремистских проявлений, однако их практическая реализация сталкивается с рядом противоречий. Прежде всего, это касается недостаточной

определенности правовых категорий, размытости понятийного аппарата и дублирования функций различных ведомств. Сложившаяся правоприменительная практика нередко демонстрирует формальный подход, что снижает эффективность профилактики и вызывает общественную критику. В условиях роста угроз киберэкстремизма и идеологического влияния через цифровые платформы актуализируется необходимость обновления законодательства с учетом информационной специфики современного общества.

Опыт межведомственного взаимодействия показывает, что эффективное противодействие возможно лишь при выстраивании единой межведомственной системы обмена информацией и координации действий, а также при развитии аналитического и прогнозного потенциала. В политико-правовом аспекте требуется совершенствование механизмов парламентского и общественного контроля, а также правовая регламентация участия институтов гражданского общества в профилактике экстремизма. В социокультурной плоскости важным направлением остается формирование ценностной устойчивости общества через систему образования, культуру и патриотическое воспитание.

Данное исследование направлено на выработку рекомендаций, в том числе, для включения в Концепцию «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны», ориентированную на цифровизацию процессов мониторинга, укрепление профилактических механизмов и обеспечение прозрачности правоприменения. Только при комплексном сочетании правовых, политических и культурных инструментов возможно создание современной, сбалансированной и эффективной системы защиты государства и общества от экстремистских угроз.

Отсутствие единого понятийного аппарата, несовершенство механизмов координации и различие в ведомственных критериях оценки экстремистской активности снижают эффективность системы в целом. Межведомственное

взаимодействие демонстрирует, что результативность противодействия во многом зависит от качества информационного обмена, скорости реагирования и готовности к совместным действиям на межуровневой основе.

В политико-правовом аспекте требуется усиление нормативного регулирования деятельности в цифровой среде, где экстремизм проявляется в форме идеологического воздействия, манипуляции общественным сознанием и вербовки через социальные сети. В социокультурном измерении важно развивать просветительские и воспитательные практики, направленные на укрепление гражданской идентичности, толерантности и медиаграмотности, особенно среди молодежи. Мы считаем, что перспективным направлением совершенствования законодательства является создание комплексного кодекса о противодействии экстремизму, интегрирующего правовые, организационные и профилактические меры. Также целесообразно формирование межведомственной цифровой платформы анализа рисков радикализации, объединяющей государственные и общественные ресурсы. Реализация этих мер позволит перейти от реактивного к проактивному формату правового регулирования, обеспечивая гармоничное сочетание интересов безопасности государства и защиты прав личности. Такой подход позволит сделать правовую систему более прозрачной, предсказуемой и адаптированной к современным вызовам, обеспечив баланс между защитой государства и соблюдением прав граждан.

Также актуально усиление роли парламентского и судебного контроля в сфере реализации антиэкстремистского законодательства и правовая защита граждан от возможных злоупотреблений при применении этих норм. Необходимо формировать в обществе неприятие радикальных идеологий, укреплять ценности правового государства, патриотизма и гражданской солидарности. Эффективность борьбы с экстремизмом определяется не только жесткостью закона, но и степенью доверия общества к институтам власти и правопорядка.

Нормативно-правовая база противодействия экстремизму, угрожающему национальной безопасности России, в последние годы значительно укрепилась, однако остается предметом активного совершенствования. Принятые законодательные акты создают основу для системной борьбы с экстремистской деятельностью, но в условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения форм идеологического воздействия возникает потребность в ее актуализации.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкой дифференциации между различными уровнями экстремистской активности – от идеологической пропаганды до организованных форм деструктивной деятельности, что затрудняет применение норм права и снижает их превентивный эффект.

В политико-правовом аспекте актуальной задачей становится обеспечение прозрачности антиэкстремистского законодательства и недопущение его использования в ущерб конституционным правам граждан. В социокультурном измерении усилия государства должны быть направлены на укрепление общественной солидарности, развитие правовой культуры, воспитание медиаграмотности и формирование у молодежи устойчивых ценностей гражданской идентичности. Мы полагаем, что перспективным направлением развития нормативно-правовой базы является принятие единого кодифицированного акта о противодействии экстремизму, основанного на принципах баланса между безопасностью и правами личности, а также внедрение цифровых инструментов прогнозирования и раннего предупреждения экстремистских угроз. Такой подход позволит создать современную, гибкую и превентивно ориентированную систему правового регулирования, адекватную реалиям XXI в.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму в России выполняет стратегическую функцию защиты государства и общества от деструктивных идеологий, однако требует дальнейшего

совершенствования с учетом изменяющихся политико-правовых и социокультурных условий.

Назрела необходимость выработки долгосрочной концепции противодействия экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны, включающей четкое разграничение понятий, усиление парламентского контроля и развитие механизмов правового мониторинга. В социокультурном измерении ключевым направлением остается формирование у граждан критического восприятия информации, повышение уровня медиаграмотности и укрепление правосознания, особенно среди молодежи.

Реализация данных мер позволит выстроить сбалансированную модель правового регулирования, в которой защита безопасности государства будет сочетаться с сохранением демократических принципов и прав человека.

Государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму выступает ключевым фактором политической стабильности и цивилизационного самосохранения России. Ее дальнейшее развитие должно опираться на взаимодополнение нормативного регулирования и духовно-нравственной консолидации, что обеспечит не только устойчивость государства перед внешними и внутренними вызовами, но и сохранение его исторической миссии – быть пространством справедливости, согласия и культурного многообразия.

Заключение

Настоящее диссертационное исследование является первой комплексной попыткой системного анализа государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму как ключевого направления обеспечения национальной безопасности. В ходе работы была предпринята попытка не только выявить сущность феномена экстремизма как объективного явления российской общественно-политической жизни, но и раскрыть концептуальные, правовые, организационные и идеологические основания государственной антиидеологической деятельности.

В результате исследования установлено, что экстремизм в современной России представляет собой сложный, многомерный и динамичный феномен, проявляющийся на политическом, религиозном, этноконфессиональном, молодежном и информационно-коммуникативном уровнях. Его характер обусловлен как внутренними социально-экономическими и культурными противоречиями, так и внешними факторами, связанными с глобальной конкуренцией, информационно-психологическим воздействием и транснациональной идеологической экспансией.

Государственная политика в сфере противодействия экстремизму, несмотря на наличие развитой нормативно-правовой базы и институциональной системы, нуждается в качественном обновлении и согласовании межведомственных подходов, особенно в условиях цифровизации, гибридных угроз и усиливающегося воздействия деструктивных идеологий.

Государственная политика противодействия экстремизму представляет собой динамическую подсистему национальной безопасности, функционирующую по закономерностям адаптации к трансформирующейся социокультурной и политико-коммуникативной среде.

Ее эффективность определяется степенью интеграции институтов гражданского общества в процесс формирования антиэкстремистской культуры, а также способностью государства формировать устойчивые идеологические и ценностные барьеры против радикализации. Стратегическое назначение данной политики заключается не только в защите государства от деструктивных воздействий, но и в воспроизводстве безопасности как устойчивого общественного состояния, основанного на доверии, солидарности и правовом сознании граждан.

Государственная политика противодействия экстремизму занимает ключевое место в системе обеспечения национальной безопасности, поскольку именно она обеспечивает баланс между защитой государственных интересов и сохранением прав и свобод граждан. В современных условиях глобальной трансформации информационного пространства, роста социальных противоречий и политической поляризации государственная политика в данной сфере приобретает стратегическое значение как фактор поддержания внутренней стабильности и консолидации общества. Ее роль заключается не только в координации деятельности силовых и правоприменительных структур, но и в формировании идеологических, образовательных и культурных механизмов, направленных на укрепление гражданской идентичности и недопущение распространения радикальных идеологий.

Авторский подход к пониманию государственной политики противодействия экстремизму основывается на идее ее системной интеграции в общий контур государственной стратегии безопасности. Такая политика должна опираться на закономерности адаптивного управления рисками, когда меры профилактики и реагирования выстраиваются в зависимости от динамики общественных процессов, уровня цифровизации и характера угроз. В основе исследования понимание государственной политики противодействия экстремизму как интеллектуально-нормативного ядра всей системы национальной безопасности. Ее миссия заключается не только в

обеспечении правопорядка, но и в формировании новой парадигмы общественного сознания, ориентированной на консолидацию, взаимное доверие и устойчивое развитие государства. В этом смысле противодействие экстремизму – это не временная реакция на вызовы, а долговременная стратегия духовно-политического укрепления нации и защиты ее цивилизационного суверенитета.

Ключевыми принципами ее формирования выступают законность, приоритет профилактики, социальная справедливость, информационная открытость и научная обоснованность управленческих решений. В этом контексте противодействие экстремизму следует рассматривать как процесс целенаправленного воздействия государства на общественные отношения с целью формирования устойчивого антирискованного социума, где ценности правового государства, межнационального согласия и гражданской ответственности выступают естественными противовесами радикализации.

Авторское понимание предполагает переход от реактивной модели противодействия экстремизму к проактивной модели социально-государственного развития, где безопасность понимается не только как защита от угроз, но и как результат гармоничного взаимодействия власти, общества и личности в пространстве общих национальных ценностей.

В системе обеспечения национальной безопасности государственная политика противодействия экстремизму выполняет фундаментальную роль стратегического и регулятивного механизма, направленного на поддержание внутренней стабильности, правопорядка и гражданского согласия. Она представляет собой совокупность целенаправленных действий, норм и институтов, обеспечивающих устойчивость государства к проявлениям радикальных и деструктивных идеологий, которые угрожают не только политической системе, но и культурной, духовной и ценностной целостности общества. Особенность данной политики заключается в ее двойственной природе, с одной стороны, она является частью национальной безопасности, а

с другой, инструментом формирования устойчивой гражданской среды, способной самостоятельно противостоять идеологическим вызовам.

Современные исследования экстремизма все более акцентируют внимание на необходимости переосмысления его роли в структуре политического процесса. Экстремизм следует рассматривать не только как угрозу национальной безопасности, но и как проявление внутренних противоречий политической модернизации и социальной стратификации общества. В рамках политологического анализа он выступает как реакция на дефицит политического участия, кризис доверия и утрату ценностной ориентации.

Развитие данного направления требует комплексного и междисциплинарного подхода, сочетающего методы политической теории, конфликтологии, социокультурного анализа, психологии массового поведения и теории коммуникации. Такой синтез позволяет не только выявлять причины и механизмы радикализации, но и моделировать возможные сценарии ее профилактики.

Вместе с тем, несмотря на накопленный теоретический и эмпирический материал, проблема экстремизма остается одной из наименее завершенных областей политической науки. Требуется дальнейшая разработка категориального аппарата, уточнение соотношения понятий «радикализм», «экстремизм» и «терроризм», а также формирование унифицированных индикаторов оценки экстремистских рисков. Актуальной остается задача создания интегрированной методологии анализа, объединяющей отечественные и зарубежные теоретические достижения.

Теоретико-методологическое исследование экстремизма как угрозы безопасности государства позволяет рассматривать его не только в контексте политических рисков, но и как важнейший показатель устойчивости общественного развития. Политическая наука, исследуя причины и закономерности его возникновения, формирует интеллектуальную основу для стратегического планирования, укрепления институтов власти и

консолидации национальных ценностей. Научное осмысление этого феномена служит фундаментом формирования новой модели безопасности – устойчивой, гуманитарно ориентированной и основанной на взаимном доверии государства и общества.

Дальнейшее развитие теоретических исследований экстремизма в политической науке подтверждает, что данный феномен является неотъемлемым элементом современной политической реальности и требует постоянного обновления методологического инструментария анализа. Экстремизм выступает как сложная, динамичная и самоадаптирующаяся система, способная трансформироваться под воздействием политических, культурных и информационных факторов. Его эволюция отражает не только внутренние кризисы национальных государств, но и общие тенденции глобальной нестабильности, усиливающейся в условиях цифровизации и усиления идеологической поляризации. В этом контексте политическая наука выполняет ключевую миссию – формирование теоретического и концептуального каркаса, на основе которого возможно системное понимание природы экстремизма и выработка эффективных мер по его предупреждению.

В целом, современный этап развития государственной политики противодействия экстремизму в России характеризуется переходом к системной модели, учитывающей не только силовые, но и гуманитарные, культурные и коммуникационные измерения угроз. Это свидетельствует о постепенном формировании интегративной концепции политической безопасности, в которой борьба с экстремизмом рассматривается как элемент поддержания общественной стабильности, консолидации нации и укрепления суверенитета государства.

Экстремизм в современных условиях превращается в универсальное средство ведения идеологической и политической борьбы, способное разрушать государства изнутри без открытого военного вмешательства. Для нейтрализации этой угрозы необходима интеграция усилий государства и общества: совершенствование системы правового регулирования, развитие

механизмов идеологической и информационной безопасности, формирование устойчивого патриотического и гражданского сознания, способного противостоять деструктивным влияниям и сохранять единство нации в условиях глобальной нестабильности.

Современный экстремизм – это не просто проявление политического недовольства, а сложный системный механизм разрушения государственности и общественной солидарности. Противодействие ему требует выстраивания многоуровневой стратегии, включающей не только правоохранительные и военные меры, но и развитие идеологического иммунитета общества, укрепление патриотического сознания, повышение уровня политической культуры и формирование единого духовного пространства, способного противостоять деструктивным идеологиям.

В современных условиях глобальной нестабильности и перестройки международных отношений экстремизм выступает как одна из наиболее опасных форм политико-идеологического давления, угрожающих целостности и суверенитету государств. Он утратил традиционные границы и превратился в многоуровневое, транснациональное явление, активно использующее возможности цифровых технологий, социальных сетей и массмедиа для распространения радикальных идей и подрыва общественного согласия. В мире, где усиливается борьба за влияние, ресурсы и информационное пространство, экстремизм становится инструментом гибридных войн, направленных на разрушение внутренней стабильности стран через идеологическую диверсию и манипулирование массовым сознанием.

Для России данная угроза приобретает особую остроту в контексте специальной военной операции, сопровождаемой беспрецедентным внешнеполитическим и информационным давлением. В этот период экстремистские группы и идеологические центры активизируют свою деятельность, используя патриотическую тематику, антивоенную риторику и социальные проблемы для провоцирования внутренних конфликтов и

дискредитации государственной политики. Подобные процессы наблюдаются и в других странах, особенно тех, где социальное неравенство, миграционные кризисы и политическая фрагментация создают почву для радикализации населения.

Современный экстремизм, таким образом, перестает быть стихийным и превращается в управляемый элемент политического воздействия, направленного на подрыв доверия к власти и разрушение национальной идентичности. Противодействие ему должно быть системным и долгосрочным: наряду с силовыми и правовыми мерами особое значение приобретает формирование устойчивой государственной идеологии, укрепление информационного суверенитета, развитие патриотического воспитания и повышение политико-правовой культуры граждан. Только консолидация общества вокруг общенациональных ценностей способна обеспечить устойчивость государства перед лицом экстремистских угроз в условиях современных глобальных трансформаций.

Специфика экстремизма в Российской Федерации определяется ее полиэтническим и многоконфессиональным составом, пространственной протяженностью, региональной неоднородностью и сложными социально-политическими процессами, происходящими в последние десятилетия. Экстремизм в России представляет собой многокомпонентное явление, сочетающее политические, религиозные, этнические и информационные формы проявления. Он не ограничивается деятельностью отдельных радикальных групп, а пронизывает различные сферы общественной жизни, трансформируясь в зависимости от текущей внутренней и внешнеполитической обстановки.

Для противодействия данным угрозам требуется комплексная государственная стратегия, сочетающая силовые, правовые, образовательные и идеологические меры. Важнейшими задачами являются укрепление духовно-нравственных ценностей, развитие патриотического воспитания, повышение медиаграмотности и формирование устойчивого иммунитета к

идеологическим манипуляциям. Только системное, межведомственное и просветительское взаимодействие позволит снизить уровень радикализации и обеспечить защиту интересов Российской Федерации в условиях трансформации современного экстремизма.

Экстремизм в Российской Федерации весьма специфичен. Это заключается прежде всего, в его многомерности, изменчивости и тесной взаимосвязи с социокультурными и политическими процессами, происходящими как внутри страны, так и на международной арене. Российский экстремизм имеет сложную структуру, включающую несколько основных направлений: националистическое, религиозное, политико-идеологическое и информационно-коммуникационное, которые взаимодействуют между собой, создавая многоуровневую систему угроз. Для России, как многонационального и многоконфессионального государства, экстремизм опасен тем, что способен разрушать внутреннее единство, провоцировать конфликты на этнической и религиозной почве и подрывать доверие к государственным институтам.

Националистический экстремизм по-прежнему остается значимым элементом угроз внутренней безопасности. Несмотря на то, что наиболее активные радикальные организации были ликвидированы или признаны экстремистскими, их идеология продолжает распространяться через интернет-платформы и неформальные молодежные объединения. Виртуальные сообщества с неонацистской и ксенофобской направленностью используют патриотическую риторику, противопоставляя «русский народ» другим этническим и культурным группам. Подобные нарративы формируют атмосферу вражды, социальной отчужденности и могут служить катализатором для насильственных действий.

Религиозный экстремизм, особенно радикальные формы ислама, сохраняет высокую степень активности в ряде российских регионов. Северный Кавказ, Поволжье и отдельные районы Урала и Сибири остаются зонами повышенного риска, где деструктивные силы стремятся внедрять

идеологию нетерпимости и разобщения. Наибольшую угрозу представляют остаточные сети запрещенных в России организаций –«Исламского государства» (ИГ), «Аль-Каиды», «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Их деятельность сегодня в основном сместилась в интернет-пространство, где осуществляется вербовка, распространение пропагандистских материалов и координация действий. Особое внимание экстремисты уделяют вовлечению молодежи, используя для этого религиозные, социальные и экономические мотивы.

Политико-идеологический экстремизм в России тесно связан с внутренними и внешними политическими факторами. В последние годы наблюдается активизация антисистемных и оппозиционно-радикальных групп, которые используют протестные настроения для дестабилизации обстановки. Под видом правозащитных или «просветительских» инициатив такие структуры распространяют идеи недоверия к власти, пропагандируют сепаратизм и насильственное изменение конституционного строя. Отдельные из них имеют связь с зарубежными идеологическими центрами, которые поддерживают их финансово и информационно, используя их как инструмент влияния на внутриполитическую ситуацию в России.

Отдельного внимания заслуживает информационно-коммуникационный экстремизм, который стал одной из ключевых угроз XXI в. В условиях глобальной цифровизации именно интернет превратился в основное пространство для распространения радикальной идеологии, подстрекательства к насилию и манипулирования общественным мнением. Через социальные сети, видеоплатформы и мессенджеры экстремисты создают «информационные пузыри», в которых формируется альтернативная реальность, где государство представляется врагом, а экстремистская активность якобы формой гражданской позиции.

Динамика экстремизма в Российской Федерации указывает на тенденцию перехода от открытых и организованных форм к латентным, сетевым и идеологическим. Современные экстремистские группы действуют

децентрализованно, не имея единого центра управления, что делает их труднодоступными для традиционных мер противодействия. Они стремятся не столько к физическому насилию, сколько к разрушению духовно-нравственных основ, подрыву национальной идентичности и ослаблению общественного единства.

Для эффективного противодействия данным угрозам требуется системный, межведомственный подход, основанный на сочетании силовых, правовых, образовательных и информационно-просветительских мер. Приоритетное значение приобретают профилактика радикализации, развитие национальной идеологии, укрепление духовно-нравственных ценностей, формирование патриотического сознания и гражданской ответственности. Важно не только нейтрализовать проявления экстремизма, но и устранить социальные и идеологические предпосылки его возникновения, обеспечив тем самым устойчивость и безопасность Российской Федерации в условиях современных глобальных вызовов.

Экстремизм следует рассматривать как стратегическую угрозу, поскольку он направлен на разрушение базовых принципов государственности: суверенитета, территориальной целостности, правопорядка и национального единства. В этих условиях эффективное противодействие требует комплексного подхода, объединяющего усилия государства, научного сообщества и институтов гражданского общества. Ключевыми направлениями должны стать развитие системы раннего выявления и мониторинга экстремистских проявлений, информационная безопасность, усиление просветительской работы в сфере цифровой культуры и патриотического воспитания, а также формирование устойчивого мировоззренческого иммунитета к радикальным идеологиям. Только при условии системного взаимодействия силовых, образовательных и социокультурных институтов возможно обеспечить устойчивость российского общества перед лицом экстремистских угроз и сохранить стратегическую стабильность государства.

Экстремистские течения и организации в современной России выступают в качестве одного из наиболее опасных факторов, подрывающих основы национальной безопасности, политической стабильности и социальной сплоченности общества. Их деятельность направлена на деструкцию легитимных институтов государственной власти, формирование атмосферы недоверия, враждебности и социальной напряженности. В условиях глобальных трансформаций и активного распространения цифровых технологий экстремизм приобретает новые формы, сочетая в себе идеологические, психологические и информационные методы воздействия. Если ранее радикальные организации стремились к прямым насильственным действиям, то сегодня акцент смещается в сторону идеологического влияния и манипулирования общественным сознанием через медийные каналы, социальные сети и сетевые сообщества. Таким образом, экстремизм эволюционирует в направлении «интеллектуализированной угрозы», действующей не оружием, а словом, символом и цифровыми технологиями.

Среди факторов, способствующих росту экстремистских настроений в российском обществе, ключевыми являются социальное расслоение, снижение уровня доверия к институтам власти, культурная фрагментация, а также дефицит позитивных социальных лифтов, особенно для молодого поколения. Существенное влияние оказывают и внешние информационно-психологические кампании, направленные на стимулирование протестных настроений, подрыв патриотического сознания и формирование негативного имиджа государства. При этом экстремистские организации активно адаптируются к новым условиям, осваивая пространство киберсоциальных взаимодействий, где контроль и идентификация радикальной активности затруднены.

Экстремизм, как стратегическая угроза, несет не только прямую опасность общественному порядку, но и создает предпосылки для разрушения национальной идентичности, подмены исторических и культурных ориентиров, что делает его особой формой идеологической агрессии. Для

эффективной нейтрализации данной угрозы необходима комплексная система мер, включающая совершенствование правового регулирования, повышение эффективности деятельности органов государственной безопасности, а также широкомасштабную профилактическую работу в образовательной, культурной и медийной сферах. Важную роль играет формирование у граждан устойчивости к манипуляциям, развитие критического мышления, медиаграмотности и гражданской ответственности. Противодействие экстремизму должно носить не только карательный, но и созидательный характер – ориентироваться на укрепление доверия между государством и обществом, консолидацию на основе общих ценностей и приоритетов развития страны. Только системный подход, сочетающий правовые, культурные и воспитательные инструменты, способен минимизировать влияние экстремистских идеологий и обеспечить долгосрочную безопасность и устойчивость Российской Федерации.

Экстремистские течения и организации в Российской Федерации представляют собой комплексное явление, угрожающее как внутренней стабильности, так и стратегическим интересам государства в международной сфере. Их деятельность направлена на подрыв общественного согласия, разрушение правовых и политических институтов, а также на формирование альтернативной идеологической повестки, противоречащей основам российской государственности. В последние годы экстремизм все чаще проявляется в гибридных формах, сочетая элементы информационной войны, психологического воздействия и социокультурной манипуляции. Радикальные группы активно используют цифровые технологии для вербовки, координации и пропаганды, превращая интернет-пространство в ключевую арену идеологического противостояния. Эти тенденции обусловливают переход экстремизма из физической плоскости насилия в сферу идейно-ценностного воздействия, где основным инструментом становится формирование ложных смыслов и искаженного восприятия реальности.

Экстремистские течения и организации в Российской Федерации следует рассматривать как одну из наиболее устойчивых и многослойных угроз, способных трансформироваться в зависимости от социополитических и технологических изменений. Их деструктивная деятельность направлена не только на подрыв государственной власти и нарушение общественного порядка, но и на подмену ценностных ориентиров, внедрение антисистемных идеологий, разрушающих культурную и духовную основу российского общества. В современных условиях экстремизм перестает быть исключительно маргинальным явлением и приобретает черты сетевого феномена, охватывающего значительные слои населения, прежде всего молодежь. Используя технологии цифровой коммуникации, экстремистские структуры распространяют радикальные идеи под видом социальных движений, культурных инициатив или политической активности, тем самым маскируя истинную направленность своей деятельности.

Экстремистские организации и течения, действующие в Российской Федерации, представляют собой один из наиболее сложных и многогранных вызовов внутренней и внешней безопасности государства. Их специфика заключается в высокой степени адаптивности к изменяющейся социополитической обстановке и активном использовании современных информационно-коммуникационных технологий для распространения радикальных идей и формирования новых каналов влияния.

Наиболее значимыми источниками угрозы остаются религиозно-экстремистские и националистические направления. Они стремятся к подрыву основ конституционного строя и формированию теократических анклавов, пропагандируя насильственные методы изменения власти и вербовку сторонников через интернет-платформы. Вторую категорию составляют националистические и неонацистские движения и их последователи, которые эксплуатируют темы этнического превосходства, миграционного кризиса и социальной несправедливости, провоцируя межнациональные конфликты и подрывая гражданское согласие.

В последние годы экстремизм в России все чаще принимает гибридные формы, сочетая идеологическую, политическую и информационно-психологическую составляющие. Опасность заключается в том, что экстремистские идеи распространяются в легитимных общественных пространствах – образовательных инициативах, онлайн-форумах, медийных проектах и даже волонтерских движениях. Такая «социальная маскировка» позволяет радикальным группам легализовать свое присутствие в информационном поле и вести пропаганду под видом общественно значимой деятельности. Дополнительную угрозу представляют внешние акторы, использующие экстремистские структуры в рамках стратегии гибридного воздействия на Россию, направленного на расшатывание внутренней стабильности и ослабление доверия к власти.

Степень угрозы от экстремистских организаций оценивается как высокая и перманентная, поскольку их деятельность охватывает одновременно идеологическую, культурную, информационную и политическую сферы. Особое внимание заслуживает тот факт, что радикальные идеи находят отклик прежде всего среди молодежи, что указывает на необходимость активизации профилактической и образовательной работы. Противодействие экстремизму должно носить системный характер и включать: совершенствование правовой базы, развитие мониторинга интернет-пространства, межведомственное взаимодействие силовых структур, а также реализацию государственных программ духовно-нравственного и патриотического воспитания. Неотъемлемым элементом стратегии безопасности России должна стать идеологическая консолидация общества на основе традиционных ценностей, исторической памяти и гражданской ответственности. Только при наличии устойчивого ценностного фундамента и развитой культуры национальной идентичности возможно эффективное противостояние экстремистским угрозам и обеспечение долгосрочной безопасности Российской Федерации.

Исследование зарубежного опыта правового регулирования борьбы с экстремизмом позволяет сделать следующие выводы:

- универсальной детерминанты появления и развития этого опасного правового явления не существует. Однако можно определить общие причины, способствующие появлению и развитию экстремизма в мире: расовая, религиозная, идеологическая, националистическая вражда; политическая, социальная и экономическая нестабильность в регионе; деятельность внешнеполитических сил, направленных против безопасности государства; борьба за независимость от других государств;

- наиболее эффективным является гармоничное применение уголовно-правовых средств борьбы с экстремизмом и специального законодательства, хотя в отдельных странах в качестве правовой базы борьбы с экстремизмом преобладает один из двух указанных блоков законодательства;

- специально законодательство, а также уголовно-правовые средства борьбы с экстремизмом большинства стран Западной Европы и государств-членов СНГ испытывают на себе воздействие двух факторов: процессы унификации и ужесточения**.**

Технологии политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма образуют гуманитарный фундамент национальной безопасности. Они обеспечивают не только профилактику радикальных проявлений, но и воспроизводство таких качеств, как патриотизм, гражданская зрелость, уважение к праву и социальная солидарность. В перспективе именно социокультурный подход позволит перейти от реактивной модели борьбы с экстремизмом к проактивной, ориентированной на воспитание устойчивого, духовно зрелого и ответственного гражданского общества, способного самостоятельно противостоять идеологическим угрозам и тем самым укреплять устойчивость и безопасность Российской Федерации.

Социокультурное преодоление экстремизма представляет собой важнейшее направление государственной и общественной деятельности, направленной на укрепление устойчивости российского общества перед лицом идеологических и психологических угроз. В современном мире экстремизм все чаще выступает не в форме открытого насилия, а как феномен культурного и информационного воздействия, основанный на подмене ценностей, искажении исторической памяти и разрушении традиционных форм коллективной идентичности.

В авторской трактовке технологии политической социализации общества представляют собой совокупность институциональных, образовательных и коммуникативных практик, направленных на формирование у граждан устойчивого правового и патриотического мировоззрения, позитивного отношения к государственным институтам, готовности к участию в общественно-политической жизни и ответственности за судьбу страны. Политическая социализация, понимаемая в этом контексте, – это не просто процесс усвоения норм политической культуры, а механизм формирования личности, способной воспринимать государство как пространство сотрудничества, а не противостояния. Данная технология способствует снижению уровня отчуждения между обществом и властью, укрепляет легитимность государственных институтов и служит профилактическим барьером против радикальных и экстремистских идеологий.

Социокультурное преодоление экстремизма в авторском определении – это целенаправленная деятельность государства, общества и институтов гражданской коммуникации, направленная на укрепление духовно-нравственного потенциала, культурной идентичности и коллективных ценностей, обеспечивающих устойчивость личности и социума к идеологиям насилия и вражды. Основная задача этой технологии – формирование гуманитарной среды, в которой экстремистские идеи теряют привлекательность и символическую значимость. Реализуется она через

систему образования, культуру, средства массовой информации, деятельность общественных и религиозных организаций, а также через развитие информационной и медиакультуры. Особое значение имеет воспитание у молодежи критического мышления, уважения к историческому наследию, способности к диалогу и толерантности, качеств, обеспечивающих устойчивость к манипуляциям и радикальным установкам.

На практике социокультурное противодействие экстремизму должно строиться на принципах партнерства государства и гражданского общества. Государственные структуры формируют стратегические ориентиры и правовую основу, а общественные, образовательные, культурные и религиозные институты становятся носителями и трансляторами духовных и культурных ценностей. Ключевым элементом такой системы является информационно-гуманитарная безопасность, подразумевающая контроль над распространением экстремистского контента, создание позитивного медиапространства и продвижение идей гражданской солидарности, патриотизма и доверия.

Социокультурное преодоление экстремизма и технологии политической социализации общества образуют гуманитарный контур национальной безопасности. Они обеспечивают не только защиту от радикальных проявлений, но и формируют долгосрочные основы общественной устойчивости и духовного единства. В стратегической перспективе данные технологии должны стать частью системной государственной политики, направленной на воспитание гражданина как активного участника созидательных процессов, носителя культурных и нравственных ценностей, противостоящих идеологиям разрушения. В этом заключается потенциал «мягкой силы» национальной безопасности России, опирающейся на культуру, образование, мораль и историческую преемственность как ключевые ресурсы защиты государства и общества от экстремизма.

Следовательно, технологии политической социализации и социокультурного преодоления экстремизма образуют взаимосвязанный

гуманитарный контур национальной безопасности. Их основная цель – формирование гармоничного и зрелого гражданского общества, где каждый индивид осознает себя не объектом идеологического давления, а субъектом созидания, способным к конструктивному взаимодействию с государством и другими социальными группами. В перспективе развитие этих технологий должно стать приоритетным направлением государственной политики, направленной на укрепление духовного суверенитета России, консолидацию общества и создание культурно-нравственной основы, исключающей воспроизводство экстремизма как социального явления.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности в России демонстрирует укрепление межведомственного сотрудничества как ключевого инструмента обеспечения государственной и общественной безопасности.

В современных условиях угрозы экстремистского характера приобретают все более комплексный и сетевой характер, что требует объединения ресурсов и компетенций различных структур – ФСБ, МВД, Росгвардии, прокуратуры, исправительных учреждений, Следственного комитета, органов власти субъектов Федерации и институтов гражданского общества. Эффективным направлением стало развитие межведомственных координационных центров и рабочих групп, где принимаются решения по оперативным и профилактическим вопросам, включая противодействие идеологической и киберрадикализации.

Наряду с силовыми и правовыми методами все большее значение приобретают профилактические меры: информационно-просветительские кампании, образовательные программы, социальные проекты, направленные на укрепление гражданской идентичности и патриотического сознания. При этом актуальной задачей остается повышение прозрачности взаимодействия между ведомствами и укрепление доверия общества к деятельности институтов правопорядка.

Несмотря на достигнутые результаты, система противодействия экстремизму требует дальнейшего совершенствования, особенно в части цифровизации аналитических процессов и прогнозирования рисков. На наш взгляд, перспективное развитие должно опираться на принципы единства стратегии, открытого обмена информацией и социального партнерства государства с обществом. Только комплексная, научно обоснованная и технологически оснащенная модель взаимодействия способна эффективно противостоять современным формам экстремизма и укреплять устойчивость российского государства к внутренним и внешним деструктивным воздействиям.

Опыт взаимодействия институтов правопорядка по предупреждению и пресечению экстремистской деятельности подтверждает, что ключевым фактором успешной борьбы с этим явлением является не только оперативная координация действий, но и стратегическое единство подходов всех участников системы безопасности. Особое внимание уделяется противодействию интернет-экстремизму, где взаимодействие между правоохранительными структурами и цифровыми платформами стало важным элементом защиты общественного пространства. Наряду с этим возрастает роль профилактической и воспитательной работы, направленной на формирование у граждан устойчивых антиидеологических установок, правового сознания и медиаграмотности.

Несмотря на достигнутые успехи, остаются проблемы: недостаточная унификация ведомственных подходов, различия в уровне технической оснащенности и дефицит подготовленных кадров в области идеологической профилактики. На наш взгляд, дальнейшее развитие межведомственного взаимодействия должно опираться на три ключевых принципа: научно-аналитическую обоснованность принимаемых решений, цифровизацию всех этапов профилактической и оперативной работы, а также укрепление диалога между государством и обществом. Только при сочетании силового, правового и просветительского потенциалов возможно создать устойчивую систему

противодействия экстремизму, способную эффективно защищать конституционные основы и духовные ценности российского государства.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности государства, является важнейшим элементом национальной системы правопорядка, но в то же время нуждается в глубокой модернизации.

Основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, формируют необходимую основу для выявления, пресечения и профилактики экстремистских проявлений, однако их практическая реализация сталкивается с рядом противоречий. Прежде всего, это касается недостаточной определенности правовых категорий, размытости понятийного аппарата и дублирования функций различных ведомств. Сложившаяся правоприменительная практика нередко демонстрирует формальный подход, что снижает эффективность профилактики и вызывает общественную критику. В условиях роста угроз киберэкстремизма и идеологического влияния через цифровые платформы актуализируется необходимость обновления законодательства с учетом информационной специфики современного общества.

Опыт межведомственного взаимодействия показывает, что эффективное противодействие возможно лишь при выстраивании единой межведомственной системы обмена информацией и координации действий, а также при развитии аналитического и прогнозного потенциала.

Данное исследование направлено на выработку рекомендаций, в том числе, для включения в концепцию «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны», ориентированную на цифровизацию процессов мониторинга, укрепление профилактических механизмов и обеспечение прозрачности правоприменения. Только при комплексном сочетании правовых, политических и культурных инструментов возможно создание современной,

сбалансированной и эффективной системы защиты государства и общества от экстремистских угроз.

Отсутствие единого понятийного аппарата, несовершенство механизмов координации и различие в ведомственных критериях оценки экстремистской активности снижают эффективность системы в целом. Практика взаимодействия органов обеспечения безопасности и правопорядка демонстрирует, что результативность противодействия во многом зависит от качества информационного обмена, скорости реагирования и готовности к совместным действиям на межуровневой основе.

В политико-правовом аспекте требуется усиление нормативного регулирования деятельности в цифровой среде, где экстремизм проявляется в форме идеологического воздействия, манипуляции общественным сознанием и вербовки через социальные сети. В социокультурном измерении важно развивать просветительские и воспитательные практики, направленные на укрепление гражданской идентичности, толерантности и медиаграмотности, особенно среди молодежи. Мы считаем, что перспективным направлением совершенствования законодательства является создание комплексной концепции противодействия экстремизму, интегрирующей правовые, организационные и профилактические меры. Также целесообразно формирование межведомственной цифровой платформы анализа рисков радикализации, объединяющей государственные и общественные ресурсы. Реализация этих мер позволит перейти от реактивного к проактивному формату правового регулирования, обеспечивая гармоничное сочетание интересов безопасности государства и защиты прав личности. Такой подход позволит сделать правовую систему более прозрачной, предсказуемой и адаптированной к современным вызовам, обеспечив баланс между защитой государства и соблюдением прав граждан.

Также актуально усиление роли парламентского и судебного контроля в сфере реализации антиэкстремистского законодательства и правовая защита граждан от возможных злоупотреблений при применении этих норм.

Формирование в обществе неприятия радикальных идеологий, укрепление ценностей правового государства, патриотизма и гражданской солидарности – это основной перечень профилактических мероприятий, поскольку эффективность борьбы с экстремизмом определяется не только жесткостью закона, но и степенью доверия общества к институтам власти и правопорядка.

Нормативно-правовая база противодействия экстремизму, угрожающему национальной безопасности России, в последние годы значительно укрепилась, однако остается предметом активного совершенствования. Принятые законодательные акты создают основу для системной борьбы с экстремистской деятельностью, но в условиях стремительного развития цифровых технологий и изменения форм идеологического воздействия возникает потребность в ее актуализации.

Одной из ключевых проблем является отсутствие четкой дифференциации между различными уровнями экстремистской активности – от идеологической пропаганды до организованных форм деструктивной деятельности, что затрудняет применение норм права и снижает их превентивный эффект.

В политико-правовом аспекте актуальной задачей становится обеспечение прозрачности антиэкстремистского законодательства и недопущение его использования в ущерб конституционным правам граждан. В социокультурном измерении усилия государства должны быть направлены на укрепление общественной солидарности, развитие правовой культуры, воспитание медиаграмотности и формирование у молодежи устойчивых ценностей гражданской идентичности. Мы полагаем, что перспективным направлением развития нормативно-правовой базы является принятие единого кодифицированного акта о противодействии экстремизму, основанного на принципах баланса между безопасностью и правами личности, а также внедрение цифровых инструментов прогнозирования и раннего предупреждения экстремистских угроз. Такой подход позволит создать

современную, гибкую и превентивно ориентированную систему правового регулирования, адекватную реалиям XXI в.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму в России выполняет стратегическую функцию защиты государства и общества от деструктивных идеологий, однако требует дальнейшего совершенствования с учетом изменяющихся политико-правовых и социокультурных условий. Несмотря на то, что основополагающие правовые акты, в первую очередь Федеральный закон № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», обеспечивают базовые механизмы выявления и пресечения экстремистских проявлений, в их реализации сохраняются проблемы правовой неопределенности, неоднозначности терминов и разрозненности ведомственных полномочий. Кроме того, правовое регулирование часто не поспевает за трансформацией экстремистских угроз, особенно в киберпространстве, где радикальные движения активно используют сетевые технологии, криптовалюты и закрытые цифровые платформы.

Назрела необходимость выработки долгосрочной концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны», включающей четкое разграничение понятий, усиление парламентского контроля и развитие механизмов правового мониторинга. В социокультурном измерении ключевым направлением остается формирование у граждан критического восприятия информации, повышение уровня медиаграмотности и укрепление правосознания, особенно среди молодежи.

Реализация данных мер позволит выстроить сбалансированную модель правового регулирования, в которой защита безопасности государства будет сочетаться с сохранением демократических принципов и прав человека.

Современная нормативно-правовая база противодействия экстремизму, представляющему опасность для безопасности государства, является важнейшим элементом национальной системы правопорядка, но в то же время нуждается в глубокой модернизации.

Основные законодательные акты, регулирующие данную сферу, формируют необходимую основу для выявления, пресечения и профилактики экстремистских проявлений, однако их практическая реализация сталкивается с рядом противоречий. Прежде всего, это касается недостаточной определенности правовых категорий, размытости понятийного аппарата и дублирования функций различных ведомств. Сложившаяся правоприменительная практика нередко демонстрирует формальный подход, что снижает эффективность профилактики и вызывает общественную критику. В условиях роста угроз киберэкстремизма и идеологического влияния через цифровые платформы актуализируется необходимость обновления законодательства с учетом информационной специфики современного общества.

Также актуально усиление роли парламентского и судебного контроля в сфере реализации антиэкстремистского законодательства и правовая защита граждан от возможных злоупотреблений при применении этих норм. Профилактическое направление, а именно формирование в обществе неприятия радикальных идеологий, укрепление ценностей правового государства, патриотизма и гражданской солидарности позволит минимизировать проявление экстремизма. Эффективность борьбы с экстремизмом определяется не только жесткостью закона, но и степенью доверия общества к институтам власти и правопорядка.

Таким образом, назрела необходимость выработки долгосрочной концепции совершенствования законодательства, включающей четкое разграничение понятий, усиление парламентского контроля и развитие механизмов правового мониторинга. В социокультурном измерении ключевым направлением остается формирование у граждан критического восприятия информации, повышение уровня медиаграмотности и укрепление правосознания, особенно среди молодежи.

Реализация данных мер позволит выстроить сбалансированную модель правового регулирования, в которой защита безопасности государства будет сочетаться с сохранением демократических принципов и прав человека.

Государственная политика как перспективный инструмент противодействия экстремизму выступает ключевым фактором политической стабильности и цивилизационного самосохранения России. Ее дальнейшее развитие должно опираться на взаимодополнение нормативного регулирования и духовно-нравственной консолидации, что обеспечит не только устойчивость государства перед внешними и внутренними вызовами, но и сохранение его исторической миссии – быть пространством справедливости, согласия и культурного многообразия.

Концептуальные предложения:

1. **Разработать и утвердить проект межведомственной концепци**и «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны» в рамках стратегического планирования государственной политики Российской Федерации до 2035 года.

2. **Совершенствовать правовые механизмы** противодействия экстремизму, включая уточнение терминологической базы, дифференциацию ответственности за различные формы экстремистской деятельности и усиление контроля за распространением деструктивного контента в цифровой среде.

3. **Создать систему информационно-идеологической безопасности**, включающую меры по формированию позитивных гражданских идентичностей, патриотического воспитания, медиаобразования и противодействия идеологической манипуляции.

4. **Развивать организационно-управленческие инструменты,** направленные на укрепление взаимодействия федеральных и региональных структур, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и экспертного сообщества.

5. **Внедрить диагностические и прогностические модели** оценки уровня экстремистской активности с использованием инструментов больших данных, искусственного интеллекта и социальных индикаторов для своевременного выявления рисков.

Рекомендации органам государственной власти:

1. **Совершенствовать межведомственное взаимодействие** в рамках единой государственной системы противодействия экстремизму, обеспечивая согласование действий МВД, ФСБ, Минюста, исправительных учреждений, Минобрнауки и Минцифры России.

2. **Обеспечить научно-экспертное сопровождение** разработки и реализации государственной политики в данной сфере, включив ведущие исследовательские центры и вузы в процесс стратегического планирования.

3. **Разработать федеральные и региональные программы профилактики экстремизма**, ориентированные на молодежь, интернет-среду и миграционные сообщества.

4. **Институционализировать систему постоянного мониторинга,** включающую диагностические базы данных, социологические и психологические индикаторы экстремистской активности.

5. **Сформировать устойчивое общественное противодействие экстремизму**, основанное на развитии гражданской ответственности, патриотизма и доверия к государственным институтам.

Таким образом, проведенная работа не только раскрыла теоретико-методологические основы исследования экстремизма как социально-политического феномена, но и заложила концептуальные и практические ориентиры формирования современной государственной политики Российской Федерации по противодействию экстремизму в интересах обеспечения безопасности государства до 2035 года.

Дальнейшее осмысление результатов проведенного анализа позволяет утверждать, что эффективность государственной политики в сфере противодействия экстремизму напрямую зависит от согласованности и

устойчивости ее правовых, организационных, информационных и социокультурных компонентов. Противодействие экстремизму не может быть сведено исключительно к деятельности силовых структур, оно должно включать комплексную систему профилактики, формирование у граждан устойчивой национально-государственной идентичности, развитие политико-правовой культуры и укрепление доверия к институтам власти.

В условиях цифровизации общественной жизни особое значение приобретают информационно-коммуникационные аспекты экстремизма. Социальные сети и медийные платформы становятся пространством идеологической конкуренции и распространения деструктивных идей, что требует выстраивания государственной стратегии информационной безопасности личности и общества. В связи с этим необходимо развитие нормативной базы, регулирующей цифровое пространство, повышение медиаобразовательной грамотности населения и создание альтернативных позитивных идеологических платформ.

Анализ современного состояния правоприменительной практики показал, что при значительном объеме законодательных актов и мер уголовно-правового воздействия наблюдается дефицит концептуальной и координационной целостности государственной политики. Необходим переход от реактивных форм борьбы к превентивно-прогностическим моделям управления рисками экстремистской активности.

В числе приоритетных направлений государственной политики следует выделить:

1. **Институционализацию научно-аналитического обеспечения** политики противодействия экстремизму через создание специализированных исследовательских центров и интеграцию научных данных в процесс государственного управления.

2. **Формирование единого межведомственного банка данных,** включающего показатели экстремистских проявлений, динамику идеологических тенденций и уровень угроз для национальной безопасности.

3. **Разработку индексов экстремистской активности** по регионам Российской Федерации с возможностью прогнозирования и раннего реагирования.

4. **Внедрение системы гражданской и образовательной профилактики экстремизма**, ориентированной на молодежь, педагогическую среду и сетевые сообщества.

Таким образом, государственная политика в рассматриваемой сфере должна быть не только системой реагирования, но и системой управления рисками, профилактики и социального развития. Только в этом случае она будет способна обеспечить устойчивость политической системы, укрепить общественное согласие и предотвратить угрозы национальной безопасности.

Стратегические ориентиры до 2035 года:

На основе проведенного диссертационного исследования можно выделить следующие стратегические приоритеты государственной политики Российской Федерации в области противодействия экстремизму до 2035 года:

1. Совершенствование нормативно-правовой базы с учетом новых форм и каналов экстремистской деятельности, включая киберпространство, финансовые потоки и идеологические сети.

2. Интеграция профилактической работы в национальные проекты и программы развития человеческого капитала, в том числе в систему образования, культуры и цифровой грамотности.

3. Разработка межведомственной концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны», предусматривающей единые цели, задачи, принципы и механизмы взаимодействия органов власти, институтов гражданского общества и экспертного сообщества.

4. Развитие системы общественного контроля и общественно-государственного партнерства, включая участие некоммерческих организаций, религиозных объединений, научных и образовательных учреждений.

5. Формирование идеологической устойчивости общества через укрепление традиционных духовно-нравственных ценностей, поддержку патриотического воспитания и противодействие идеологическому релятивизму.

Заключительные рекомендации:

1. Усилить координацию деятельности федеральных и региональных органов власти в сфере противодействия экстремизму, обеспечив единые стандарты профилактики и мониторинга.

2. Расширить межведомственное взаимодействие с использованием цифровых аналитических платформ и искусственного интеллекта для выявления экстремистских угроз.

3. Ввести обязательный элемент социокультурной диагностики в программы государственной безопасности и образования.

4. Разработать комплексную Государственную программу противодействия экстремизму в Российской Федерации (2026–2035 гг.), включающую механизмы стратегического планирования, финансирования и мониторинга эффективности.

5. Обеспечить регулярное публичное информирование общества о результатах реализации государственной политики, что будет способствовать укреплению доверия граждан и формированию единого антиидеологического фронта.

Таким образом, в результате проведенного диссертационного исследования был разработан комплексный научно обоснованный подход к формированию и реализации государственной политики противодействия экстремизму как ключевого элемента системы обеспечения безопасности Российской Федерации. Итог - проект концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны». А также:

- проанализированы современные подходы к формированию государственной политики в области противодействия экстремизму в интересах безопасности государства, дано авторское определение;
- изучена отечественная и зарубежная история противодействия экстремизму как угрозы безопасности страны, рассмотрены основные теоретические подходы к феномену экстремизма как прямой угрозе с учетом специфики его формирования, развития и распространения в условиях современной России;
- выявлены особенности действующей в Российской Федерации нормативно-правовой базы, регламентирующей государственную политику противодействия экстремистской деятельности в интересах безопасности государства и предложены пути ее совершенствования;
- проанализированы имеющиеся в Российской Федерации экстремистские течения и организации с целью определения степени их опасности для интересов страны, исследованы специфические факторы, способствующие распространению в российском обществе экстремистских настроений, определена степень их значимости и предложены возможные методы нейтрализации;
- определены возможности и перспективы политико-правовых аспектов и социокультурных форм противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности страны;

- актуализирован опыт взаимодействия органов обеспечения безопасности и правопорядка по предупреждению экстремистской деятельности, представляющей опасность для страны;

- разработана авторская технология «политической социализации общества» и «социокультурного преодоления» экстремизма как фундаментальных элементов механизма обеспечения национальной безопасности;

- сформирована теоретико-методологическую основу выстраивания политики, направленной на нейтрализацию и профилактику экстремизма;

- предложены конкретные механизмы реализации государственной политики по противодействию экстремизму, включая правовые, организационные, информационные и идеологические инструменты;

– подготовлен проект Концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны».

Реализация предложенных мер позволит укрепить политическую стабильность, обеспечить единство общества, повысить эффективность механизмов государственной безопасности и создать устойчивый идеологический каркас развития Российской Федерации в условиях современных глобальных вызовов.

Список использованных источников и литературы

Концептуальные и основополагающие документы Российской Федерации

1. Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ). / Электронная база данных «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/12125267. – Текст: электронный.

2. Комментарий к УК РФ / Под общей ред. В.М. Лебедева. М., 2004.

3. Конституция Российской Федерации. / Официальный сайт Президента РФ. [Электронный ресурс]. – URL: http://constitution.kremlin.ru. – Текст: электронный.

4. Концепция национальной безопасности Российской Федерации», утверждена Указом Президента от 10 января 2000 года № 24. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nationalsecurity.ru/library/00002/index.htm. – Текст: электронный.

5. Уголовный кодекс РФ. / Электронная база данных «Консультант+». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/ukrf. – Текст: электронный.

Федеральные законы Российской Федерации

6. О средствах массовой информации: Закон РФ от 27.12.1991 № 2124-1. Электронная база данных «Консультант+» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/smi/ (дата обращения: 27.09.2011). – Текст: электронный.

7. О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности»: Федеральный закон в ред. от 07.02.2011 № 3-ФЗ. Правовая система «Референт» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.referent.ru/1/92137. – Текст: электронный.

8. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ». [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/obob/. – Текст: электронный.

9. Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон № 144-ФЗ от 12.08.1995 г. (в ред. от 08.12.2011 № 424-ФЗ) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=LAW;n=123046. – Текст: электронный.

10. О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Федеральный закон от 10.01.2003 № 3-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.femida44.ru/biblioteka/zakony-rf/41401-federalnyj_zakon_ot_janvarja_goda_rossijskaja_federacija_o_ratifikacii.html. – Текст: электронный.

11. О политических партиях: Федеральный закон от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «». / Электронная база данных «Гарант». [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/5748880/ (дата обращения: 23.09.2011). – Текст: электронный.

12. О прокуратуре Российской Федерации: Федеральный закон от 17.01. 1992 № 2202-I (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsmsinfo.ru/article.html?618. – Текст: электронный.

13. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07. 2002. № 114-ФЗ (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/12127578/. – Текст: электронный.

14. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма»: Федеральный закон от 27.07.06 № 153-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.admin-smolensk.ru/~antiterror/normative_acts/federal/news_794.html (дата обращения: 27.09.2011). – Текст: электронный.

15. О безопасности: Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsmsinfo.ru/article.html?623. – Текст: электронный.

16. О противодействии терроризму: Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ / Электронная база данных «Гарант» [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru/12145408/ (дата обращения: 23.09.2011). – Текст: электронный.

17. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (с изменениями и дополнениями) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsmsinfo.ru/article.html?614. – Текст: электронный.

18. О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях»: Федеральный закон от 08.12.2011 № 421-ФЗ «http://base.garant.ru/70103514/.

19. Об обороне: Федеральный закон от 31.05.1996 № 61-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://base.garant.ru (дата обращения: 23.09.2011). – Текст: электронный.

20. О противодействии экстремистской деятельности: Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3031.

21. О молодежной политике в Российской Федерации: Федеральный закон от 30.12.2020 № 489-ФЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.consultant.ru/popular/obob/. – Текст: электронный.

Указы, распоряжения Президента Российской Федерации и документы стратегического планирования

22. О Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ № 24 от 02.07.2021 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.nationalsecurity.ru/library/00002/00002decree2.htm. – Текст: электронный.

23. О мерах по обеспечению согласованных действий органов государственной власти в борьбе с проявлениями фашизма и иных форм политического экстремизма в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 23.03.1995 № 310 / Информационно-правовое издание «Легис» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.legis.ru/misc/doc/2445/ (дата обращения: 27.09.2011). – Текст: электронный.

24. О центральных компетентных органах Российской Федерации, ответственных за выполнение Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом: Указ Президента РФ от 17.06.2003 № 680 [Электронный ресурс]. – URL: http://giod.consultant.ru/page.aspx?756158. – Текст: электронный.

25. О Межведомственной комиссии по противодействию экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента от 26.07.2011 № 988 [Электронный ресурс]. – URL: http://graph.document.kremlin.ru/page.aspx?1;1568408. – Текст : электронный.

26. Военная доктрина РФ (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976).

27. Об утверждении Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации: Указ Президента РФ от 28.12.2024 № 1124 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: http://pravo.gov.ru/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.

28. Доктрина информационной безопасности (утв. Указом Президента РФ 05.12.2016 № 646) // Совет Безопасности РФ. URL: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.

29. Концепция внешней политики РФ (утв. Президентом РФ 12.02.2013).

30. Стратегия национальной безопасности РФ (утв. Президентом РФ 2.07.2021 № 400).

31. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809.

32. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года : утв. Президентом Российской Федерации 28.11.2014 № Пр-2753 // Совет Безопасности Российской Федерации : официальный сайт. – URL: http://www.scrf.gov.ru/security/State/document130/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.

Документы исполнительной, законодательной и судебной власти Российской Федерации

33. Государственная молодежная политика в Российской Федерации: основные направления (материалы к «правительственному часу» 250-го заседания Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации) Серия: Основные проблемы социального развития России. 112. №9 (376), 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://www.budgetrf.ru/Publications/Magazines/VestnikSF/2009/VSF_NEW20090 7201118/VSF_NEW200907201118_p_005.htm. – Текст : электронный.

34. Положение о правительственной комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав [Электронный ресурс]. – URL: http://www.government.ru/gov/agencies/159/print/. – Текст : электронный.

35. О заявлении Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации «О пресечении деятельности террористических организаций на территории Российской Федерации: Постановление Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 12.02.2003 № 3624-III ГД [Электронный ресурс]. – URL: http://www.innovbusiness.ru/pravo/DocumShow_DocumID_79188.html. – Текст: электронный.

36. Об утверждении Положения о порядке определения перечня организаций и физических лиц, в отношении которых имеются сведения об их

причастности к экстремистской деятельности или терроризму, и доведения этого перечня до сведения организаций, осуществляющих операции с денежными средствами или иным имуществом: Постановление Правительства РФ от 18.01.2003 № 27 (с изменениями от 24 октября, 30 декабря 2005 г., 19 ноября, 8 декабря 2008 г., 24 марта 2011 г.) [Электронный ресурс]. – URL:http://www.vsmsinfo.ru/article.html?609. – Текст: электронный.

37. Состояние преступности в Российской Федерации. / Официальный сайт Министерства внутренних дел РФ [Электронный ресурс]. – URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/ (дата обращения: 26.12.2011.). – Текст: электронный.

38. Список организаций, признанных российскими судами экстремистскими. / Информационно-аналитический центр «Сова» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/docs/2007/11/d11927/ (дата обращения: 12.10.2011.). – Текст: электронный.

39. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе (2001 – 2005 годы)» / [Электронный ресурс]. – URL: http://dob.1september.ru/2003/23/10.htm. – Текст: электронный.

Нормативные акты субъектов Российской Федерации и региональные материалы

40. О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан: Закон Республики Дагестан от 22 сентября 1999 г. № 15 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/9315/. – Текст: электронный.

41. О противодействии политическому и религиозному экстремизму на территории КЧР: Закон Карачаево-Черкесской Республики от 4 мая 2000 г. №6-РЗ [Электронный ресурс]. – URL:

http://www.rusouth.info/territory5/pack1b/paper-hfk4x7.htm. – Текст: электронный.

42. Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории города Москвы: Закон г. Москвы от 15 января 1997 г. № 1 (с изменениями и дополнениями от 26 мая 1999 г.) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_61882.html. – Текст: электронный.

43. Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории Московской области: Закон Московской области от 25 октября 1999 г. №71/99-ОЗ. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.docs.cntd.ru/document/5803721. – Текст: электронный.

44. Об административной ответственности за изготовление, распространение и демонстрацию нацистской символики на территории Санкт-Петербурга: Закон Санкт-Петербурга от 17 апреля 2000 г. № 154-13 [Электронный ресурс]. – URL: http://www.docs.pravo.ru/document/view/589704/. – Текст: электронный.

45. Губернаторский оперативный отряд «Медведь» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.uvd.murman.ru/info/public/medved.shtml. – Текст: электронный.

46. Информационно-аналитическая записка к отчетному докладу начальника Главного управления МВД России по Саратовской области о деятельности Главного управления в 2011 году [Электронный ресурс]. – URL: http://www.guvd64.ru/news/news.asp?id_header=8&id_razdel=73&id_news=299. – Текст: электронный.

47. Областная долгосрочная целевая программа «Профилактика экстремизма и терроризма в Ростовской области на 2012 – 2014 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsmsinfo.ru/article.html?582. – Текст: электронный.

48. О Комплексной городской целевой программе профилактики правонарушений, борьбы с преступностью и обеспечения безопасности граждан в городе Москве на 2006 – 2010 гг. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.uprava-ms.ru/normative_document/files/882.rtf. – Текст: электронный.

49. Официальный информационно-аналитический сайт Алданского района Республики Саха (Якутия) [Электронный ресурс]. – URL: http://aldray.ru/arhiv-novostey/57.html. – Текст: электронный.

50. Официальный портал мэрии Казани [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kzn.ru/mospo-uvd.htm. – Текст: электронный.

51. Официальный сайт программы «Толерантность» [Электронный ресурс]. – URL:http://spbtolerance.ru/. – Текст: электронный.

52. Официальный сайт УМВД России по Омской области. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.uvd.omsk.ru/. – Текст: электронный.

53. Постановление от 5 октября 2010 г. №882-ПП «О комплексной городской целевой программе профилактики правонарушений, борьбы с преступностью и обеспечения безопасности граждан в городе Москве на 2011-2015 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.referent.ru/3/76623. – Текст: электронный.

54. Постановление Правительства Санкт-Петербурга от 23.09.2010 № 1256 «О Программе гармонизации межкультурных, межэтнических и межконфессиональных отношений, воспитания культуры толерантности в Санкт-Петербурге на 2011-2015 годы. [Электронный ресурс]. – URL: http://spbtolerance.ru/archives/2504. – Текст: электронный.

55. Программа гармонизации межэтнических и межкультурных отношений, профилактики проявлений ксенофобии, укрепления толерантности в Санкт-Петербурге на 2006-2010 годы [Электронный ресурс]. – URL:http://www.gov.spb.ru/Document/1152616800.doc. – Текст: электронный.

56. Районная целевая программа «Противодействие терроризму и экстремизму на территории Кулебакского района Нижегородской области на

2012-2014 годы» [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsmsinfo.ru/article.html?598. – Текст: электронный.

57. Рекомендации органам власти: федерального, регионального и муниципального уровня по противодействию экстремизму ОП Самарской области [Электронный ресурс]. – URL: http://www.vsmsinfo.ru/article.html?592. – Текст: электронный.

58. Договор о коллективной безопасности (Ташкент, 15 мая 1992 г.).

59. Устав Организации Договора о коллективной безопасности (г. Кишинев, 7 октября 2002 г.).

Международные соглашения и документы иностранных государств

60. Всеобщая декларация прав человека. Принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml. – Текст: электронный.

61. Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 18 декабря 1992 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml. – Текст: электронный.

62. Договор о сотрудничестве государств-участников Содружества Независимых Государств в борьбе с терроризмом от 4 июня 1999 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.levonevski.net/pravo/razdel3/num1/3d1492.html. – Текст: электронный.

63. Европейская Конвенция о пресечении терроризма. Принята Советом Европы 27 января 1977 года. [Электронный ресурс]. – URL:

http://conventions.coe.int/Treaty/rus/Treaties/Html/090.htm. – Текст: электронный.

64. Европейская Хартия участия молодежи в общественной жизни на местном и региональном уровне [Электронный ресурс]. – URL:http://www.newparlament.ru/files/docs/doc-278.pdf. – Текст: электронный.

65. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 года). [Электронный ресурс]. – URL: http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm. – Текст: электронный.

66. Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 15 декабря 1997 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/bombing.shtml. – Текст: электронный.

67. Международная Конвенция о борьбе с финансированием терроризма. Принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 9 декабря 1999 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/terfin.shtml. – Текст: электронный.

68. Международный пакт о гражданских и политических правах от 19 декабря 1966 года. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml. – Текст: электронный.

69. Уголовный кодекс Республики Беларусь / [Электронный ресурс]. – URL: http://www.pravo.by/main.aspx?guid=3871&p0=hk9900275&p2={NRPA}. – Текст: электронный.

70. Шанхайская Конвенция о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом (Шанхай, 15 июня 2001 года). [Электронный ресурс]. – URL: http://law.edu.ru/norm/norm.asp?normID=1168301. – Текст: электронный.

71. Council of The European Union (2010): EU Counter- Terrorism Strategy - Discussion paper [Электронный ресурс]. – URL:http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/10/st09/st09685.en10.pdf. – Текст: электронный.

72. Council of The European Union (2010): The Stockholm Programme - An open and secure Europe serving and protecting citizens [Электронный ресурс]. – URL:http://register.consilium.europa.eu/pdf/en/10/st05/st05731.en10.pdf. – Текст: электронный.

73. Electronic newsletter of the ECPR-SG on Extremism and democracy [Электронный ресурс]. – URL: http://www.extremism-and-democracy.com/ead/newsletters/Past%20newsletters/2011-12-04-eExtreme-Newsletter.pdf. – Текст: электронный.

74. HOPE not hate: campaigns to counter racism and fascism. – URL: http://www.hopenothate.org.uk/about-us/. – Текст: электронный.

НАУЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА: МОНОГРАФИИ, ИССЛЕДОВАНИЯ, КНИГИ

75. A history of terrorism / Ed. W. Laquer. New Brunswick (N. J.), 2001.

76. Andreani G. The «War of Terror»: Good Cause, Wrong Concept // Survival, 2004-2005.

77. Bousquet A.The Scientific Way of Warfare: Order and Chaos on the Battlefields of Modernity. N.Y.: Columbia University Press, 2009.

78. Easton D. Systems Analysis of Political Life. N.Y., 1967.

79. Epstein J. Youth Culture: Identity in a Postmodern World. Oxford, 1998.

80. Hyman, H.H. Political Socialization: A Study in the Psychology of Political Behavior. N.Y.; Free Press of Glencoe, 1959.

81. Kenney M. From Pablo to Osama: Counter-terrorism Lessons from the War on Drugs. Survival, 2003.

82. Lasswell H. Structure and Function of Communication in Society. The Process and Effect of Mass communication. Chicago, 1971.

83. Pilkington H. Gender, Generation and Identity in Contemporary Russia. London, New York,. 1996.

84. Riordan J. The Soviet Youth Culture. London, 1989.

85. Rogers J., Mays G. Juvenile delinquency and juvenile justice. New York, 1987.

86. Ronfeldt D., Arquilla J. What next for networks and netwar? – Santa Monica: Rand Corp., 2001.

87. Smith E.A. Effects Based Operations: Applying Network Centric Warfare in Peace, Crisis, and War. Center for Advanced Concepts and Technology. Washington, D.C.: DOD-CCRP, 2002.

88. Terrorism and political violence: limits and possibilities of legal control / Ed. H. H. Han. New York; Rome, 1993.

89. Weir D. Crime in the City: Takeovers and Working Overs. Glasgow, 1989.

90. Williamoutwaite W., Bottomore T. The Twentieth Century Social Thought. London, 1994.

91. Zanini M. The Network of Terror in the Information Age // Globalization and the New Terror: The Asia Pacific Dimension / Elgar, 2004.

92. Абульханова-Славская К.А. Деятельность и психология личности. М., 1980.

93. Абдулаееа З.Л., Мирзоева С.М. Информационная политика и экстремизм // В сборнике: Неделя на-уки-2022. Сборник материалов 43 итоговой научно-технической конференции преподавателей, сотрудников, аспирантов и студентов ДГТУ, посвященной 50-летнему юбилею вуза. Махачкала, 2022. С. 81-82.

94. Агапов П.В., Хлебушкин А.Г. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: политико-правовой, криминологический и уголовно-правовой анализ. М.: АНО «Юридические программы», 2005.

95. Айзенкоп Б.М. Молодежная политика в Российской Федерации: поиск оптимальных решений. М.: Макс-Пресс, 2003.

96. Акаев В.Х. Экстремизм и терроризм в молодежной среде: противодействие средствами мобилизации этнокультурных ценностей: сборник научных материалов в помощь учителям школ Чеченской Республики. Комплексный научно-исследовательский институт им. Х. И. Ибрагимова РАН, Грозненский государственный нефтяной технический университет им. акад. М. Д. Миллионщикова, Чеченский институт повышения квалификации работников образования. – Махачкала, Алеф, 2020.

97. Алмонд Г. Гражданская культура. Политические установки и демократия пяти наций. Антология мировой политической мысли. Т.2. М.,1997.

98. Аминов Д. И., Оганян Р. Э. Молодежный экстремизм. Москва: Триада ЛТД, 2005.

99. Аминов Д.И. Молодежный экстремизм в России. М.: Academia, 2007.

100. Ананьев Б.Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977.

101. Андреева Г.М. Социальная психология. М.: Наука, 1994.

102. Антонян Ю.М. Экстремизм и его причины. М: Логос, 2010.

103. Антонян Ю.М., Белокуров Г. И., Боковиков А.К. Природа этнорелигиозного терроризма. М: Аспект Пресс, 2008.

104. Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. Терминологический словарь. М., Пенатес-пенаты. 2008.

105. Арухов З.С. Россия и Дагестан в новом геополитическом пространстве. Махачкала, 2004.

106. Арухов З.С. Экстремизм в современном исламе: Очерки теории и практики. Махачкала, 1999.

107. Аствацатурова М.А. Конфликтологические модели и мониторинг конфликтов в Северо-Кавказском регионе. ИЭА РАН, 2010.

108. Афанасьев В., Гилинский Я. Девиантное поведение и социальный контроль в условиях кризиса российского общества. СПб., 1995.

109. Бартол К. Психология криминального поведения. М.: Олма-пресс. 2008.

110. Бергер П., Бергер Бр., Коллинз Р. Личностно-ориентированная социология. М., 2004.

111. Боровиков Е.В. Исламский экстремизм в России: Оценка специфики распространения экстремистских форм ислама в некоторых мусульманских регионах России. М., ЦПИ, 2004.

112. Булгаков С.Н. Избр. соч. в 2-х т. Т.2. М.: Наука, 1991.

113. Вебер М. Избранное. Образ общества. М.: Юрист, 1994.

114. Верховский А. Государство против радикального национализма. М., 2002.

115. Верховский А. Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М.: Эксмо. 2009.

116. Витюк В.В., Эфиров С.А. «Левый» терроризм на Западе: история и современность. М., 1987.

117. Власов В. И. Экстремизм, терроризм, сепаратизм: политико-правовое осмысление в условиях глобализации. М.: Издательство РАГС, 2009.

118. Возженников А.В. Национальная безопасность России: вызовы, опасности и угрозы (вопросы теории и практики). М., 2015.

119. Выжлецов Г.М. Ценности российской духовности: Кризис и возрождение. Человек и духовно-культурные основы возрождения России. СПб., 1996.

120. Гаврилин Ю.В., Смирнов Л.В. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М., 2003.

121. Гаман – Голутвина О.В. Политическая наука перед вызовами современной политики // Полис. 2016. № 1.

122. Гольдман Э. Анархизм. / Пер. с англ. М.: Голос труда, 1920.

123. Горшков М.К, Шереги Ф.Э. Молодежь России: социологический портрет. 2-е изд. доп. и исправл. М.: Институт социологии РАН, 2010.

124. Грачев А. Политический экстремизм. М., 1986.

125. Грачев М.Н. Актуальные проблемы политической науки. М.: Экономическая демократия, 1996.

126. Грачев С.И. Терроризм и контртерроризм в условиях глобализма. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007.

127. Грачев С.И. Терроризм: вопросы теории. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007.

128. Гудков Л.Д., Дубин Б.В., Зоркая Н.А. Молодежь России. М.: Московская школа политических исследований, 2011.

129. Гусев Б.С. Стратегия государственной молодежной политики. М., 2007.

130. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М., 1991.

131. Дербин Е.А., Царегородцев А.В. Информационное противоборство. Концептуальные основы обеспечения информационной безопасности. М., 2024.

132. Дилигенский Г.Г. Рабочий на капиталистическом предприятии: исследование по социальной психологии французского рабочего класса. М., 1969.

133. Дойч, К. Нервы управления: модели политической коммуникации и контроля. М.: Политиздат, 1963.

134. Долгов В.М., Дорофеев В.И., Данилов М.В., Митрохина Т.Н., Чекмарев Э.В. Студенческая молодежь в гражданском обществе. Саратов: Изд-во СГУ им Н.Г. Чернышевского, 2003.

135. Дугин А.Г. Основы геополитики. М., 2000.

136. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии / Пер. с фр. и послесловие А.Б. Гофмана. М.: Наука, 1999.

137. Емельянов Г.В., Стрельцов А.А. Проблемы обеспечения безопасности информационного общества. «Информационное общество». 1999, вып. 2.

138. Ентелис Г.С., Щипанова Г.Д. Протестный потенциал российской молодежи. М., Юрайт. 2007.

139. Задохин А.Г. Международные отношения на Балканах (вторая половина XX века): национализм и конфликты. – М., 2002.

140. Зорин В.Ю. Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2002.

141. Зубок Ю.А. Социальная интеграция молодежи в условиях нестабильного общества. М.: Социум, 1998.

142. Зубок Ю.А. Феномен риска в социологии. Опыт исследования молодежи. М.: Мысль. 2007.

143. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм: сущность, формы, тенденции. М., 2009.

144. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социально-политическая регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Academia, 2008.

145. Иваненков С.П. Молодежь и государство: инновационные подходы. Оренбург, 2005.

146. Ильинский И.М. Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001.

147. Ионин Л.Г. Социология культуры. М., 2000.

148. Канаян В.А., Козлов А.А., Гущин В.А., Бугаков И.С. Неформальные молодежные сообщества Санкт-Петербурга. Теория, практика, методы профилактики экстремизма. Санкт-Петербург. Комитет по молодежной политике и взаимодействию с общественными организациями, 2008.

149. Кара-Мурза С. Г., Телегин С., Александров А., Мурашкин М. Экспорт революции. Саакашвили, Ющенко. М.: Алгоритм, 2005.

150. Карданов А.Р. Актуальные аспекты противодействия насаждению идеологии экстремизма в условиях цифровизации // Пробелы в российском законодательстве. 2022. Т. 15. № 4. С. 209-213.

151. Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984.

152. Козер Л. А. Мастера социологической мысли: Идеи в историческом и социальном контексте / Пер. с англ. Т. И. Шумилина; Под ред. д. ф. н., проф. И. Б. Орловой. – М.: Норма, 2006.

153. Козер Л. А. Функции социального конфликта / Пер. с англ. О. Назаровой; Под общ. ред. Л. Г. Ионина. – М.: Дом интеллектуальной книги: Идея-пресс, 2000.

154. Козлов А.А. Молодежный экстремизм. СПб.: Питер. 2008.

155. Козлов А.А., Томалинцев В.Н., Зобов Р.А., Сугакова Л.И. Феномен экстремизма. СПб., 2000.

156. Коркмазов А.В. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. № 4. С. 208–212.

157. Кон И. С. Междисциплинарные исследования. Социология. Психология. Сексология. Антропология. Ростов н/Д: Феникс, 2006.

158. Корецкий Д.А., Тулегенов В.В. Криминальная субкультура и ее криминологическое значение. СПб.: Центр-Пресс. 2006.

159. Косарецкая С.В. О неформальных объединениях молодежи. М.: Владос, 2004.

160. Кочои С.М. Терроризм и экстремизм. Уголовно-правовая характеристика. М., 2005.

161. Коэн Дж.Л. Гражданское общество и политическая теория. М.: Изд. дом «Весь Мир», 2003.

162. Кудрявцев В.Н., Эминов В.Е. Причины преступности в России. Криминологический анализ. М.: Норма. 2006.

163. Кучинае Р.Р. Современные тенденции цифрового экстремизма и терроризма//Про-] белы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. №4. С. 258–262.

164. Лаврецкий И. Р. Эрнесто Че Гевара. М.: Издательство ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», 1972.

165. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: Академический проект, 2011.

166. Левикова С.И. Молодежная культура. М., 2002.

167. Лисовский В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России. СПб., 2000.

168. Лихачев В. Политический антисемитизм в современной России. М., 2003.

169. Лосев А.Ф. Исследования по философии и психологии мышления. 1-е изд. М.: Мысль, 1999.

170. Лунеев В.В. Особенности современной преступности в России. Куда пришла Россия. Итоги социальной трансформации. М., 2003.

171. Лунеев В.В., Кудрявцев В.Н., Петрищев В.Е. Терроризм и организованная преступность в условиях глобализации. / Борьба с терроризмом. Науч. ред. В.Н. Кудрявцев; сост. Л.В.Брятова. М.: Наука, 2004.

172. Лурия А.Р. Этюды по истории поведения. М.: Педагогика-Пресс, 1993.

173. Магомедов М.Н., Абазов И.С. Цифровизация как фактор развития экстремистско-террористической идеологии // Евразийский юридический журнал. 2022. № 8 (171).

174. Манойло А. В. Информационные войны и психологические операции. Руководство к действию. М.: Горячая линия – Телеком, 2018.

175. Манойло А.В. Государственная информационная политика в особых условиях: монография. М.: МИФИ, 2003.

176. Манько Ю. В. Социология молодежи. СПб., 2008.

177. Менегетти А. Система и личность. М., 1996.

178. Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999.

179. Молодежная политика и молодежное движение: 15 лет перемен. М., 2005.

180. Молодежная политика: европейский опыт. Доклад Института Европы РАН № 163. М., 2005.

181. Москаленко А.Т., Сержантов В.Ф. Личность как предмет философского познания. Новосибирск: Наука, 1984.

182. Москаленко С.Г., Казимирова Н.Г. Правовая и этико-культурная превенция экстремизма // Философия права. 2015. № 1 (68).

183. Мухаев Р.Т. Политология. М.: «Издательство ПРИОР», 1997.

184. Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: криминологический и уголовно-правовой аспекты. М., 2005.

185. Нестеров Д. Скины: Русь пробуждается. М.: Ультра. Культура, 2004.

186. Новиков В.Г., Петрова Т.Э., Фещенко В.В. Проблемы формирования молодежных общественных объединений в Российской Федерации: Коллективная монография. М., 2001.

187. Общая теория национальной безопасности // Под ред. А. А. Прохожева / М.: Изд-во РАГС, 2005.

188. Опалев А.В. Современные информационные технологии как инструмент деятельности экстремистских и террористических организаций // Вестник Московского университета МВД России. 2022. № 5. С. 187–190.

189. Ортега-и-Гассет Х. Что такое философия. М., 1991.

190. Основы политической науки. М., 1993.

191. Павловский Г.О. Власть и оппозиция. М.: Европа, 2005.

192. Парыгин Б.Д. Основы социально-психологической теории. М., Наука. 1971.

193. Парыгин Б.Д. Социальная психология как наука. Л., 1967.

194. Переверзев М.П. Экономические основы работы с молодежью. М., 2008.

195. Петрищев В. Е. Заметки о терроризме. М., 2001.

196. Пилкингтон Х., Омельченко Е. Глядя на Запад. Культурная глобализация и российская молодежная культура. СПб., 2004.

197. Пирожков В.Ф. Законы преступного мира молодежи (криминальная субкультура). Тверь: ИПП «Приз», 2004.

198. Погосян А.А., Бондаренко С.В., Черноус В.В. Профилактика девиантного поведения молодежи. Ростов на Дону. 2003.

199. Почепцов Г.Г. Гражданское самбо: как противостоять «цветным» революциям. М.: Европа, 2005.

200. Природа этнорелигиозного терроризма / Ю.М. Антонян, Г. И. Белокуров, А.К. Боковиков и др. Под ред. Ю.М. Антоняна. М: Аспект Пресс, 2008.

201. Рабочая программа внеурочной деятельности «Цифровая гигиена» муниципального бюджетного общеобразовательного учреждения «Школа № 144 имени Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова» городского округа Самара.

202. Ритцер Дм. Современные социологические теории. СПб., 2002.

203. Романов Н. А. Общая характеристика политического экстремизма в современных условиях. М., 1994.

204. Романов Н. А. Сущность и содержание политического экстремизма. М., 1991.

205. Рукавишников В.О., Халман Л., Эстер П. Политические культуры и социальные изменения. Международные сравнения. М.: «Совпадение», 1998.

206. Ручкин Б.А. Молодежь и общество: уроки истории. М., 2016.

207. Рябов П.В. Философия классического анархизма. М.: Вузовская книга, 2007.

208. Савельев В.А. Горячая молодежь России. Лидеры, организации и движения. Тактика уличных боев. Контакты. М.: ООО Кванта, 2006.

209. Сейджман М. Сетевые структуры терроризма. М.: Идея-Пресс, 2008.

210. Смелзер Н. Социология / пер. с нем. М.: Феникс, 1994.

211. Современный терроризм: сущность, типология, проблемы противодействия. М., 2003.

212. Социология молодежи. Под ред. Кузнецова В.Н. М., 2005.

213. Социология о социальных процессах российского общества. Пермь, 2007.

214. Сочивко Д.В. Психодинамика. М.: ПЕРСЭ, 2003.

215. Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские / Пер. с англ. под ред. Н.А. Рубакина. М.: Современный литератор, 1999.

216. Суслонов П.Е. Политический экстремизм: опыт теоретического исследования. Екатеринбург: Урал. юрид. ин-т МВД России, 2010.

217. Таков А.З. Распространение экстремистской идеологии в сети интернет: проблемы обнаружения и меры противодействия // Журнал прикладных исследований. 2022. № 5-2. С. 196–199.

218. Тарасов А.Н., Черкисов Г.Ю., Шавкунова Т.В. Левые в России: от умеренных до экстремистов. М., 1997.

219. Терроризм в России и проблема системного реагирования / Под ред. А.И. Долговой. М., 2004.

220. Тишков В.А., Богомолов Ю.А. Политический экстремизм в России. М., 2001.

221. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. М., Юнити. 2008.

222. Утяшев М.М. Политическое поведение в постсоциалистическом обществе. Уфа: УНЦ РАН, 1995.

223. Факов А.М. Глобальное информационное пространство как фактор насильственного распространения экстремизма // Научные достижения и открытия современной молодежи: сборник статей XI Международной научно-практической конференции. 2020. С. 115–117.

224. Федорцев В.А. Негосударственный терроризм как форма политической борьбы: основные признаки и тенденции исторического развития. М.: Изд-во Российского университета дружбы народов, 2007.

225. Фрейд З. Психология бессознательного: Сборник произведений / Сост., науч. ред., автор вступит, статьи М.Г. Ярошевский. М.: Наука, 1989.

226. Фролов И.Т. О человеке и гуманизме: Работы разных лет. М.: Политиздат, 1989.

227. Ханбабаев К.М., Якубов М.Г. Религиозно-политический экстремизм в мире, России: сущность и опыт противодействия. Махачкала, 2008.

228. Цветков А. Антология современного анархизма и левого радикализма. М.: Ультра. Культура, 2003.

229. Че Гевара Э. Статьи, выступления, письма. М.: Культурная Революция, 2006.

230. Черкесов А.Ю. Глобализационные факторы, благоприятствующие распространению информационного экстремизма и терроризма: проблемы и пути противодействия // Образование и право. 2021. № 6.

231. Чилкот Р.Х. Теории сравнительной политологии. В поисках парадигмы / Пер. с англ. М.: ИНФРА-М, Изд-во «Весь мир», 2001.

232. Чупров В.И. Мотивационная сфера сознания молодежи: состояние и тенденции развития. М., 1993.

233. Чупров В.И. Политический экстремизм и его профилактика у студенческой молодежи. Ростов-на-Дону: Феникс. 2003.

234. Швыряев П.С. Киберпреступность в России: новый вызов для общества и государства // Государственное управление. Электронный вестник. 2021. № 89. С. 184–196.

235. Шереги Ф.Э. Социология политики. Прикладные исследования. М., 2003.

236. Шестопал Е. Б. Психологический профиль российской политики 1990-х. Теоретические и прикладные проблемы политической психологии. М.: «Российская политическая энциклопедия», 2000.

237. Штоль В.В. Армия «Нового мирового порядка». М.: ОГИ, 2010.

238. Щегорцов А.А. Как рождается экстремизм молодежи. М., 1990.

239. Эмануилов Р.Я. Терроризм и экстремизм под флагом веры: религия и политическое насилие: проблема соотношения. М.: Наука, 2010.

240. Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 1996.

241. Ювенология и ювенальная политика в XXI веке: опыт комплексного междисциплинарного исследования. Под ред. Е.Г. Слуцкого. СПб. 2004.

СТАТЬИ В ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЯХ И СБОРНИКАХ

242. Agenda // British Journal of Politics & International Relations, 13, 2011.

243. Combating right-wing extremism // FES Journal, No.2, 2010.

244. Country report: Hungary // Strategies for combating right-wing extremism in Europe. Berlin, 2011.

245. Country report: the Netherlands // Strategies for combating right-wing extremism in Europe. Berlin, 2011.

246. Dahl R, A. Who Participates in Local Politics and Why? // Science. 1961.

247. Dispersion and Differentiation: The Structures and Trends of the Radical Right in Europe // Strategies for combating right-wing extremism in Europe. Berlin, 2011.

248. Fostering Deradicalization: Countering Risks and Increasing Rewards. URL: http://www.cfr.org/projects/world/summit-against-violent-extremism-save/pr1557#publications.

249. Griffin R. From Slime Mould to Rhizome: An Introduction to the Groupuscular Right // Patterns of Prejudice. 2003. № 37. Vol. 1.

250. Helvey R.L. On strategic nonviolent conflict: thinking about the fundamentals. East Boston, MA: The Albert Einstein Institution, 2004.

251. Introduction: European Challenges Call for European Responses // Strategies for combating right-wing extremism in Europe. Berlin, 2011.

252. Lagroye, H. La socialisation politique: La pensee vivante. Annick Percheron // Rev. fr. de science polil 1994, N 1.

253. Natural selection? New Labour, race and education policy // Multicultural Teaching, Vol. 15, No. 3.

254. Patterns of Response to the Extreme Right in Western Europe // Right-Wing Extremism in the Twenty-First Century. London/Oregon, 2003.

255. The Radical Right in Europe: Challenges for Comparative Research // Strategies for combating right-wing extremism in Europe. Berlin, 2011.

256. Абдулатипов Р.Г. Проблемы профилактики экстремизма // Этнопанорама, 2002, №2.

257. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление. // Современный терроризм: состояние и перспективы. М., 2000.

258. Акунина, Ю.А. Профилактика молодежного экстремизма средствами социокультурного менеджмента / Ю.А. Акунина // Культура: управление, экономика, право. М.: Юрист, 2005, № 2.

259. Алексеев С.А., Зинурова Р.И., Тузиков А.Р., Гаязов Э.Б. Молодежный экстремизм в России и за рубежом-возможности решения проблемы // Вестник Казанского технологического университета. 2013. № 17.

260. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократий // Полис. 1992. № 4.

261. Алпеева М.А. Правовой анализ понятия, принципов и мер противодействия экстремизму по законодательству РФ // Исследование проблем таможенного дела: сб. научных трудов. М.: РИО РТА, 2007.

262. Андреенкова Н.В. Проблемы социализации личности // Социальные исследования. Вып. 3. М., 1970.

263. Андрюхин А. Интернет приравняли к оружию массового поражения // Известия. 27.10.2008. № 201.

264. Анисимов В.М. Социальное государство в России – выбор времени. Основные проблемы социального развития России // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2004. № 15 (235).

265. Афанасьев Н.Н. Идеология терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2001. № 6.

266. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // Pro et Contra. 2002. № 3.

267. Бабинцев В.П., Бояринова И.В, Реутов Е.В. Проблема социального аутсайдерства молодежи региона / // Регионология. 2008. № 2.

268. Балакирева Е.А. Ноу-хау в молодежной политике: необходимые преобразования или рискованный эксперимент //Журнал исследований социальной политики. 2007. № 4.

269. Беликов С. Политический экстремизм в молодежной среде // Молодежь и политика. Издательство МГУ. М., 1999.

270. Бирюков В.В. Опасность экстремизма и возможности уголовно-правовых мер борьбы с ним. // Адвокат. 2007. № 9.

271. Бондаревский В. П. Политический экстремизм // Социально-политическое взаимодействие на территории: механизмы, трансформации, регулирование. М., 1999.

272. Боргоякова Т.В. О проявлениях экстремизма и радикализма в российской молодежной среде // Аналитический вестник ФС РФ. 2007. № 4(321).

273. Борисов С. Сущность преступлений экстремистской направленности. / Мировой судья. 2009. № 4.

274. Бузгалин А. Альтерглобализм как феномен современного мира // Полис. 2003. № 2.

275. Букин В.П. Жизненные стратегии молодежи российской провинции. // Власть. 2009. № 1.

276. Верещагин В.Ю., Лабунец М.И. Политический экстремизм в контексте модернизации современной российской государственности // Философия права. 2002. № 2 (6).

277. Вехов И.В. Экстремизм как объект социологического исследования // Известия Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. 2009. № 111.

278. Витюк В.В., Эфиров С.А. Левый экстремизм и идея социальной справедливости. // Социальная справедливость и пути ее реализации в социальной политике. М.: 1982.

279. Вишневский Ю.Р., Шапко В.Т. Парадоксальный молодой человек // Социс. 2006. № 6.

280. Гаврилов О.Ф. Религиозный экстремизм как проблема права и философии // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2010. № 5.

281. Гаврилюк В.В., Трикоз Н.А. Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации // Социологические исследования. 2002. № 1.

282. Горшков М.К. Российское общество в социологическом измерении. / Социологические исследования. 2009. № 3.

283. Грачев С. И., Голубин Р.В. Причины и условия, цели и задачи терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2006. № 2 (5).

284. Грачев С.И. Актуальные вопросы организации контртеррористической деятельности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2008. № 4.

285. Грачев С.И. Взгляд на градацию терроризма по его видам // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2006. № 1 (4).

286. Грачев С.И. Поиски универсального определения феномена международной жизни «терроризм»: государственный подход и научная парадигма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2006. № 2 (5).

287. Грачев С.И. Политико-правовая характеристика государственного терроризма // Социально-гуманитарные знания. 2008. № 7.

288. Грачев С.И. Финансовая детерминанта современного терроризма // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия «Международные отношения. Политология. Регионоведение». 2006. № 2 (5).

289. Гудков Л. Смещенная агрессия: отношение россиян к мигрантам // Вестник общественного мнения. 2005. № 6.

290. Даль Р. Полиархия, плюрализм и пространство // Вопросы философии. 1994. № 3.

291. Данилова Е. А. Реализация государственной молодежной политики в важнейших сферах жизнедеятельности // Социология образования. 2008. № 7.

292. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социс. 1994. № 5.

293. Димов В. М. Проблемы девиантного поведения российской молодежи (социологический аспект) // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18, Социология и политология. 1997. № 2.

294. Динес В., Третьяк В. Государственная молодежная политика: современное состояние и перспективы // Власть. 2005. № 8.

295. Добреньков В.И. Российское общество: современная ситуация и перспективы. / Тезисы докладов и выступлений на II Всероссийском социологическом конгрессе «Российское общество и социология в XXI веке: социальные вызовы и альтернативы». В 3-х т. М., 2003. Т. 1.

296. Добрынина В.И., Кухтевич Т.Н. Процессы перемен в сознании российской учащейся молодежи // Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2005. № 4.

297. Дорофеев В.И., Чекмарев Э.В. Политическое участие молодежи в условиях транзитивности российского общества (региональный аспект). Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. Саратов, 2007. Вып. 1.

298. Дорошенко О.М. Административно-правовое регулирование деятельности подразделений по профилактике правонарушений несовершеннолетних [Электронный ресурс]. – URL: http://justicemaker.ru/view-article.php?id=25&art=1084. – Текст: электронный.

299. Дронова Е.Н., Гудков В.В. Специальная молодежная оперативная дружина как форма реализации социально-педагогических и правовых инициатив в профилактике правонарушений. // Современные научные исследования и инновации. – Март, 2012. [Электронный ресурс]. – URL: http://web.snauka.ru/issues/2012/03/11011. – Текст: электронный.

300. Дубко Е.Л. Терроризм и нравственность // Вестник МГУ. Сер. 12. 2005. № 4.

301. Дьяков А. В. «Теоретическое насилие» Жана Бодрийяра // Философия постструктурализма во Франции: монография / А. В. Дьяков. Москва – Нью-Йорк – Санкт-Петербург: Northern Cross, 2008.

302. Евтюшкин А.Ю. Молодежный политический экстремизм в России исторические корни, эволюция, современные особенности. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «История и политические науки». 2009. № 2.

303. Ефанова Е. Молодежный экстремизм как форма политического протеста // Власть. 2011. № 8.

304. Жапуев З. А. Социальный иммунитет как предмет социологического исследования: концептуализация понятия // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2013.

305. Жаренова О.А. Симптоматика кризиса политической социализации в современной России // Политические феномены и процессы глазами молодых ученых. М., 2002.

306. Жуков В.И. Модернизация социальных отношений в России: замыслы, итоги, возможности // Социс. 2005. № 6.

307. Забарчук Е.Л. Религиозный экстремизм как одна из угроз безопасности российской государственности. // Журн. российском права. 2008. № 6.

308. Замсекретаря Совбеза России Александр Гребенкин о новой Стратегии противодействия экстремизму // Совет Безопасности РФ. 2025. 31

марта. URL: http://www.scrf.gov.ru/news/speeches/3797/ (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.

309. Запесоцкий, А.С. Дети эпохи перемен: их ценности и выбор // Социс. – 2006. - № 12.

310. Зоркая Н., Дюк Н. Ценности и установки российской молодежи // Мониторинг общественного мнения. 2003. № 1.

301. Зубок Ю.А. Отечественная социология молодежи: становление и развитие// Социально-гуманитарные знания. 2009. № 1.

302. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Молодежный экстремизм. Сущность и особенности проявления // Социс. 2008. № 5.

303. Зудин А. Ю. Традиционализация и укоренение политических инноваций: к постановке проблемы // ОНС: Обществ. науки и современность. 2007. № 4.

304. Ильинский И.М., Луков В.А. Государственная молодежная политика: Уроки недавнего прошлого // Вузовский вестник. 3 февраля 2009.

305. Информационный экстремизм: проблемы и перспективы противодействия в современных условиях / А.В. Петров [и др.] // Вестник Евразийского института региональных и локальных исследований. 2023. № 4.

306. Истон Д. Категории системного анализа политики // Антология мировой политической мысли. М.: Мысль, 1997.

307. Истон Д., Денис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности // Вестник Моск. ун-та, Сер. 18. Социология и политология. 2001. № 3.

308. Карпухин О.И. Молодежь России: особенности социализации и самоопределения// Социологические исследования. 2000. № 3.

309. Кастельс М., Алексеева А. Кастельс: Наша жизнь – гибрид виртуального и физического пространства: Из интервью М. Кастельса корреспонденту РИА Новости А. Алексеевой 22.06.2012 // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: Сб. науч. тр. / Отв. ред. Л. Н. Верченов, Д.

В. Ефременко, В. И. Тищенко. М.: РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед, 2013.

310. Ковалева А. И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Соц. исследования. 2003. № 1.

311. Количество экстремистских преступлений в РФ в 2024 году выросло на четверть // ТАСС. 2025. 5 марта. URL: https://tass.ru/proisshestviya/23313469 (дата обращения: 12.10.2025). – Текст: электронный.

312. Коргунюк Ю. Молодежная политика современных российских партий: теория и практика // Россия на рубеже веков: политические партии и молодежь. М., 2000.

313. Корпуснова А.А. Коричневая чума // Социально-гуманитарные знания. 2006. № 3.

314. Кострова А. А. Публичная молодежная политика: новая парадигма решения молодежных проблем // Право и политика. 2008. № 5.

315. Кочергин Р. О. Некоторые аспекты криминологического обоснования существования молодежного экстремизма, основанного на национальном или религиозном признаках // Человек. 2008. № 1.

316. Кочергин Р.О. Некоторые криминологические аспекты противодействия молодежному экстремизму в России. / Юридический вестник Ростовского государственного экономического университета. 2008. № 1.

317. Кочнев С. В. О механизмах привлечения молодежи к участию в развитии российских территорий // Научные труды Московского гуманитарного университета. Вып. 86, 2007.

318. Кравчук П. Ф. Проблема формирования патриотизма у молодежи средствами общественных организаций в современных социокультурных условиях (региональный аспект) // Вопросы культурологии. 2008. № 12 (декабрь).

319. Краснов М. Политический экстремизм – угроза государственности // Российская юстиция. 1999. № 4.

320. Криворученко В.К. Исторический опыт и уроки осуществления молодежной политики // Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции. М., 2008.

321. Круглова Е.В. К вопросу о социально-психологической природе правого экстремизма // Вестник Российского государственного университета дружбы народов. 2003. № 4.

322. Крутер М.С. Групповая, преступность молодежи (криминологические и субкультурные факторы) // Право и политика. 2000. № 8.

323. Кубякин Е.О. Молодежный экстремизм в условиях глобализационных трансформаций как угроза национальной безопасности России. / Кавказ – наш общий дом: сб. мат. и док. II международ. науч.-практ. конф. (Ростов н/Д, 23 – 24 сент. 2010 г.) / отв. ред. Ю.Г. Волков. Ростов н/Д; М.: Изд-во «Социально-гуманитарные знания», 2010.

324. Кубякин Е.О., Передерий А.В. Духовная культура молодежи как объект эмпирического социологического исследования. / Актуальные проблемы социального развития российской молодежи и пути оптимизации государственной молодежной политики: мат. межрегион. науч.-практ. конф. Краснодар: Просвещение – Юг, 2010.

325. Кудрявцев В.Н. Нравы общества переходного периода. / Вестник российской академии наук. Том 72, № 3 (2002).

326. Кули Ч.Х. Социальная самость. / Американская социологическая мысль: Тексты. М.: Мысль, 1994.

327. Лайкам К.Э. Социальные модели общества в период перехода к социально-ориентированной рыночной экономике (к вопросу о разработке социальной модели России XXI века) // Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 1999. № 24 (112).

328. Лапаева В.В. Роль права в борьбе с политическим экстремизмом. / Законодательство и экономика. 1998. № 6.

329. Лапцов С.А. Террор и террористы. Терроризм как многогранное общественное явление // Вестник МГУ. Сер. 12. 2006. № 5.

330. Лапшин В. Е. Аутодеструктивное поведение личности как предмет синергетического анализа. / Проблемы саморегуляции и адаптации личности: материалы междунар. науч.-практ. конф., 17 – 18 сент. 2008 г. М.: РУДН: МАНПО, 2008.

331. Лапшин В. Е. Кризис аутентичности и профилактика авитальной активности. / Вестн. Иван. ин-та ГПС МЧС России. 2009. № 1(5).

332. Лапшин В. Е. Психолого-педагогическая концепция профилактики деструктивного поведения в молодежной среде. / Современные исследования в социологии, психологии и педагогике: сб. ст. по материалам Всероссийском конф. «Всероссийские научные Зворыкинские чтения – II». Муром: МИ ВлГУ. – 2010.

333. Левикова С.И. О готах, готике и больном российском обществе // Общественные науки и современность. 2006. № 4.

334. Леонов Ю.С. Стратегии европейской государственной молодежной политики: основные направления и тенденции //Молодежная политика: зарубежный и отечественный опыт. Аналитический вестник Совета Федерации ФС РФ. 2007. № 4.

335. Лестер Д. Теория гегемонии Антонио Грамши и ее современное звучание // Альтернативы. М., 1999.

336. Лимонов Э. Сценарий вооруженного восстания // Лимонка. 1998. № 3.

337. Липсет С. М. Третьего пути не существует (Перспективы левых движений) // Полис. 1991. № 5–6.

338. Луков В.А. Особенности молодежной субкультуры в России // Социс 2002. № 2.

339. Луков В.А., Ильинский И.М. О молодежи и молодежной политике //Социально-гуманитарные знания. 2007. № 5.

340. Магомедов Ш.Б. Укрепление конституционной законности как основа противодействия политическому экстремизму [Электронный ресурс]. URL: http://www.ekstremizm.ru/biblioteka/itemlist/category/57-ekstremizm. – Текст: электронный.

341. Максименко Е.И., Никитина Т.А. Вопросы реализации комплексного подхода в противодействии экстремизму: политико-правовой аспект // Постсоветский материк. 2024. № 1 (41).

342. Мамедов В. А. Экстремистская деятельность молодежных группировок скинхедов // Проблемы применения норм уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в деятельности правоохранительных органов. Часть 2. Челябинск, 2008.

343. Мангейм К. Все о социологии культуры// Избранное. Социология культуры. СПб., 2000.

344. Материалы Третьей международной научной конференции по проблемам безопасности и противодействия терроризму. Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. 25–27 октября 2007 г. М.: МЦНМО, 2008.

345. Мкртчян Г.М. Стратификация молодежи в сфере образования, занятости и потребления // Социс. 2005. № 2.

346. Молодежные отряды правопорядка оказывают помощь милиции [Электронный ресурс]. – URL: http://www.newspb.ru/allnews/22704/. – Текст: электронный.

347. Морозов И.Л. Левый экстремизм в современном обществе: особенности стратегии / Полис. 1998. № 3.

348. Морозов И.Л. Политический экстремизм – от индустриальной модели к информационной // Человек в перспективе цивилизационного развития. Сборник научных статей. Саратов: «Издательский дом «МарК», 2009.

349. Моска Г. Правящий класс // Полис, 1994, № 10.

350. Мухина О.В. Политико-правовые технологии противодействия национальному и религиозному экстремизму в России // IX научно-практическая конференция преподавателей, студентов, аспирантов и молодых ученых: Сборник докладов в 3 т. Таганрог, 2008.

351. Наумова Т.В. Политический экстремизм: понятие, причины и проблемы противодействия. / Вестник научных трудов Нижнекамского филиала Московского гуманитарно-экономического института. Серия 8: Политическая криминология. Нижнекамск, 2004.

352. Нечипоренко О. М. Истоки и специфика российского политического терроризма. //Актуальные проблемы Европы. 1997. № 4.

353. Нечипоренко О. М. Состояние и перспективы развития терроризма на рубеже XX века // Анализ систем на пороге XXI века: теория и практика: Материалы Междунар. конф. Т. 4. М., 1997.

354. Никитина Е.М. Актуальные проблемы охраны прав детства в современной России, пути решения этих проблем // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2.

355. Новинская М. Коммунитарная парадигма: модернизация новой идеи в западной политической культуре// Мировая экономика и международные отношения – 2000. № 4.

356. Нуруллаев А.А., Нуруллаев Ал.А. Религиозно-политический экстремизм. // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Политология. 2003. № 4.

357. Омельченко Е.Л. Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики. 2006. № 1.

358. Омельченко Е.Л. Стилевые профили трудовых стратегий молодых специалистов и специалисток в фокусе гендерных различий. / Социологические исследования. 2002. № 11.

359. Павлинов А.В. Национально-освободительные движения, революции и антигосударственный экстремизм: сущностное сходство и отличие / Материалы всероссийской научной конференции «Неклассическое общество: современное развитие», Владимир, 2008.

360. Павлинов А. В., Дятлова Е. Ю. Особенности проявлений экстремизма в молодежной среде и меры противодействия ему // Вестник Владимирского юридического института. 2008. № 4.

361. Паин Э.А. Имперский национализм: возникновение, эволюция и политические перспективы в России // Общественные науки и современность. 2015.

362. Паин Э.А. Социальная природа экстремизма и терроризма / Общественные науки и современность. 2002. № 4.

363. Пастухова Л. С., Кочнев С. В. Фактор «участия молодежи» в процессах модернизации российского общества: региональный и местный аспекты. / Социальная политика и социология. 2009. № 10 (52).

364. Певцова Е.А. Экстремистские проявления в поведении молодежи в период правовых реформ и кризисных явлений в государстве: проблемы профилактики. / Рос. юстиция. 2009. № 7.

365. Перепелкин Г.Е. Молодежный экстремизм как угроза общественной безопасности // Правовая культура. Саратов: Изд-во Сарат. юрид. ин-та МВД России. 2009. № 1 (6).

366. Петров Ю.П. Основания экстремизма // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. Махачкала: Издательство «Лотос», 2008.

367. Петрова И.Э. Проблемы формирования региональной сети поддержки социальных инициатив молодежи //Молодежь и будущая Россия. Материалы Третьей всероссийской научно-практической конференции. М., 2008.

368. Пиджаков А.Ю. Борьба с политическим экстремизмом и терроризмом: проблемы изучения // Правоведение. 2003. № 3.

369. Плешаков А. Российский путь к гражданскому обществу с социально-правовой государственностью // Право и жизнь. 2002. № 45.

370. Погодин И. В. Генезис неформальных молодежных формирований в России // Закон и право. 2008. № 5.

371. Попов М. Ю. Социализация личности в условиях трансформации общества // Общество и социология: новые реалии и новые идеи. СПб. Ростов н/Д, 2000.

372. Проблемы безопасности и противодействия терроризму. Материалы конференции в МГУ 25–26 октября 2006 г. М.: МЦМНО, 2007.

373. Проблемы свободы совести, веротерпимости и преодоления религиозного и этноконфессионального экстремизма: Материалы межрегион. науч.-практ. конф. (Курган, 11-12 окт. 2000 г.) / Редкол., Шалютин С.М. (отв. ред.) и др. Курган: Кург. гос. ун-т, 2000.

374. Психологи о терроризме («круглый стол») // Психологический журнал. Т. 16. 1995. № 4.

375. Пути России. Двадцать лет перемен. Международный симпозиум 2005. М., 2005.

376. Родионов В.А. Вопросы методологии изучения молодежи и молодежного движения: эволюция подходов. //Методологические проблемы исследования молодежи. М.: Социум, 1998.

377. Сазанова Е. Молодежный экстремизм как социальный феномен // Экстремизм и другие криминальные явления. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2008.

378. Сазонов И. А. Политический экстремизм и проблема его категориального осмысления // Вестник Московского университета. Сер. 12.: Политические науки. 2000. № 2.

379. Сальников Е.В. Трансформация категории экстремизма как становление современной политической преступности. // Безопасность бизнеса. 2008. № 4.

380. Седов Л.А. Традиционные черты российской политической культуры // Общественные науки и современность. 2006. № 3.

381. Сельцовский П.А. Разновидности и формы терроризма в современных условиях // Социально-гуманитарные знания. 2003. № 4.

382. Сергеев С.А. Контркультурная политическая оппозиция в современной России // Социально-гуманитарные знания. 2005. № 3.

383. Сигарев А.В. Законодательство о противодействии экстремизму: исторические этапы развития // Вестник Сибирского института управления. 2021. № 2.

384. Синергетическая парадигма. Человек и общество в условиях нестабильности / Отв.ред. О.Н. Астафьева. М.: Прогресс-Традиция, 2003.

385. Сиоридзе А.Т. Причины возникновения группового молодежного экстремизма // «Черные дыры» в Российском законодательстве. 2006. № 2.

386. Сиоридзе А.Т. Психологический портрет личности участника молодежных экстремистских групп. / Право и образование. 2007. № 3.

387. Соколов В.М. Толерантность: состояние и тенденции в РФ / СОЦИС. 2003. № 8.

388. Соловьев А.И. Политическая стабильность в социокультурном измерении: российские иллюстрации // Государственное управление. 2003. № 1.

389. Социально-культурные условия профилактики экстремизма [Электронный ресурс]. URL: http://planetdisser.com/see/dis_275705.html. – Текст: электронный.

390. Студенческие отряды - Студенческий союз МИРЭА [Электронный ресурс]. – URL: http://www.sumirea.ru/ncat5.html. – Текст: электронный.

391. Сысоев А.М. Об уточнении категории преступлений экстремистской направленности // Российский юридический журнал. 2008. № 4.

392. Тамаев Р. Борьба с экстремизмом: необходимо международное сотрудничество / Законность. 2007. № 6.

393. Таран Ю.Н. Комплексный подход к организации работы по профилактике преступлений и правонарушений несовершеннолетних // Вопросы ювенальной юстиции. 2009. № 2.

394. Тарасов А.Н. Бритоголовые. Новая профашистская молодежная субкультура в России // Дружба народов. 2000. № 2. С. 131.

395. Тарасов А.Н. Порождение реформ: бритоголовые, они же скинхеды // Свободная мысль 2000. № 5. С. 141.

396. Тарцан В.Н. Государственная молодежная политика в современной России. / Политические исследования «Полис». 2010. № 3.

397. Уиланд А. «Негражданское общество» в России // Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., Статут. 2005. 516 с.

398. Умланд А. «Негражданское общество» в России. / Цена ненависти. Национализм в России и противодействие расистским преступлениям. М., Статут. 2005.

399. Умланд А. Правый экстремизм в постсоветской России // Общественные науки и современность 2001. № 4.

400. Устинов В. Экстремизм и терроризм. Проблемы разграничения и классификации // Российская юстиция. 2002. № 5.

401. Ферапонтов Г. А. Формирование гражданской личности в социокросскультурном образовательном пространстве // Философия образования. 2006. № 2.

402. Фридинский С.Н. Молодежный экстремизм как особо опасная форма проявления экстремистской деятельности // Юридический мир. 2008. № 6.

403. Фридинский С.Н. Некоторые проблемы противодействия экстремизму в Российской Федерации // Право и безопасность. № 1-2 (18–19), 2006.

404. Ханбабаев К.М. Религиозно-политический экстремизм и терроризм в полиэтноконфессиональном обществе. // Актуальные проблемы противодействия религиозно-политическому экстремизму. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Махачкала: изд-во Лотос, 2007.

405. Хлебушкин А.Г. К вопросу о понятии экстремизма // Российская система противодействия терроризму: проблемы, механизмы реализации и перспективы развития: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2 ч. Челябинск: Челябинский юридический институт МВД России, 2005. Ч. 1.

406. Ховрин А.Ю. Государственная молодежная политика // Социально-гуманитарные знания. 2007, № 8.

407. Цветов П. Помочь войти во взрослую жизнь // Российская Федерация сегодня. 2006. № 12.

408. Чекмарев Э.В. Духовно-нравственный потенциал молодежи в условиях современной модернизации // Власть. 2009. № 8.

409. Чекмарев Э.В. Молодежь и молодежная политика в Российской Федерации (в порядке постановки проблемы) // Проблемы политологии и политической истории: межвузовский сборник научных трудов. Саратов: Изд-во СГУ им Н.Г. Чернышевского, 2001. Вып. 10.

410. Чекмарев Э.В. Молодежь как политический ресурс модернизации современной России // Известия Саратовского университета. Сер. Социология. Политология. Саратов, 2008.

411. Чекмарев Э.В. Политико-правовые аспекты образования молодежи современной России // Правовая политика и правовая жизнь. 2009. № 3.

412. Чупров В.И., Зубок В.А., Уильямс К. Молодежь в обществе риска. М., 2001.

413. Шаламова Л.Ф., Ховрин А.Ю. Студенческая молодежь и государственная молодежная политика / Социально-гуманитарные знания. 2007. № 4.

414. Шевченко Н.О., Гаврилов А.А. О теневых экономических отношениях в сфере высшего образования // Социс. 2005. № 7.

415. Школа в 2020 году: четыре сценария будущего [Электронный ресурс]. URL: http://2020strategy.ru/g8/news/32661344.html. – Текст: электронный.

416. Шмелев А.А. Молодежные контркультурные и социальные движения в России // Социс 1999. № 8.

417. Шнирельман В.А. Движение скинхедов – эскалация молодежного насилия // Актуальные проблемы противодействия национальному и политическому экстремизму: Материалы Всероссийской научно-практической конференции. В 2-х т. / Под ред. А.-Н.З. Дибирова, М.Я. Яхьяева, А.М. Муртазалиева, К.М. Ханбабаева. Махачкала: Издательство «Лотос», 2008.

418. Эфиров С.А. Вероятен ли рост терроризма в России // Терроризм в современном мире: истоки, сущность, направления и угрозы. М., 2003.

419. Юдичева С.А. Сравнительно-правовой аспект противодействия экстремизму в зарубежных странах // Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2: Юридические науки. 2015. № 1.

УЧЕБНИКИ, УЧЕБНЫЕ И УЧЕБНО-МЕТОДИЧЕСКИЕ ПОСОБИЯ

420. Абдулатипов Р.Г. Судьбы ислама в России. История и перспективы. М.: Мысль, 2002.

421. Алмонд Г. А. Политическая теория и политическая наука. 1966.

422. Анненков В.И., Сурма И. В., Карпов В.В., Моисеев А.В. «Сетецентрическое управление»: современная парадигма развития систем

управления в вооруженных силах ведущих держав мира. Национальная безопасность / nota bene, 2014(2).

423. Арендт Х. Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме / Пер. с англ. С. Кастальского и Н. Рудницкой; послесл. Э. Зуроффа. М.: Европа, 2008.

424. Арон Р. Мир и война между народами. М., 2000.

425. Бажанов Е.П. Актуальные проблемы международных отношений. Избранные труды в 3-х томах. М., 2001.

426. Барынькин В.М. Сущность военной опасности, ее источники для России // Национальная безопасность: актуальные проблемы. М: ВАГШ, 2000.

427. Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999.

428. Бельков О.А., Даниленко И.С., Дмитриев А.П. Общая теория безопасности (актуальные методологические и социально-политические проблемы). М.: ВАГШ, 1994.

429. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995.

430. Бессонов Б.Н. Философия, политика и современность // Философские науки, 1989, №10.

431. Богатуров А. Д., Косолапов И.Л. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М., 2002.

432. Бурдье П. Социальное пространство: поля и практики. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 2005.

433. Васильев В. Л. Психологические аспекты преступных формирований и расследования совершаемых ими преступлений: Учеб. пособие. СПб., 1994.

43. Вебер М. Образ общества. М., 1994.

435. Власов В.И. Экстремизм: сущность, виды, профилактика: Учебно-методическое пособие / Под ред. Р.Г. Абдулатипова. М., 2003.

436. Воскресенский А.Д. Концепции регионализации, региональных подсистем, региональных комплексов и региональных трансформаций в

современных международных отношениях. «Сравнительная политика», 2012. Т.3. № 2.

437. Гаджиев К.С. Политическая наука: Пособие для преподавателей, аспирантов и студентов гуманит. фак. М.: Сорос: Международные отношения, 1994.

438. Галкин А.А. Государство и общество в условиях глобализации: взгляд слева. М. 2003.

439. Гидденс, Э. Устроение общества: Очерк теории структурации. М.: Академический проект, 2003.

440. Грачев А.С. Политический экстремизм. М.: Мысль, 1986.

441. Гришина Е. А. Российская молодёжь: проблемы гражданской идентичности. М.: Социум, 1999.

442. Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: Экопрос, 1992. Гумилев Л.Н. «Этногенез и биосфера Земли»: Эксмо; М., 2007.

443. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: «Книга», 1991.

444. Ефимов Н.Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2014.

445. Ирхин Ю.В. Политология: Учебник. М.: Юристъ, 2001.

446. Кокошин А.А. Политология и социология военной стратегии. М.: ЛЕНАНД, 2014.

447. Кортунов С.В. Становление политики безопасности: формирование политики национальной безопасности России в контексте проблем глобализации. М.: «Наука», 2003.

448. Лакер В. Долгий путь к свободе. Россия и гласность. М.: Прогресс, 1990.

449. Лисовский В.Т. Социология молодежи: Учебник. СПб. 1996.

450. Локосов В.В. Трансформация национальной государственности как глобальный вызов. М.: РИЦ ИСПИ РАН, 2006.

451. Меры профилактики в работе с участниками экстремистских молодежных организаций: Методические рекомендации. УФ ДВЮИ МВД России. Уссурийск, 2006.

452. Методические рекомендации по профилактике и противодействию экстремизму в молодежной среде (разработаны Минспорттуризмом России совместно с МВД России и ФСБ России) [Текст] // Наша молодежь. 2011. № 6.

453. Панарин И.Н. Система информационного противоборства. Военно-промышленный курьер, 2008, № 41.

454. Панарин, А.С., Василенко И.А. Политология: Общий курс. Уч. пособие. М.: Логос, 2003.

455. Попченко А.Р., Петрова Т.А. Предупреждение правонарушений со стороны молодежных неформальных объединений экстремистской направленности: Методическое пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2006.

456. Почепцов Г.Г. Революция.com. Основы протестной инженерии. М.: Европа, 2005.

457. Социология / Под ред. проф. В.Н. Лавриненко. М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1998.

458. Устрялов Н.В. Германский национал-социализм. Харбин. 1933.

459. Филатов Г.С. Фашизм, неофашизм и антифашистская борьба в Италии. М., 1984.

460. Фридинский С. Н. Экстремизм: понятие, сущность и основные формы проявления (научно-методическое пособие). М., 2010.

461. Шарп Дж. От диктатуры к демократии. Стратегия и тактика освобождения. М.: Новое издательство. 2005.

ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ ДИССЕРТАЦИЙ

462. Арефьев А.М. Политика противодействия терроризму в странах Содружества Независимых Государств. Автореф. дис. ... канд. полит. наук. М., 2019.

463. Афанасьева Р.М. Социокультурные условия противодействия экстремизму в молодежной среде (социально-философский анализ) Автореф. дис. ... канд. философ. наук. М., 2007.

464. Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: Идеология, этика, психология: вторая половина XIX – начало XX в.: дис. ...д-ра. истор. наук. М., 1998.

465. Возженников А.В. Национальная безопасность в контексте современного политического процесса России: теория и политика обеспечения: дис. …д-ра полит. наук. М., 2002.

466. Волков К.А. особенности формирования гражданского общества в России в условиях глобализации: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2007.

467. Гулиев М.А. Политическая толерантность и безопасность в урегулировании этнического конфликта модернизируемого общества: автореф. дис. … канд. полит. наук. Ростов н/Д, 2006.

468. Зеленин А.А. Государственная молодежная политика РФ: концептуальные основы, стратегические приоритеты, эффективность региональных моделей: автореферат дис. ... д-ра полит. наук. Н. Новгород, 2009.

469. Лазарев Н.Я. Терроризм как социально-политическое явление: истоки, формы и динамика развития в современных условиях: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2007.

470. Макеев А.В. Основы политики национальной безопасности: структурогенез и механизм реализации: дис. …д-ра полит. Наук. М., 1999.

471. Нечитайло Д.А. Современный радикальный исламизм. Стратегия и тактика: дис. ... д-ра полит. Наук. М., 2018.

472. Павлинов А.В. Криминальный антигосударственный экстремизм: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008.

473. Пинчук А.Ю. Терроризм в условиях глобализации как фактор политической деструкции: политологический анализ: дис. ... д-ра полит. наук М., 2019.

474. Ростокинский А.В. Преступления экстремистской направленности как проявления субкультурных конфликтов молодежных объединений: уголовно-правовые и криминологические проблемы: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008.

475. Сазанова Е.А. Криминологическая характеристика и предупреждение молодежной преступности экстремистской направленности в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

476. Самсонова Е.А. Политические ценности российской молодежи в условиях социально-политических трансформаций 1990-х годов: автореф. дис. ... канд. полит. наук. Саратов. 2008.

477. Сентюрин Ю.П. Политический экстремизм и патриотическое воспитание молодежи на современном этапе развития гражданского общества в России: автореф. дис. … канд. полит. наук. Нижний Новгород, 2007.

478. Соловьев А.Б. Политический экстремизм в современной России: середина 1980-х – 1990-е годы: автореф. … дис. канд. полит. наук. Н. Новгород, 1998.

479. Стрельцов А.А. Теоретические и методологические основы правового обеспечения информационной безопасности России: дис. ... д-ра юрид. наук, 2004.

480. Тараканов П.В. Роль и место молодежных организаций в политической системе современного российского общества: автореф. дис. … канд. полит. наук. М., 2006.

481. Улупова Г. А. Терроризм как социальный феномен: автореферат дис.... кандидата философских наук. Тверской гос. ун-тет. Тверь, 2003.

482. Упорников Р.В. Политико-правовые технологии противодействия информационному экстремизму в России: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2007.

483. Фантров П.П. Политические технологии взаимодействия институтов государства и гражданского общества в процессе обеспечения национальной безопасности России: дис. … канд. полит. наук. М., 2029.

484. Федоренко А. В. Становление политической социализации в современной России: предпосылки и особенности: дис. ... канд. полит. наук. М., 2006.

485. Шаваев А.Х. Национальная безопасность как система. М.: ВАГШ ВС РФ, 2003.

НАУЧНО-СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ

486. Грачев С.И. Международный терроризм: Глоссарий, аналитические материалы, документы: Научно-справочное издание / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. Москва – Нижний Новгород: Институт стратегических исследований ННГУ, Академия военных наук России, 2003.

487. Грачев С.И. Терроризм и контртерроризм в современном мире: аналитические материалы, документы, глоссарий: Научно-справочное издание / Под общ. ред. акад. О.А. Колобова. М.: Изд-во «Экслит», 2003.

488. Политология: Энциклопедический словарь / Авт. кол. Ю. И. Аверьянов, С. Г. Айвазов, Т. А. Алексеева и др. М., 1993.

489. Социологический энциклопедический словарь. / Редактор – координатор Г.В. Осипов. М.: Изд. группа ИНФРА-М.- НОРМА, 1998.

Приложение

Проект концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны»

Рекомендации государственным органам в области противодействия экстремизму

1. Общие положения

Проект концепции разработан как итоговый прикладной продукт докторской диссертации, имеющий значение для государственного управления и стратегического планирования до 2035 г. в области противодействия экстремизму в интересах обеспечения безопасности государства. Проект концепции «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны» включает адаптированные элементы взаимодействия государственных и общественных институтов.

В контексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации и Концепции общественной безопасности особую актуальность приобретает необходимость разработки единой долгосрочной модели государственной политики противодействия экстремизму до 2035 года, которая должна базироваться на следующих концептуальных положениях:

1. Научно-аналитическая обоснованность – обеспечение политики на основе современных междисциплинарных исследований, включающих политологический, правовой, социокультурный и психологический анализ факторов экстремизма.

2. Системность и комплексность – объединение мер правового регулирования, идеологического воздействия, информационного мониторинга и образовательной профилактики в едином стратегическом контуре.

3. Превентивный и адаптивный характер – смещение акцента с реагирования на предупреждение, с карательных мер на формирование социально-культурной устойчивости.

4. Межведомственная координация – установление четких механизмов взаимодействия между органами федеральной, региональной и муниципальной власти, правоохранительными структурами и институтами гражданского общества.

5. Ориентация на ценностно-нравственные основания – укрепление духовно-нравственных и культурных традиций российского общества как фундамента профилактики экстремизма.

Проект концепции предполагает построение многоуровневой системы государственного управления в сфере противодействия экстремизму, включающей стратегический, тактический и операциональный уровни:

- Стратегический уровень – разработка и утверждение национальных приоритетов, формирование нормативно-правовой и концептуальной базы, утверждение долгосрочной межведомственной программы «О противодействии экстремистской деятельности в интересах обеспечения безопасности страны (до 2035 года)».
- Тактический уровень – реализация федеральных и региональных программ профилактики экстремизма, внедрение системного мониторинга, проведение информационно-просветительских кампаний, развитие кадрового и научного потенциала.
- Операциональный уровень – непосредственная деятельность органов власти, образовательных учреждений, СМИ, общественных организаций, правоохранительных структур по предотвращению, нейтрализации и ресоциализации участников экстремистской деятельности.

1.1. В настоящее время анализ состояния политической обстановки свидетельствует, что государства не отказались от применения военной силы при реализации национальных интересов. В XXI в. экстремистская деятельность стала представлять не только внутреннюю угрозу обществу, но

и превратилась в один из способов ведения боевых действий на территории противника в рамках так называемой гибридной войны.

Экстремистские тенденции в обществе способны разобщать граждан, провоцировать внутренние конфликты и подрывать доверие к государственным институтам. Если эти тенденции не сдерживать, они могут вылиться в масштабные беспорядки или вооруженные мятежи, которые потребуют отвлечения значительных сил и средств на их подавление.

Это ставит перед государственными органами задачу не только по противодействию экстремистским идеям, а также по актуализации методов государственной политики, способных обеспечить безопасность, стабильность и эффективное противодействие различным проявлениям данного явления в современном российском политическом пространстве.

Практика взаимодействия органов правопорядка и безопасности (ФСБ, МВД, прокуратуры, Росгвардии, Роскомнадзора, исправительных учреждений) показывает, что без унификации подходов и четкого разграничения полномочий эффективность противодействия снижается. Особенно остро встает вопрос адаптации законодательства к новым формам экстремизма – киберэкстремизму, идеологической манипуляции в цифровой среде, использованию децентрализованных сетей для пропаганды радикальных идей. Поэтому необходима разработка единой концепции профилактики экстремизма, включающей меры правового регулирования, информационно-просветительские программы и использование цифровых аналитических платформ.

Данная деятельность осуществляется уполномоченными представителями ФСБ, МВД, прокуратуры, Росгвардии, Роскомнадзора, исправительных учреждений, а также институтами гражданского общества.

В большинстве реализуемых в настоящее время программах в области противодействия экстремизму акцент сделан на индивидуальную работу, учитывая конкретные социально-психологические уязвимости

радикализованного лица и социально-экономические особенности его жизнедеятельности.

Большинство имеющихся программ в области противодействия экстремизму реализуются в отношении тех, кто уже отбывает наказание за преступление экстремистской направленности. При этом накопленный практический опыт существенно превосходит накопленные теоретические наработки в той области.

Основной целью разработки данного проекта является формирование единого подхода уполномоченных представителей органов государственной власти и общественных организаций к указанной деятельности.

При разработке данного проекта Концепции учитывались положения:

- «Концепции национальной безопасности Российской Федерации», утвержденной Указом Президента от 10 января 2000 года № 24;
- Стратегии национальной безопасности Российской Федерации (утв. Президентом РФ 2.07.2021 г. № 400).
- Федерального закона «О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в ред. от 07.02.2011 № 3-ФЗ;
- Федерального закона от 10 января 2003 года № 3-ФЗ «О ратификации Шанхайской конвенции о борьбе с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом»;
- Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» (с изменениями от 27 июля 2006 г., 10 мая, 24 июля 2007 г., 29 апреля 2008 г.);
- Федерального закона от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»;
- Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности».

Рекомендации органам государственной власти и общественным организациям, указанные в проекте данной концепции направлены на укрепление механизмов межведомственной координации и парламентского контроля за реализацией антитеррористического и антиэкстремистского законодательства.

Применение данных рекомендации не только унифицирует и оптимизирует деятельность государственных органов и общественных организаций, но способствует противодействию распространению экстремизма.

2.2. Термины и определения

В проекте Концепции экстремизм определяется следующим образом: ***«Экстремизм*** – это системное общественно опасное явление, представляющее собой идеологически мотивированную деятельность физических лиц, групп, организаций или иных субъектов, основанную на приверженности радикальным взглядам, нетерпимости к иным мировоззренческим, политическим, национальным, расовым, религиозным или социальным позициям и направленную на насильственное или противоправное изменение конституционного строя, разрушение единства государства, подрыв общественного порядка, разжигание ненависти и вражды, а также на понуждение широкого круга лиц к принятию и распространению данной идеологии, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных сетей».

Выделяются следующие признаки**,** позволяющие идентифицировать лиц, вовлеченных или склонных к вовлечению в экстремистскую деятельность:

1. *Идеологические признаки:*

- демонстративное принятие радикальной идеологии (националистической, религиозно-экстремистской, ультраправой или ультралевой);

- нетерпимость к иным взглядам, вероисповеданиям, национальностям; абсолютизация «своей» точки зрения;

- оправдание насилия как легитимного метода разрешения политических и социальных конфликтов;

- апелляция к идее избранности и исключительности собственной группы;

- отрицание демократических норм и неприятие конституционного строя.

2. *Поведенческие признаки:*

- нездоровый интерес к террористической деятельности, одобрение экстремистских проявлений;

- активное распространение экстремистских материалов в Интернете и социальных сетях;

- участие в несанкционированных акциях с экстремистской символикой;

- демонстрация символики запрещенных организаций;

- попытки приобрести оружие или взрывчатые вещества без законных оснований.

3. *Психологические признаки:*

- агрессивность, фанатизм, готовность к самопожертвованию во имя идеи;

- слепая вера в правоту идеологии, крайняя нетерпимость к иным взглядам;

- склонность к дихотомическому мышлению («свои» / «чужие»);

- самоизоляция от прежнего социального окружения и включение в новую закрытую группу.

4. *Социально-сетевые признаки:*

- членство в закрытых группах, пропагандирующих насилие и ненависть;
- регулярное обращение к запрещенным ресурсам и экстремистским каналам;
- переписка с лицами, причастными к экстремистским организациям;
- требование сохранять в тайне контакты и характер общения.

3. Основные категории экстремистов:

На основе анализа Стратегии противодействия экстремизму 2024 г. и научных исследований выделяются пять категорий экстремистов, различающихся по степени опасности и требующих дифференцированных методов противодействия: 1) религиозные радикалы; 2) националисты и неонацисты; 3) иностранные агенты влияния и деструктивные НКО; 4) молодежные экстремистские объединения; 5) автономно действующие приверженцы.

4. **Рекомендации государственным органам в области противодействия экстремизму**

4.1. Дерадикализация лиц, отбывающих наказание за экстремистскую деятельность

Работа по дерадикализации лиц, осужденных за экстремистские преступления. Данная деятельность осуществляется органами, осуществляющими свою деятельность во взаимодействии с иными уполномоченными органами государственной власти, в том числе наделенными полномочиями в области образования, труда, культуры, здравоохранения, безопасности, межнациональных отношений, социальной и молодежной политики, и правоохранительными органами с привлечением институтов гражданского общества (волонтеры, культурные объединения, средства массовой информации, молодежные союзы).

Основными субъектами психологического сопровождения дерадикализации лиц, отбывающих наказание за экстремистское поведение

выступают сотрудники психологических и воспитательных служб исправительных учреждений.

Алгоритм дерадикализации включает следующие этапы:

- постановка отбывающего наказание лица на профилактический учет;
- сбор первичной информации о нем (характеристика, сведения о родственниках мотивы, побудившие совершить экстремистские действия и т.д.);
- закрепление за ним опытного сотрудника воспитательной службы для проведения индивидуальных профилактических мероприятий, а также привлечение необходимых специалистов для дальнейшей коррекции поведения;
- завершение индивидуальной программы дерадикализации, подготовка предложений для органов государственной власти по организации дальнейшей профилактической работы после освобождения с исправительного учреждения;
- проведения социальной работы. Это и возможность профессионального обучения, трудовая адаптация к оплачиваемому и неоплачиваемому труду, содействие в получении образования, использование в полной мере возможностей отечественной системы образования при решении задач формирования установок толерантного поведения, профилактики национализма и экстремизма, уменьшения риска социальных взрывов;
- содействие в пенсионном обеспечении, проведение социальных мероприятий по социально-правовой защите (разъяснение действующего законодательства, индивидуальные консультации по социальным, правовым и иным вопросам. А также оказание содействия в обращении с заявлениями в различные общественные и государственные структуры по индивидуальным проблемам);
- внедрение мероприятий по ресоциализации в групповых формах (проведение индивидуальных бесед, взаимодействие с территориальными

службами занятости и социальной защиты населения, оказание помощи в получении документов, необходимых для успешной социальной адаптации, оказание помощи в бытовом и трудовом устройстве, внедрение норм толерантного поведения в социальную практику противодействия экстремизму;

- взаимодействие со средствами массовой информации и оказания поддержки, прежде всего в переориентации с противодействия деструктивным процессам в форме контрпропаганды на активную работу по опережению и предупреждению кризисов;

- совершенствование и развития методологических основ политики в области становления гражданского общества;

- формирование правосознания, медиаграмотности и гражданской идентичности, особенно среди молодежи, а также создание единого цифрового мониторингового центра для анализа рисков радикализации. Поскольку дальнейшее совершенствование нормативно-правовой базы должно опираться на баланс между обеспечением безопасности и защитой конституционных прав граждан, что позволит выстроить устойчивую и адаптивную систему противодействия экстремизму, отвечающую вызовам современного общества.

- формирование информационно-коммуникативного противодействия экстремизму. Оно включает в себя:

- разработку и реализацию антиидеологических и антирекрутинговых программ в цифровом пространстве;

- формирование системы позитивного контента, укрепляющего национальную идентичность;

- поддержку социальных и медиапроектов, продвигающих ценности гражданственности и общественной солидарности;

- подготовку специалистов в области медиабезопасности и идеологического анализа.

4.2. Роль правоохранительных органов

Правоохранительные органы Российской Федерации должны в тесном взаимодействии с ФСБ и Росгвардией проводят комплекс мер по установлению личности лица, подозреваемого в экстремистской деятельности, а также сбор информации о возможности его причастности к совершению иных правонарушений.

4.3. Ресоциализации молодежи

Особую роль в контексте политической социализации личности как инструмента искоренения экстремизма играет совершенствование системы ресоциализации молодежи. Целесообразна дальнейшая модернизация применения санкций в следующих направлениях:

- расширение мер стимулирования общественно полезных действий с учетом повышения культуры и сознательности подрастающего поколения;

- дифференциация и индивидуализация ответственности с учетом степени тяжести содеянного, личности виновного, причин поступка и возможностей исправления и перевоспитания субъекта, в первую очередь без изоляции от общества;

- расширение возможностей замены юридических наказаний мерами общественного воздействия;

- гуманизация методов исправления и перевоспитания виновных, более полное сочетание их с мерами культурного и педагогического воздействия.

4.4. Межведомственное взаимодействие:

- усиление координации деятельности федеральных и региональных органов власти в сфере противодействия экстремизму, обеспечив единые стандарты профилактики и мониторинга;

- расширение межведомственного взаимодействия с использованием цифровых аналитических платформ и искусственного интеллекта для выявления экстремистских угроз;

- социокультурная диагностика в программах государственной безопасности и образования;

- обеспечение регулярного публичного информирования общества о результатах реализации государственной политики, что будет способствовать укреплению доверия граждан и формированию единого антиидеологического фронта.

5. Заключительные положения

Работа по дерадикализации лиц, вовлеченных в противоправную экстремистскую деятельность, играет важную роль для обеспечения национальной безопасности государства.

В силу того, что деструктивные идеологии обладают способностью глубоко проникать в сознание людей в последние годы проблема распространения экстремизма стала наиболее актуальной для всех сфер жизнедеятельности.

Очевидно, что в этих условиях использование только силовых и агитационных методов недостаточно. Необходима комплексная работа, способная влиять на сознание человека.

Государственная политика должна опираться на инновационные управленческие технологии, включая цифровое моделирование угроз, создание ситуационных центров мониторинга и оперативного реагирования, развитие аналитических платформ на базе межведомственного взаимодействия.

Реализация предложенной модели государственной политики позволит:

- повысить уровень защищенности российского общества от идеологических и информационных угроз;
- укрепить межэтническое и межконфессиональное согласие;
- сформировать единое антиидеологическое пространство в рамках национальной идентичности;
- создать эффективный механизм межведомственного и общественного взаимодействия;

- обеспечить стратегическую устойчивость государства в условиях глобальных вызовов XXI века.

Разработанный проект концепции предназначен для использования органами государственной власти и общественными организациями в работе с лицами, вовлеченными в противоправную деятельность экстремистских организаций.